Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Канхуш Джалал

Независимая гарантия в банковской деятельности по законодательству России и Сирийской Арабской Республики

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Курбатов Алексей Янович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ..... …3

ГЛАВА 1. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПО РОССИЙСКОМУ И СИРИЙСКОМУ ПРАВУ.. 21

1.1. Возникновение и развитие института независимой гарантии в исторической ретроспективе 21

1.2. Понятие независимой гарантии по российскому и сирийскому праву .. 54

1.3. Виды независимой гарантии 74

ГЛАВА 2. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ И СИРИЙСКОМ ПРАВЕ 89

2.1. Правовая природа независимой гарантии 89

2.2. Отличительные признаки и функции независимой гарантии 121

2.3. Принцип независимости гарантии 135

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В СИСТЕМЕ ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ 162

3.1. Условия независимой гарантии 162

3.2. Правоотношения между принципалом и бенефициаром 178

3.3. Правоотношения между принципалом и гарантом 186

3.4. Правоотношения между гарантом и бенефициаром 194

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 211

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 217

ПРИЛОЖЕНИЯ……245

Приложение А. Банки, входящие в банковскою систему САР 245

Приложение Б. Объем портфеля банковских гарантий, реализованных Коммерческим банком Сирии (CBS) в период с 2007 по 2020 г. 246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена широким распространением банковских гарантий не только в международном, но и в российском торговом обороте [1] . Значительное число международных экономических и финансовых операций проводятся с применением банковских гарантий. Несмотря на расширение субъектного состава лиц, которые могут выдавать гарантии, основная часть независимых гарантий выдается именно банками, что объясняется их признанными со стороны бенефициаров финансовыми возможностями (состоятельностью) и пристальным надзором со стороны национальных (центральных) банков за их деятельностью.

Независимые (банковские) гарантии – это относительно недавно возникшие финансовые инструменты, которые применяются в основном в международных контрактах на поставку или строительство. Они впервые появились на американском внутреннем рынке в середине 1960-х гг. и, по информации самих банкиров, приобрели значительное распространение в международной банковской деятельности только в начале 1970-х[2].

Рост благосостояния нефтедобывающих стран Ближнего Востока в этот период позволил этим странам (в том числе Сирии) заключить большое количество контрактов с западными странами с целью развития инфраструктуры в промышленных, аграрных и социальных областях, а также в сфере национальной безопасности. Возникновение и развитие независимых (банковских) гарантий, особенно гарантий по первому требованию, на начальном этапе в банковской деятельности Сирии связано с заключением этих контрактов[3].

Что касается России, то, по данным S&P Global Ratings, начиная с 2021 г. для

---

[1] Согласно п. 3 ст. 368 ГК РФ, независимые гарантии могут выдаваться банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), а также другими коммерческими организациями.

[2] См.: Bertrams R. Bank Guarantees in international trade / 3rd ed. Hague : Kluwer law international, 2004. At. 1. 562 p.

[3] См.: Сирийская банковская система: реальность и проблемы. Дамаск, 2007. С. 5.

российской экономики действуют три основных риска: эскалация санкций, нарушение баланса экономических отношений на мировом уровне, а также внутриполитическая волатильность[4]. В этой ситуации неизбежно возрастают риски неисполнения контрактов, а значит, и актуализируются вопросы независимого гарантирования.

Одновременно в доктрине высказывается позиция о том, что сравнительно недавно в системе российского права был институционализирован ранее нехарактерный для национального правопорядка высокоэффективный и устойчивый механизм обеспечения надлежащего исполнения обязательств – банковская гарантия, при этом подчеркивается, что нормативная конструкция соответствующих правоотношений во многом опирается на сложившиеся коммерческие обычаи, разработанные и кодифицированные Международной торговой палатой (МТП или ICC – от англ. International Chamber of Commerce). Последующая модернизация общей части обязательственного права, осуществленная законодателем в 2015 г., привела к нормативному закреплению в системе позитивного права специальных положений, регламентирующих отношения, возникающие при выдаче уже не исключительно банковской, но более широкой по субъектному составу независимой гарантии[5].

Институт банковской гарантии, действующий в России со дня вступления в силу Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предполагает перенесение риска неплатежа на гаранта. Это также предусмотрено Гражданским кодексом Сирии (далее – ГК САР). Подобные правовые положения существуют и в законодательстве различных арабских стран: Ирака, Египта, Алжира, Иордании и Объединенных Арабских Эмиратов.

В то же время все стороны гарантийных отношений преследуют свою деловую цель. В рамках рассматриваемой конструкции удовлетворение

---

[4] Цит. по: РБК. 2021. 27 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/27/02/2021/6038f0789a794777f4d955f4 (дата обращения: 15.06.2025).

[5] См., например: Вахрушев Л. А. Независимая гарантия : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 6.

имущественных требований бенефициара осуществляется посредством обращения к гаранту, принимающему на себя обязанность по компенсации возможных потерь и получающему за принятие соответствующего риска обусловленное вознаграждение за выдачу независимой гарантии. В свою очередь, принципал приобретает экономическое и правовое преимущество, поскольку наличие обеспечительного обязательства в форме независимой гарантии делает возможным заключение основного договора с бенефициаром, который при отсутствии такого инструмента обеспечения не был бы реализован. Таким образом, надлежаще урегулированные правом гарантийные отношения, придавая стабильность гражданскому обороту, содействуют приросту общественного благосостояния, а в текущей ситуации – поддержанию экономики, работающей в сложных условиях. В этом смысле можно обратить внимание на период сирийской войны (с 2011 г.), особенно в 2013–2014 гг., сопровождавшийся увеличением случаев невыполнения обязательств (по причине санкций и самого состояния войны), когда банковские гарантии сыграли важную роль в защите прав кредиторов. Указанные обстоятельства формируют экономико-правовое измерение актуальности настоящего исследования. В правоприменительной практике независимая гарантия преимущественно используется в качестве способа обеспечения обязательств, возникающих из гражданско-правовых договоров, направленных на поставку продукции, выполнение подрядных работ и оказание услуг для удовлетворения государственных и муниципальных потребностей. Реализация бенефициаром предоставленных ему прав по независимой гарантии свидетельствует о надлежащем, добросовестном и рациональном расходовании публичных финансовых ресурсов, обеспечивает их сохранность и тем самым обусловливает социально-экономическую значимость избранной темы.

Корректировка положений ГК РФ, выразившаяся в расширении круга лиц, наделенных полномочиями по выдаче независимых гарантий, нормативном закреплении их обязательных элементов, а также в более детальной регламентации оснований для отказа в удовлетворении требований по гарантии, не привела к полному устранению существующих коллизий и неопределенности в правовом

режиме данного обеспечительного инструмента. В совокупности с обозначенными ранее обстоятельствами это обусловливает повышенный научный интерес к углубленному осмыслению института независимой гарантии и смежных правовых конструкций, включая доктрину способов обеспечения исполнения обязательств[6], что позволяет отнести данные вопросы к теоретико-правовому измерению актуальности заявленной темы. В то же время отсутствие надлежащего правового регулирования института банковской гарантии и опора на противоречивые в некоторой степени судебные решения создали большое количество проблем для сирийских банков, особенно в сфере международной банковской деятельности.

В данном случае концептуальный анализ независимой гарантии должен отграничить ее от иных традиционных способов обеспечения исполнения обязательства (в частности, поручительства) с учетом общности их функционального назначения.

С 2016 г. активизируются исследования в указанных направлениях. В ходе возникшей дискуссии идет переосмысление отдельных положений обязательственно-правовой теории. Глобализация, осложненная санкционной конфронтацией, затрудняет контрактные отношения, актуализирует новые, неизвестные «классическим» гарантийным отношениям, проблемы, которые автор поставил целью выявить и решить в данном исследовании. Это доктринальный аспект актуальности настоящей работы.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ литературы, проведенный автором в рамках подготовки настоящего исследования, позволил прийти к выводу об относительной полноте исследования банковской гарантии, рассматриваемой как обязательство, по которому гарант обязуется при неисполнении либо ненадлежащем исполнении принципалом основного обязательства выплатить бенефициару определенную в соглашении о гарантии сумму[7].

---

[6] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч.

[7] См., например: Байгушева Ю. В. Банковская гарантия : дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 162 с.; Вахрушев Л. А. Указ. соч.

С этой позицией солидаризируются большинство исследователей. Таким образом, в российской гражданско-правовой литературе доминирует представление о банковской гарантии как об одном из способов обеспечения исполнения обязательств. Такой подход мы отметили в работах российских ученых Л. А. Бирюковой, С. Н. Вершинина, М. В. Волошиной, Д. А. Гаврина, О. С. Гриня и др., а также арабских ученых С. Аль-Калиуби, Х. Адвара, Х. Ат-Таса, М. Митри, С. Ашура, А. Ганема, М. аль-Факи и др.

Сходясь в общем, исследователи расходятся в частностях, акцентируя внимание на определенном сходстве гарантии с ценной бумагой (Г. А. Аванесова) либо даже с договором страхования (Е. А. Павлодский, С. Аль-Калиуби, М. Аль-Килании).

Факультативно вопросы банковской гарантии, наряду с другими способами обеспечения исполнения обязательств, затронуты в работах специалистов договорного права: В. В. Витрянского, Б. М. Гонгало, А. Л. Меламеда, Л. А. Новоселовой, О. Н. Садикова и др.

Что касается независимой гарантии, то ее глубокое изучение началось относительно недавно. В России часть исследователей рассматривают ее как новый правовой феномен, пришедший на смену банковской гарантии (А. М. Каунов, Е. Ю. Руденко, Е. В. Хремкина) [8], противопоставляя их друг другу (Э. Э. Нестерова)[9]. Однако отдельные исследователи, не уходя от базового смысла и не проводя какие-либо параллели между существующими видами гарантий, придерживаются точки зрения, что независимая гарантия, как и банковская,

[8] См.: Хремкина Е. В. Независимая гарантия на смену банковской гарантии: изменения в обеспечении обязательств // Актуальные проблемы современного законодательства : материалы IV всероссийской научно-практической конференции : в 2 т. / МФЮА ; отв. ред. А. Г. Забелин. 2016. Т. 2. С. 177–183; Руденко Е. Ю., Каунов А. М. Обеспечение исполнения обязательства посредством гарантии: от банковской к независимой // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 658–674.

[9] См.: Нестерова Э. Э. Независимая гарантия vs. поручительство: вытеснит ли независимая гарантия поручительство из гражданского оборота России? // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 146.

остается одним из способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве (Э. Р. Мирзоева)[10].

При этом внимание российских правоведов сосредоточено на правовой природе независимой гарантии (Н. Ю. Челышева, А. М. Фирстова, М. Д. Беляев)[11], а также отдельных аспектах поведения сторон (Н. В. Остроумов)[12]. Следует отметить, что объем исследований по данной теме в Сирии существенно меньше, чем в Российской Федерации. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, решающее значение имеют масштабы банковской деятельности в России, во-вторых, наблюдаются весьма нестабильные экономические отношения с западными странами, в-третьих, происходят периодические изменения российского гражданского законодательства.

Первой попыткой обобщения спорных вопросов правового регулирования независимой гарантии как субинститута российского гражданского права стала диссертация Л. А. Вахрушева[13], где, несмотря на безусловную актуальность и относительную полноту, принципиально важный анализ структуры правоотношений в рамках независимой гарантии представляется неполным.

Вместе с тем более детальный анализ данного исследования показывает, что автор исследовал проблематику правоотношений между принципалом и гарантом, а также между гарантом и бенефициаром, однако оставил без должного внимания отношения, складывающиеся между принципалом и бенефициаром. Кроме того, в диссертационном исследовании Л. А. Вахрушева отсутствует обращение к иностранному праву, в частности не проводится сравнительно-правовой анализ

---

[10] См.: Мирзоева Э. Р. Независимая гарантия как один из способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве // Свобода и право : сб. ст. XV Междунар. науч. конф. Кемерово : Плутон, 2017. С. 13–16.

[11] См.: Челышева Н. Ю. Правовая природа независимой гарантии и ее место в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. 2018. № 2. С. 23–26; Фирстова А. М., Беляев М. Д. Правовая природа независимой гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств // Научные исследования, открытия и развитие технологий в современной науке : сборник материалов XX междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. Т. 1. С. 150–152.

[12] См.: Остроумов Н. В. Риск недобросовестного поведения сторон обязательства, исполнение которого обеспечено независимой гарантией // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 567–571.

[13] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч.

практики исполнения обязательств, обеспеченных независимой гарантией, в различных правопорядках. Указанный аспект восполняется в настоящем исследовании на материале сирийского права.

Следует отметить, что проблема разграничения независимой гарантии с близкими по правовой природе институтами поднималась и в зарубежной юридической доктрине. В частности, первые попытки провести различие между банковской гарантией, страхованием и поручительством были предприняты в арабской юриспруденции профессором Али Джамал аль-Дин аль-Авадом, особенно в сфере банковской и предпринимательской деятельности.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы по теме диссертационного исследования демонстрирует ее недостаточную изученность, что является наглядным подтверждением актуальной потребности в этом.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при обеспечении исполнения обязательств независимой гарантией в банковской деятельности.

Предметом исследования являются действующее гражданское и банковское законодательство, судебная практика, доктринальные положения, касающиеся тенденций развития и закономерностей правового регулирования отношений, связанных с независимой гарантией как способом обеспечения исполнения обязательств в банковской деятельности.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование целостного научного представления об общих и отличительных признаках независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве, а также выработка концептуальных подходов для совершенствования института независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве на основе комплексного компаративистского подхода.

Для достижения цели диссертационного исследования автор поставил следующие задачи:

– в рамках историко-правового и сравнительно-правового анализа проследить становление и развитие института независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве;

– определить понятие независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве и выявить особенности ее нормативного закрепления;

– систематизировать виды независимой (банковской) гарантии в российском и сирийском праве;

– исследовать правовую природу независимой (банковской) гарантии, выявить ее общие и отличительные признаки, функции и место в системе способов обеспечения исполнения обязательств, прежде всего в сопоставлении с поручительством;

– раскрыть содержание принципа независимости гарантии, определить пределы его действия и особенности реализации в российском и сирийском праве;

– определить существенные и иные условия независимой (банковской) гарантии и выявить специфику их правового значения в сопоставляемых правопорядках;

– раскрыть содержание совокупности правоотношений, возникающих между принципалом и бенефициаром, принципалом и гарантом, гарантом и бенефициаром в их системной взаимосвязи;

– провести сравнительно-правовой анализ практики исполнения обязательств, обеспеченных независимой (банковской) гарантией, в российском и сирийском праве;

– выявить основные проблемы правового регулирования института независимой (банковской) гарантии и сформулировать концептуальные подходы к его совершенствованию в российском и сирийском праве.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу диссертации составила совокупность традиционных общенаучных, а также специально-юридических методов исследования. Так, автор использовал анализ и синтез, индукцию и дедукцию, наблюдение, абстрагирование. Исходя из вышеуказанной цели и сформулированных задач

диссертации ведущими методами исследования были выбраны формально-юридический и сравнительно-правовой. В качестве вспомогательных в диссертации применены системный и историко-правовой методы познания.

Теоретическую основу диссертации составляют российская теория права (С. С. Алексеев, Б. Б. Черепахин и др.), договорная, обязательственная и другие гражданско-правовые доктрины, развитые русскими (Д. И. Мейер, Л. А. Кассо, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и др.), советскими (О. С. Иоффе, В. А. Венедиктов, Л. А. Лунц и др.), российскими (В. В. Витрянский, О. А. Красавчиков, Б. М. Гонгало, Р. О. Халфина, Л. Г. Ефимова и др.) и зарубежными (К. Цвайгерт, Х. Кетц, К. М. Шмиттгоф, Р. Бертрамс и Д. аль-Авад, М. Аль-Хамра, С. Аль-Калиуби, Х. Адвар, Х. Ат-Тас, М. Митри, С. Ашур, М. Мустафа, С. Ф. Наджиб, Т. Мухаммад, И. И. аль-Таррад, Х. Абдулла) цивилистами.

Нормативной основой диссертации послужили действующая Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, Конституция Сирийской Арабской Республики, Гражданский кодекс Сирийской Арабской Республики, другие законы, действующие в Сирийской Арабской Республике, международные правила, касающиеся банковского и независимого гарантирования, а также обеспечения исполнения обязательств.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили материалы российской и сирийской судебной практики по спорам, связанным с выдачей, исполнением и прекращением независимых (банковских) гарантий, включая акты высших судебных инстанций Российской Федерации, материалы арбитражных судов, а также решения сирийских банковских и коммерческих судов по вопросам применения банковских гарантий. В эмпирическую основу исследования также вошли статистические и аналитические материалы, характеризующие состояние и развитие банковской системы Сирийской Арабской Республики, в том числе сведения о банках, входящих в банковскую систему САР, а также данные об объеме портфеля банковских гарантий, реализованных

Коммерческим банком Сирии в период с 2007 по 2020 г. Кроме того, использованы материалы договорной и банковской практики, включая типовые формы банковских гарантий, внутренние правила и условия их выдачи, применяемые российскими и сирийскими кредитными организациями.

Существенное значение для исследования имели также материалы международной банковской практики, включая унифицированные правила Международной торговой палаты, прежде всего URDG (Uniform Rules for Demand Guarantees), поскольку они оказывают заметное влияние на формирование и применение института независимой (банковской) гарантии как в трансграничном, так и во внутригосударственном обороте. Привлечение указанных эмпирических источников позволило выявить особенности реализации независимой (банковской) гарантии в правоприменительной и банковской практике России и Сирии, а также обеспечить необходимую фактическую основу для проведенного сравнительно-правового анализа.

Научная новизна диссертации заключается в том, что диссертантом осуществлено комплексное сравнительно-правовое исследование института независимой (банковской) гарантии при регулировании отношений в соответствии с законодательством Сирийской Арабской Республики и Российской Федерации и на основе этого сформировано целостное научное представление об общих и отличительных признаках независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве, а также выработаны общие концептуальные подходы для совершенствования института независимой (банковской) гарантии в сирийском и российском праве.

На основе проведенного диссертационного исследования и сделанных из него основных выводов **на защиту выносятся следующие положения**, содержащие существенную научную новизну:

1. Сравнительный анализ показал, что по сирийскому праву банковская гарантия имеет характер независимой гарантии, но может быть выдана только банками и, соответственно, относится к банковским операциям. Предмет

банковской гарантии по сирийскому праву – денежное исполнение в пользу бенефициара.

По российскому праву банковская гарантия также является видом независимой гарантии, но для кредитных организаций ее выдача представляет собой дополнительно к банковским операциям разрешаемый вид иных сделок. Предмет обязательства гаранта в рамках банковской деятельности – уплата денежной суммы бенефициару, а также законом прямо предусмотрена возможность передачи ценных бумаг как финансовых инструментов.

Соответственно, отличия заключаются в том, что по сирийскому праву выдача банковских гарантий осуществляется исключительно банками, а по российскому праву – это дополнительно разрешаемый для кредитных организаций вид сделок, которые могут совершать и другие коммерческие организации, при этом предмет обязательства гаранта по российском праву шире за счет передачи не только денежных средств, но и ценных бумаг.

Кроме того, показывается, что исторически в Сирии институт независимой (банковской) гарантии регулируется совокупностью источников, в числе которых: ГК САР (ст. 737–767); положения договора кафалы в исламском праве; указы Президента Республики о создании государственных банков (для клиентов этих банков); судебная практика сирийских судов; деловые обычаи Международной торговой палаты. Тем самым доказывается, что, в отличие от российского права, в сирийском законодательстве нет целостного механизма правового регулирования института независимой (банковский) гарантии.

2. Проведенное сравнительно-правовое исследование показало, что российское и сирийское право по-разному определяют вид обязательства гаранта, вследствие чего банковская гарантия приобретает различную конструкцию в сопоставляемых правопорядках. По праву САР, гарант обязуется «принять на себя ответственность должника» (ст. 738 ГК САР), т. е. отвечать вместо него; такой подход соответствует французской правовой модели, оказавшей влияние на сирийское право, согласно которой гарант обязан исполнить «договорные обязательства должника» (ст. 2288 ГК Франции). По российскому праву гарант,

напротив, обязуется перед бенефициаром «уплатить денежную сумму» (п. 1 ст. 368 ГК РФ), т. е. исполнить собственное обязательство перед бенефициаром. Тем самым в российском праве банковская гарантия конструируется как самостоятельное обеспечительное обязательство, тогда как в сирийском праве она тяготеет к модели одного обязательства с двумя должниками, при которой банк-гарант и принципал несут ответственность перед бенефициаром за исполнение обеспечиваемого договора.

3. Сущность и отличительные признаки независимой (банковской) гарантии наиболее четко выявляются в ее сопоставлении с поручительством, а решающим критерием разграничения этих конструкций выступает характер их связи с основным обязательством. В сирийском праве общее гражданско-правовое регулирование исходит из конструкции, близкой к поручительству: гарант принимает на себя ответственность должника, вследствие чего связь с основным обязательством выражена значительно сильнее (ст. 738 ГК САР). Вместе с тем в банковской практике и судебном толковании применяется принцип независимости банковской гарантии, основанный на международных банковских обычаях и правилах ICC, включая URDG, что свидетельствует о сочетании в сирийском праве акцессорной по происхождению конструкции с неакцессорной моделью банковской гарантии.

В российском праве независимая гарантия, напротив, прямо сконструирована как неакцессорное обязательство: обязанность гаранта перед бенефициаром не зависит от действительности, изменения или прекращения обеспечиваемого обязательства, а также от отношений принципала с гарантом (ст. 370 ГК РФ), тогда как поручительство носит акцессорный характер, а объем и судьба ответственности поручителя следуют судьбе основного обязательства (п. 2 ст. 363 ГК РФ). При этом в поручительстве предметом обязательства выступает только выплата денежных средств в объеме основного долга и связанных платежей, а диспозитивный характер п. 2 ст. 363 ГК РФ касается лишь объема ответственности, но не замены способа исполнения. В отличие от поручительства независимая (банковская) гарантия может обеспечивать несколько взаимосвязанных обязательств либо

совокупность требований из одного основного правоотношения в пределах оговоренной суммы.

4. Сравнительный анализ норм российского и сирийского права показал, что различие в квалификации независимой (банковской) гарантии как сделки не носит сущностного характера и не образует двух различных способов обеспечения исполнения обязательств, а отражает различие в юридической форме совершения одной и той же обеспечительной сделки. По праву Российской Федерации, независимая гарантия по общему правилу является односторонней сделкой (п. 1 ст. 368 ГК РФ), однако ст. 373 ГК РФ допускает закрепление в ее тексте условия о вступлении гарантии в силу после акцепта бенефициара, что придает ей договорный характер. В сирийском праве гарантия по общим нормам ГК САР квалифицируется как независимый от основного обязательства договор между банком-гарантом и бенефициаром (ст. 737–767 ГК САР), однако механизм его заключения носит упрощенный характер, согласно ст. 741 ГК САР возникновение обязательства гаранта не требует специально выраженного акцепта бенефициара, если в самой гарантии прямо не предусмотрено иное. Следовательно, банковская гарантия в зависимости от требований закона или соглашения сторон может быть квалифицирована либо как односторонняя сделка, либо как договор, что свидетельствует не о различии правовой природы данного способа обеспечения, а лишь о различии техники его юридического оформления.

5. Анализ норм российского права, сирийской банковской практики и международных правил показал, что категория «независимости» гарантии обозначает прежде всего неакцессорный характер обязательства гаранта, но не исключает документарных и процедурных оснований отказа или приостановления платежа. В российском праве «независимость» гарантии традиционно понимается ограничительно – как отсутствие зависимости обязательства гаранта от обеспечиваемого обязательства, от отношений принципала с гарантом по договору о предоставлении гарантии, а также от иных обязательств, упомянутых в самой гарантии (ст. 370 ГК РФ). Вместе с тем признание гарантии независимой не устраняет документарные и процедурные

основания отказа или приостановления платежа: несоответствие документов условиям гарантии, истечение срока, превышение суммы, непредставление прямо указанных документов, признаки подделки, отсутствие надлежащего бенефициара и др. С этой позиции обосновано, что для правоприменительной определенности требуется императивное закрепление документарной модели, обязанность гаранта должна возникать исключительно при представлении бенефициаром документов, прямо перечисленных в гарантии и соответствующих ее условиям, без возможности расширять перечень оснований для отказа и отходить от принципа формальной проверки.

В научном обороте при этом целесообразно использовать термин «неакцессорная гарантия» как более точный, устраняющий ошибочное восприятие «независимости» как полной изоляции от иных правоотношений; такая терминологическая корректировка не изменяет содержания института и не влечет появления нового способа обеспечения. По праву Сирии, независимость банковской гарантии также понимается как неакцессорность выплаты по требованию при соблюдении условий гарантии. Практическая модель основывается на URDG 758 Международной торговой палаты и судебной практике, признающей обязанность банка произвести платеж при документарном соответствии представленных документов и допускающей исключения лишь в случаях мошенничества или злоупотребления правом. При этом в сирийском праве отсутствует единый кодифицированный перечень оснований для отказа в платеже, что подтверждает комплексный характер регулирования, складывающегося из норм ГК САР (ст. 737–767), положений договора кафалы в исламском праве, указов о государственных банках и обычаев Международной торговой палаты. В связи с этим обоснована целесообразность закрепления в сирийском праве императивной документарной модели исполнения банковских гарантий по образцу современного российского подхода.

6. С учетом того, что, с одной стороны, прекращение, исполнение, изменение или недействительность основного обязательства сами по себе не влияют на обязанность гаранта произвести выплату при соблюдении условий гарантии, а с

другой – выплата по независимой (банковской) гарантии прекращает основное обязательство в соответствующей части, обосновано, что неакцессорность (независимость) банковской гарантии от основного обязательства носит односторонний характер. Выплата по гарантии прекращает основное обязательство исполнением, в российском праве – как исполнение, произведенное третьим лицом (ст. 408 ГК РФ), в сирийском праве – в силу прямого указания ст. 322 ГК САР.

7. В отношениях бенефициара с принципалом необходимо разграничивать недобросовестное предъявление требования по гарантии и необоснованное предъявление требования при формальном соответствии представленных документов условиям гарантии. В первом случае речь идет о злоупотреблении правом или мошенничестве, что допускает отказ в платеже по гарантии при наличии бесспорных доказательств соответствующих обстоятельств (п. 1 ст. 376 ГК РФ во взаимосвязи с п. 2 ст. 10 ГК РФ), при этом гарант вправе приостановить платеж на срок до 7 дней для проверки указанных обстоятельств (п. 3–5 ст. 376 ГК РФ). Во втором случае «необоснованность» означает, что при формальном соответствии документов условиям гарантии (ст. 375 ГК РФ) спор сохраняется на уровне основного обязательства. В такой ситуации гарант обязан произвести платеж, поскольку сохраняется принцип независимости гарантии, однако в дальнейшем, если будет установлено, что исполнение со стороны принципала было надлежащим, бенефициар обязан возместить убытки гаранту и (или) принципалу (ст. 375.1 ГК РФ) и может быть привлечен к возврату полученного по общим правилам о неосновательном обогащении.

По сирийскому праву действует та же логика документарной независимости, банк обязан произвести платеж при представлении документов, указанных в гарантии, и соблюдении ее условий, за исключением случаев мошенничества или злоупотребления правом. При последующем установлении необоснованности требование подлежит компенсации по общим нормам ГК САР о гражданско-правовой ответственности и неосновательном обогащении, при этом бремя доказывания недобросовестности лежит на принципале.

8. По результатам анализа арбитражной практики применения норм ГК РФ

обоснован вывод, что п. 2 ст. 377 ГК РФ, допускающий ограничение ответственности гаранта суммой гарантии, если такое ограничение прямо предусмотрено в ее тексте, не распространяется на ответственность гаранта за собственное ненадлежащее исполнение обязательств перед бенефициаром, включая несвоевременную оплату по гарантии. Такое ограничение допустимо лишь в отношении основного обеспечительного долга гаранта – обязанности выплатить гарантийную сумму за принципала, но не в отношении ответственности гаранта за собственные нарушения. Указанный вывод основан на подходе высших судов к разграничению обязательств по погашению основного долга и по несению ответственности, который исключает перенос договорного лимита суммы гарантии на ответственность гаранта за ненадлежащее исполнение собственных обязательств. Дополнительным аргументом является п. 4 ст. 401 ГК РФ, запрещающий предварительное устранение или ограничение ответственности за умышленное нарушение обязательства.

По праву Сирии, специальной нормы, аналогичной п. 2 ст. 377 ГК РФ, не существует, поэтому вопрос об объеме ответственности банка-гаранта решается исходя из общих положений обязательственного права ГК САР и обычаев Международной торговой палаты, в частности URDG 758. При этом документарная неакцессорность гарантии не освобождает банк от ответственности за ненадлежащее исполнение условий выплаты, а предварительное исключение такой ответственности не допускается по общим началам гражданско-правовой ответственности.

9. Обосновано, что повышение правовой определенности и снижение злоупотреблений при использовании независимых (банковских) гарантий в России и Сирии требуют заимствования и имплементации в национальные режимы тех международных подходов, которые доказали свою эффективность в сфере гарантий по требованию. К их числу относятся документарная модель URDG 758 с приоритетом формальной проверки и исчерпывающим перечнем оснований отказа или приостановления платежа; применение узкого и унифицированного исключения из принципа независимости (fraud exception), допускающего судебное

вмешательство исключительно при доказанности мошеннических действий бенефициара и при высоком стандарте доказывания, установленном международной практикой; а также использование типовых форм и процедур (тендерная гарантия, гарантия исполнения, гарантия возврата аванса и т. п.) как стандарта делового оборота. При этом для российского права значение указанных подходов состоит прежде всего в усилении императивности уже закрепленной в ст. 376 ГК РФ документарной модели, тогда как для сирийского права – в последовательной кодификации аналогичных правил.

10. Применительно к исламским банкам и отношениям, основанным на договоре кафалы, обоснована необходимость формирования шариат-совместимой модели гарантийных обязательств, предполагающей четкое разграничение акцессорного поручительства и независимой гарантии, допустимость лишь возмещения фактически понесенных административных расходов без элементов риба (вознаграждения за риск), а также повышение прозрачности комиссий, депозитного покрытия и контргарантий.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации имеют значение для теории договорного права, цивилистики в целом, а также для правовых исследований в банковской сфере. Практическое значение работы заключается в том, что результаты проведенного диссертационного исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности, при чтении лекций и в ходе проведения практических занятий по курсу «Банковское право», а также в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Настоящая диссертационная работа подготовлена и обсуждена на кафедре банковского права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

По теме диссертационного исследования опубликовано девять научных статей, четыре из них – в российских рецензируемых научных журналах,

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения диссертационного исследования получили апробацию в докладах на международных научных конференциях:

– Международная научно-практическая конференция «International Commercial Contracts And The Outbreak Of The Covid-19» (9 апреля 2021 г., МГЮА);

– XVIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки» (24–27 ноября 2020 г., МГЮА);

– XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С. Н. Братуся «Модернизация гражданского законодательства» (21 октября 2020 г., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации);

а также в рамках следующих летней и зимних школ молодых ученых, организуемых Университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА):

– VI Летняя школа молодых ученых «Перспективы правовых исследований в условиях «больших вызовов» (г. Москва, 16–21 июня 2019 г.);

– VI Зимняя школа молодых ученых «Юрисдикция государства: пределы осуществления и проблемы реализации» (г. Москва, 27–31 января 2020 г.);

– VII Зимняя школа «Право собственности в XXI веке» (г. Москва, 27–29 января 2021 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

ГЛАВА 1. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПО РОССИЙСКОМУ И СИРИЙСКОМУ ПРАВУ

1.1. Возникновение и развитие института независимой гарантии в исторической ретроспективе

Усложнение экономических процессов в условиях кризисных явлений, обусловленных усилением геополитических противоречий, ростом неопределенности хозяйственного оборота, введением санкционных ограничений и последствиями пандемии, привело к переориентации правового регулирования на повышение результативности механизмов обеспечения обязательств. Именно такие обеспечительные конструкции, по справедливому замечанию Д. И. Мейера, призваны придавать обязательственному праву ту степень устойчивости и надежности, которая изначально не заложена в его природе[14]. В числе указанных инструментов особое место занимает институт независимой гарантии[15], значимость которого как способа обеспечения надлежащего исполнения обязательств, а также как самостоятельного правового средства, обеспечивающего баланс и защиту интересов как принципала, так и бенефициара, в последние годы существенно возросла.

Прогнозы российских предпринимателей относительно условий бизнеса пессимистичны. Например, по данным исследования ВЦИОМ, проведенного в 2019 г., 71 % российских предпринимателей оценили условия ведения бизнеса в России как неблагоприятные, причем свыше 50 % указали на то, что они будут

---

[14] Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / по изд. 1869 г. М., 1997. Ч. 2. С. 179.

[15] Дефиниция «независимая гарантия» в российском законодательстве появилась 1 июня 2015 г. после вступления в силу Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», придя на смену «банковской гарантии». В связи с этим в тексте настоящей работы в целом будет использоваться действующее наименование «независимая гарантия», тогда как в ее исторической части допускается использование теперь уже принадлежащего истории наименования «банковская гарантия».

ухудшаться или скорее ухудшатся[16]. Ситуация 2020 г., в том числе связанная с пандемией коронавируса, подтвердила худшие опасения. По оптимистическому варианту прогноза ЦБ РФ, падение ВВП ожидалось на уровне 4–6 %, впервые с 1990-х гг. прогнозировался дефицит платежного баланса[17]. В 2025 г. ВЦИОМ осуществил опрос молодых предпринимателей с целью выяснить их мотивы занятия бизнесом, а также определить качества, которые важны для успеха в данном деле[18]. Так, 63 % респондентов отметили желание стабильно зарабатывать, 55 % – проявлять самостоятельность, свободно реализовывать свои идеи в сфере предпринимательства. При этом подавляющее большинство опрошенных отметили, что основу предпринимательства составляет не только интеллектуальный, но и большой стартовый финансовый капитал.

Тенденции, прослеживаемые как в 2025 г., так и в прошлые годы, неизбежно сопряжены с рисками неисполнения контрактов, а значит, влекут и рост заинтересованности в банковских гарантиях. Тем не менее данный правовой инструмент можно считать относительно новым в сравнении с поручительством (кафала – الكفالة)[19], который существовал еще в древней Сирии[20].

Истоки института независимой гарантии в международном частном праве

Исторически независимая гарантия развивалась как институт международного частного права, зародившийся и используемый прежде всего в области международных финансово-кредитных отношений. В международной практике споры о гарантиях начали активно рассматриваться и разрешаться в конце

---

[16]См.: ВЦИОМ. Новости [Электронный ресурс]. URL: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/most-serious-problems/article/biznes-v-rossii-vzgljad-iznutri.html (дата обращения: 15.06.2025).

[17]См.: РБК. Финансы. 2020. 24 апреля. URL: https://www.rbc.ru/economics/24/04/2020/5ea19aff9a7947282c785981 (дата обращения: 15.06.2025).

[18] См.: Я б в предприниматели пошел! // ВЦИОМ. Новости : официальный сайт. 2025. 28 мая. URL: https://wciom. ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-predprinimateli-poshel (дата обращения: 15.06.2025).

[19] См.: Аль-Хафез аль-Сайед А. М. А. Гарантия и ее современные приложения в исламской юриспруденции. Бейрут : Дар аль-Фикр, Дар аль-Фикр аль-Джамии, 2008. С. 5.

[20] Именно 60-70-е гг. XX в. именуют периодом интенсивного развития международной торговли. По вполне понятным причинам международные сделки всегда связаны с большим коммерческим риском, нежели внутригосударственные.

1950-х гг., когда в период послевоенного восстановления ускоренно складывались предпосылки глобализации, в первую очередь проявившейся в интенсификации международной торговли.

Учитывая исторически сложившиеся традиции национальных законодательств, участники международной торговли сильно рисковали, осваивая новые зарубежные рынки, где сталкивались с незнакомыми правовыми системами и обычаями, с различными политическими установками на экономическое сотрудничество с иностранными субъектами.

Расширение экономических связей и торговли увеличивало риски предпринимателей в части неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств их контрагентами. Рост объемов международных коммерческих операций, их стоимости, ускорение денежного оборота и превращение его в драйвер эффективности актуализировали вопросы минимизации любых просрочек исполнения обязательств. Другими словами, что-либо должно было «подстраховывать» контрагента. Отсутствие твердых гарантий надлежащего исполнения денежных обязательств на глобальном взаимосвязанном рынке становилось тормозом развития. Такие гарантии могли выдавать государства, однако в большинстве случаев применительно к частным коммерческим сделкам это делали банки, обладающие необходимыми финансовыми ресурсами и аналитическим аппаратом для оценки рисков.

Институт независимой гарантии в мировой практике насчитывает (с учетом различных исторических форм) многие столетия, однако применительно к России он относительно молод. В 2013 г. в российских деловых кругах констатировался тот факт, что гарантии кредитных организаций в России лишь «набирают популярность»[21]. В связи с растущими потребностями рынка и отставанием от них правового регулирования этот сегмент в 2015 г. был реформирован.

Для оценки обоснованности и адекватности преобразований следует рассмотреть вопрос возникновения и развития института независимой гарантии,

[21] Александров П. Подстраховка по-банковски. Гарантии кредитных учреждений набирают популярность // Коммерсантъ. 2013. 21 марта.

которая исторически возникла и трансформировалась в современный экономико-правовой институт в государствах с традиционно развитой рыночной экономикой. Прежде всего это англо-американская правовая модель, где исторически формировался общий правовой институт гарантии (*Guarantee*) как договора, в соответствии с которым гарант заключает с третьим лицом соглашение об уплате долга или об исполнении какой-либо обязанности и который несет (берет на себя) ответственность за эту уплату или исполнение. Объем ответственности, принимаемой на себя гарантом, определяется пределами и содержанием обязательства, лежащего на ином лице, и коррелирует с размером соответствующей задолженности[22]. При этом заключение гарантийного соглашения не влечет прекращения или замещения основного обязательственного правоотношения, которое продолжает сохранять самостоятельное юридическое значение.

Известно, что англо-американская правовая модель является в значительной мере прецедентной, тогда как континентальная, в том числе российская, – нет. Это, однако, не препятствует анализу института независимой гарантии, который несколько веков непрерывно развивался и совершенствовался в рамках англо-американской модели.

Вопросы ответственности (ответственность принципала и ответственность гаранта, т. е. ограничение ответственности) были разрешены в прецедентном деле Лейкман против Маунтстефена (*Lakeman v Mountstephen*), рассмотренном в апелляционном порядке Палатой лордов в 1874 г. Основная проблема заключалась в интерпретации обязательств, взятых стороной, действующей в качестве поручителя (гаранта), и того, было ли это обязательство зависимым (акцессорным) или же оно носило самостоятельный характер. В деле рассматривался вопрос о том, обязан ли гарант нести ответственность за долг принципала в случае его невыполнения или его обязательства были ограничены иными условиями.

[22] См.: Benjamin J. Financial Law. Oxford : Oxford University Press, 2007. Ch. 4.2.

В результате рассмотрения дела Палата лордов постановила, что ответственность гаранта не может быть шире ответственности принципала, если иное явно не предусмотрено договором. Этот прецедент закрепил ключевые принципы, касающиеся ограничения ответственности гаранта в случае невыполнения обязательств принципалом, что стало важным правовым основанием для последующих дел, связанных с институтами гарантии и поручительства[23]. С того момента в Англии применялись две основные формы гарантии (suretyship):

1) зависимая, или акцессорная, гарантия (*traditional suretyship*) – это вид гарантии, при котором обязательство гаранта (поручителя) носит зависимый характер от основного обязательства должника. Гарант несет ответственность перед кредитором только в том случае, если должник не выполняет своих обязательств. Важно, что ответственность поручителя может возникнуть только в рамках обязательств должника, и если основное обязательство прекращается (например, вследствие его исполнения), то и обязательство поручителя прекращается автоматически;

2) независимая гарантия (*independent guarantee*, или гарантия по первому требованию) – это форма гарантии, при которой обязательство гаранта не зависит от основного договора между должником и кредитором. Гарант обязан выплатить сумму по гарантии по первому требованию бенефициара независимо от того, выполняет ли должник свои обязательства по основному договору. Это позволяет кредитору (бенефициару) быстрее получить средства в случае невыполнения обязательств, не дожидаясь судебных разбирательств или доказательства факта нарушения договора. Обе формы применяются в зависимости от целей и характера договорных отношений между сторонами[24].

Согласно британской правоприменительной практике, гарант также обязуется обеспечить исполнение принципалом его обязательства. Невыполнение принципалом этого требования автоматически приведет к тому, что гарант

---

[23] См.: Lakeman v. Mountstephen (1874) LR 7 HL 17.

[24] См.: Benjamin J. Opt. cit.

нарушит свое договорное обязательство. Поэтому в таком случае кредитор может предъявить к нему иск[25].

В прецедентном деле Мак Гиннесс против Строительного общества Норвич и Питербро (*McGuinness v Norwich and Peterborough Building Society*), рассмотренном в кассационном порядке в 2011 г., суд сформулировал важные правовые позиции, касающиеся вопросов ответственности в рамках договоров поручительства и гарантии. Основным аспектом дела был анализ условий и обстоятельств, при которых гарант может быть привлечен к ответственности за невыполнение обязательств принципалом. В частности, дело касалось того, в каких случаях гаранту может быть предъявлено требование о выполнении обязательств, даже если обстоятельства изменились или если основной должник не выполнил своих обязательств по иным причинам, таким как изменения в условиях сделки или в поведении сторон.

Суд в данном деле подчеркнул, что обязательства гаранта должны быть четко оговорены в договоре и любые отклонения от этих условий могут освободить гаранта от ответственности. Правовая позиция суда заключалась в том, что гарант может быть привлечен к ответственности только в тех пределах, которые были согласованы в письменном соглашении, и любые существенные изменения в обязательствах должника или условий договора без согласия гаранта могут рассматриваться как нарушение условий поручительства. Этот прецедент внес ясность в вопросы ограничения ответственности гарантов и дальнейшей интерпретации договоров гарантии, установив, что любые изменения в договорных обязательствах, влияющие на риск гаранта, должны быть ясно согласованы с ним, иначе гарант может быть освобожден от своих обязательств[26].

Анализ развития институтов независимой гарантии в англо-американской правовой модели сводится в большей степени к исследованию прецедентов, подчас

---

[25] См.: Norwich and Peterborough Building Society v McGuinness [2010] EWCA Civ 1286 [Electronic resource]. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/1286.html.

[26] См.: Lep Air Services v Rolloswin Investments Ltd; Moschi v LEP Air Services HL ([1972] 2 All ER 393, [1973] AC 331) [Electronic resource] // URL: https://vlex.co.uk/vid/moschi-v-lep-services-794019325.

довольно казуистичных. Казалось бы, это не вполне приемлемо для российской правовой модели, в которой как такового прецедента нет[27]. Вместе с тем значительный массив законодательных нововведений, посвященных правовому регулированию независимой гарантии, в научной среде обоснованно оценивается как нормативное закрепление очевидных и прагматичных решений, отражающих требования юридической целесообразности, которые уже ранее получили признание и устойчивое применение в судебной практике[28]. Уместно отметить, что в сирийской правовой системе судебные прецеденты также обладают существенным регулятивным значением и оказывают заметное влияние на формирование и развитие правовых конструкций.

Обширная британская и американская судебная прецедентная практика сложна для восприятия и синтетического анализа в связи со множеством видов и многозначностью термина «гарантия» (подробнее об этом – в п. 1.2). В связи с этим имеет смысл обратиться к международной практике применительно к предмету настоящего исследования – институту независимой гарантии.

Примером такого подхода может служить правовая система Китая. Опыт Китайский Народный Республики (КНР) заслуживает особого внимания в контексте регламентации гарантийных отношений. На этапе быстрого развития рыночных реформ в 1995 г. был принят и действует до сих пор специальный Закон КНР «О гарантиях», в котором обобщаются нормы, касающиеся гарантий, залога,

---

[27] Указанный вопрос является предметом оживленной дискуссии, выходящей за рамки предмета настоящего исследования, и поэтому затрагивается лишь в той части, которая ему соответствует: Силаева О. С. Судебный прецедент как источник права в России // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 19 (234). С. 13–18; Брежнев В. Э. Судебный прецедент в России: полемика и предложения // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 249–253; Кива-Хамзина Ю. Л. Судебный прецедент – самостоятельный источник права в России // Экономика и политика. 2014. № 1 (2). С. 124–125.

[28] В данном случае речь идет о появившейся возможности прекращения гарантии по соглашению гаранта с бенефициаром: Лисаченко А. Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств после 1 июня 2015 года. URL: https://regforum.ru/posts/1674_ot_bankovskoy__k_nezavisimoy/ (дата обращения: 15.06.2025).

задатка и поручительства (ст. 2)[29]. Китайский законодатель в ст. 1 указал три цели закона: содействие обращению товаров и капиталов, обеспечение выполнения обязательств и развитие социалистической рыночной экономики. Закон (ст. 3) содержит то, чего нет в российском и сирийском обязательственном праве применительно к рассматриваемому сегменту, – это принципы выдачи поручительства и гарантии. К ним отнесены равноправие, добровольность, справедливость, честность и доверие. Заметим, что отсутствие принципа законности может указывать на то, что упомянутые принципы заимствованы из делового оборота, а не из «чистого» нормотворчества.

Международная судебная практика начала активно рассматривать вопросы, связанные с гарантиями, в 1960-х гг. – в период стремительной глобализации международной торговли, когда участники транснациональных сделок столкнулись с гораздо большим риском при выходе на региональные и глобальные рынки. Растущие масштабы международной торговли усилили необходимость в эффективных механизмах защиты интересов сторон, что сделало вопросы гарантирования особенно актуальными.

Существенно ранее в Европе банковская гарантия стала дополнением к поручительству, когда последнее уже не могло обслуживать интересы растущего финансово-кредитного рынка (что также можно увидеть и в сирийском праве). Рассматривая правовой эффект и наступающие юридические последствия выдачи банковской гарантии, юристы как континентальной, так и англо-американской правовых школ всегда акцентировали внимание на сходстве банковской гарантии не только с договором поручительства (*surety*)[30], но и с договором страхования

[29] См.: Закон КНР о гарантиях (утв. Приказом Председателя КНР Цзян Цзэмина № 50 от 30 июня 1995 г. на XIV сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей VIII созыва) / текст на рус. яз. URL: https://asia-business.ru/law/law2/insurance/guarantee/ (дата обращения: 15.06.2025).

[30] См.: Gallagher E. G. The Law of Suretyship // American Bar Association. L., 2000. P. 27.

(*insurance*)[31], а их российские и сирийские коллеги добавляли сюда и аккредитив[32].

Наиболее глубокую историю здесь имеют ближайшие «родственники» независимой гарантии – индивидуальные гарантии исполнения (*performance bond / surety bond*), известные со времен Месопотамской таблички (ок. 2750 г. до н. э.). Индивидуальные гарантии исполнения упоминались в Законах Хаммурапи, были известны в государствах Древнего Востока, античном мире, в Карфагене, у древних евреев. В современном, наиболее близком к независимой гарантии, понимании поручительство сформировалось в средневековой Англии[33]. Первое корпоративное поручительство было выдано Лондонским гарантийным обществом (*Guarantee Society of London*) в 1840 г.[34] В 1865 г. страховая компания *Fidelity Insurance Company* впервые в американской практике начала выдавать корпоративные поручительства, но быстро обанкротилась[35]. Таким образом, на тот момент институциональная среда для развития института независимых гарантий не была в достаточной мере сформирована. В 1894 г. законодательным органом США был принят самостоятельный нормативный акт, установивший императивное требование об обязательном использовании гарантийных облигаций при реализации любых проектов, осуществляемых за счет средств федеральной казны.

В 1908 г. была сформирована профессиональная организация – Ассоциация поручителей Америки, впоследствии получившая наименование Ассоциации поручительств и гарантий Америки (The Surety & Fidelity Association of America, SFAA), которая вошла в состав Национальной ассоциации эмитентов поручительских облигаций (The National Association of Surety Bond Producers, NASBP). Указанное объединение выполняло функции саморегулирования отрасли,

---

[31] См.: Day D., Griffin B. The Law of International Trade. L., 1993. P. 146–149.

[32] См.: Карашев К. В. Аккредитивное правоотношение: понятие, сущность, сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005; Княжевская А. Б. Правовое регулирование банковских гарантий и резервных аккредитивов: российская, зарубежная и международная практика : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004; Bertrams R. Bank Guarantees in international trade; 3rd ed. Hague : Kluwer law international, 2004.

[33] См.: Nyquist C. A Contract Tale from the Crypt. 30 Hous // Law Rev.1993. № 1205, 1233.

[34] См.: Gallagher E. G. Op. cit. P. 27.

[35] См.: Surety Bonds Timeline. URL: https://www.suretybonds.com/edu/history.html (дата обращения: 15.06.2025).

способствовало формированию общественного доверия и правового понимания институтов поручительства и гарантий, а также служило институциональной платформой для выработки и обсуждения вопросов, имеющих коллективную значимость для его участников [36]. В дальнейшем SFAA приобрела статус лицензированной рейтингово-консультационной структуры на территории всех штатов и получила от государственных органов страхового надзора полномочия статистического агента, осуществляющего сбор и представление отчетных данных о надежности поручительских обязательств.

В совокупности SFAA консолидировала страховые и финансовые организации, на долю которых приходилась преобладающая часть гарантийных обязательств, выдаваемых на территории Соединенных Штатов. В 1935 г. был принят Закон Миллера, сохраняющий юридическую силу по настоящее время, который установил обязательность применения поручительских облигаций при реализации проектов, финансирование которых осуществляется за счет средств федерального бюджета [37]. Параллельно в процессе правовой и экономической эволюции трансформировались и резервные аккредитивы, зародившиеся в середине XIX в. в ряде американских штатов, где действующее региональное законодательство запрещало банкам выступать в качестве гарантов либо поручителей по обязательствам третьих лиц под угрозой лишения лицензии. В условиях подобных ограничений объективная потребность в автономном обеспечительном механизме обусловила формирование нового правового инструмента, который по своей внешней конструкции напоминал признанный в международной торговле документарный аккредитив, однако по своему функциональному назначению представлял собой самостоятельную, независимую

[36] См.: SIO : Off. Web-site. URL: http://suretyinfo.org/?page_id=573 (дата обращения: 15.06.2025).

[37] 40 U.S.C. §§ 3131-3134 (formerly 40 U.S.C. §§ 270a-270d) Bonds of contractors of public buildings or works // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/40/3131 (дата обращения: 15.06.2025).

гарантию исполнения обязательств третьих лиц[38]. Указанная правовая конструкция получила наименование резервного аккредитива и, несмотря на отсутствие специального нормативного регулирования, стала активно использоваться американскими кредитными организациями с опорой на сформировавшуюся судебную практику.

В международной практике с правовой точки зрения резервный аккредитив стал фактически гарантией по требованию, которая отличалась лишь названием. Разница между ними состояла скорее в понятийном аппарате и обычае применения. Таким образом, резервный аккредитив получил статус универсального (в рамках исследуемых отношений) инструмента финансовой поддержки, имея при этом существенно более широкий круг применения, чем традиционная гарантия по требованию[39].

Быстрое развитие международной торговли после Второй мировой войны сразу обнажило проблему высоких рисков не столько обычных контрактов на поставку товаров и оказание услуг, сколько договоров, заключаемых по итогам проведения международных торгов, когда их победитель мог внезапно отказаться от заключения договора. Конечно, в любом таком договоре предусматривалась неустойка, но и она могла быть внесена в ненадлежащий срок или не в полной сумме либо не внесена совсем. В этом случае расходы организатора торгов оставались без покрытия.

В международной торговле риски всегда высоки, поскольку контрагент находится за пределами юрисдикции покупателя, а спор с ним может быть невыгоден по срокам, коллизионным привязкам и стоимости. Все это заставляло организаторов международных торгов уже в 1950-е гг. искать надежных партнеров, имеющих достаточный капитал и прочную репутацию на международном

---

[38] См.: Ерпылева Н. Ю. Международное банковское право: генезис, природа, основные категории и механизмы регулирования операций банков : дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

[39] См.: Руководство к унифицированным правилам для гарантий по требованию. Публикация № 510. Серия: «Издания Международной Торговой Палаты» М.: Издательство АО «Консалтбанкир», 1999. С. 32.

финансовом рынке, для минимизации с их помощью рисков и неблагоприятных последствий неисполнения контрагентами обязательств. Очевидно, что указанным критериям соответствовали в первую очередь крупные банки. Только они были способны немедленно покрыть риски и убытки кредитора. Они надежны, поскольку находятся под надзором национальных, а позже (с созданием ЕС) и наднациональных регуляторов, хорошо ориентируются в международных финансовых отношениях. Так сформировалась первая – экономическая – предпосылка появления института независимой банковской гарантии.

В то же время банки старались избегать поручительства, поскольку поручитель по закону должен был заместить неисправного должника. Когда поручитель, не выражая возражений, как это мог бы сделать должник, платил кредитору, виновник неуплаты фактически освобождался от каких-либо компенсаций своему поручителю. Исходя из этого, банк, входя в поручительство, брал на себя дополнительную, не свойственную ему работу, оценивая и изучая коммерческие операции, а также правоотношения, которые складывались между должником и кредитором. Целесообразность изучения договоров и отношений третьих сторон для банка была сомнительной, поскольку таковые не относились непосредственно к банковской деятельности. Кроме того, банк, заботясь о репутации, старался избегать тяжб с должником.

Ввиду указанного неудобства поручительства ощущалась объективная потребность в новом, более удобном и менее затратном для банка инструменте. Расширяя и диверсифицируя свои операции, банки были согласны войти в сферу обеспечительных обязательств, которые использовались чаще всего для выданных ими кредитов. При этом банк стремился быстро удовлетворить потребность клиентов в платежах, избегая погружения в договорные отношения сторон. Так, из потребности коммерческого оборота формируется специфический финансовый инструмент – независимая банковская гарантия, который постепенно образует одноименный правовой институт. Понятие и внутреннее содержание

правоотношения сложились не сразу: вначале суды отмечали в текстах договоров о независимой гарантии новизну, отграничивая их от поручительства[40].

В современной правовой доктрине в качестве хрестоматийного образца правоприменения обычно упоминается прецедентное дело Edward Owen Engineering LTD против Barclays Bank International LTD[41], рассмотренное и разрешенное в апелляционной инстанции в Великобритании в 1976 г. По обстоятельствам данного спора истцом выступала английская инжиниринговая компания – поставщик, обязавшаяся осуществить поставку строительных конструкций ливийской государственной корпорации. Надлежащее исполнение договорных обязательств было обеспечено банковской гарантией, выданной ливийским Umma Bank, который находился в аффилированных отношениях с британским финансовым учреждением Barclays Bank.

Истец, выступавший в статусе принципала, был связан с банком обязательством по компенсации возможных расходов, которые могли возникнуть в связи с исполнением выданной гарантии. В соответствии с условиями основного договора покупатель принимал на себя обязанность открыть в пользу поставщика безотзывный аккредитив, однако указанное обязательство исполнено не было. Неосуществление предусмотренной оплаты лишило продавца возможности реализовать товар в установленные договором сроки. Ссылаясь на непоставку продукции, покупатель обратился к Umma Bank с требованием о выплате суммы по гарантии, после чего ливийский банк переадресовал данное требование в Великобританию аффилированному финансовому институту – банку Barclays. В сложившейся ситуации принципал в суде намеревался обязать банк Barclays не оплачивать гарантию.

Проанализировав содержание соответствующих договорных документов, судебная инстанция установила, что гарантийное обязательство ливийского банка

---

[40] См.: Рассказова Н. Ю. Банковская гарантия по российскому законодательству. М. : Статут, 2005. С. 29.

[41] См.: Edward Owen Engineering Ltd v. Barclays Bank International Ltd [1978] QB-159 at [171]. Дело рассматривалось в Палате лордов в 1978 г. под председательством лорда Деннинга. Применимое право – право Англии и Уэльса.

было сформулировано таким образом, что выплата гарантированной суммы подлежала осуществлению в пользу покупателя (бенефициара) по его первому заявлению при условии предъявления требования в пределах срока действия гарантии. Аналогично в тексте обязательства британского банка содержалась оговорка о платеже «по первому требованию», не предусматривавшая ни необходимости представления доказательств нарушения основного обязательства, ни установления каких-либо дополнительных условий. Исходя из буквального толкования договорных положений, суд пришел к выводу, что кредитные организации не приняли на себя обязательств, присущих классической конструкции поручительства. В этом контексте особого внимания заслуживает правовая позиция, изложенная судьей лордом Т. Деннингом [42]. Он обратил внимание на то, что гарант обязан точно исполнять условия, которые существуют и действуют отдельно от коммерческих и иных отношений сторон основной сделки.

В связи со сказанным проблема исполнения/неисполнения основных обязательств как таковая отсутствует, не будучи предметом гарантии. По данной причине в обязанности банка это не входит и он не определяет сторону, которая нарушила договор. Назначение банка в рамках выданной им гарантии сводится к надлежащему исполнению принятого на себя автономного обязательства, а именно к осуществлению выплаты в пользу бенефициара по его требованию при соблюдении условий, прямо предусмотренных гарантийным документом. Единственным допустимым отступлением от данного правила может служить установление факта очевидного и умышленного мошенничества, при условии что кредитная организация располагает достоверной информацией о противоправном

[42] М. Тэтчер называла Т. Деннинга (1899–1999) «вероятно, величайшим английским судьей современности». За свою 38-летнюю карьеру судьи он внес большие изменения в общее право, в частности, находясь в Апелляционном суде, и хотя многие из его решений были отменены Палатой лордов, некоторые из них были подтверждены парламентом, который принял статуты в соответствии с его решениями. Хотя Т. Деннинг был высоко оценен за его роль «народного судьи» и его поддержку прав личности, он принимал и весьма спорные решения, выступая против принципа прецедентного права, исходя из приоритета целесообразности над законностью: Burrell Ian Lord Denning, the century's greatest judge, dies at 100 // The Independent. 1999. 6 March.

характере сделки либо о недобросовестном поведении заинтересованных лиц; лишь при наличии такого знания банк вправе воздержаться от исполнения платежного обязательства[43].

Характерно, что председательствовавший по делу лорд Деннинг подчеркнул ограниченность возможностей банков в оценке добросовестности предъявляемых к ним требований, указав, что кредитные организации крайне редко, если вообще когда-либо, способны достоверно установить, является ли соответствующее требование правомерным либо недобросовестным. В связи с этим он отметил, что при отсутствии доказательств противоправного характера такого требования у банка сохраняется обязанность произвести выплату по гарантии[44]. Так сформировался прецедент признания законными банковских гарантий, а также обязанности гаранта безусловно выполнять свои обязательства.

В свете сказанного следует отметить, что развитие международных институтов банковской гарантии показано в работе В. А. Климентьева[45]. Со второй половины 1970-х гг. усилиями МТП был дан старт разработке отдельных международно-правовых норм, а также была продолжена работа по обобщению и последующей систематизации обычаев делового оборота и лучших практик, имевшихся в международной торговле. Именно такой опыт был использован при подготовке Унифицированных правил по договорным гарантиям (*Uniform Rules for Contract Guarantees*, URCG 325)[46].

Однако на начальном этапе разработки этого свода норм мягкого регулирования нельзя было понять ни правовую природу гарантии как

---

[43] См.: Harris Ch., Davies Evans J. Bonds and Guarantees // Global Arbitration Review. URL: https://globalarbitrationreview.com/chapter/1145208/bonds-and-guarantees (дата обращения: 15.06.2025).

[44] Цит. по: Edward Owen engineering Ltd v Barclays Bank International ltd: CA 1978. URL: https://simplestudying.com/owen-edward-engineering-ltd-v-barclays-bank-international-ltd-1978-1-all-e-r-976/ (дата обращения: 15.06.2025).

[45] См.: Климентьев В. А. Некоторые вопросы истории банковской гарантии // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 119–124.

[46] Приняты Исполнительным комитетом МТП 20 июня 1978 г., вступили в силу с 1 января 1979 г. URCG 325 – Uniform Rules for Contract Guarantee ICC. URL: https://www.coursehero.com/file/8265526/14-URCG-325/ (дата обращения: 15.06.2025).

самостоятельного обязательства, ни правовые последствия ее выдачи. Как свод обычаев делового оборота правила URCG 325 содержали лишь перечень наиболее распространенных типов гарантий, по которым принципал получал приоритет, а бенефициар, заявляющий требования, должен был доказать право на гарантийную выплату. Правила были очевидно «сырыми», не устраивали бенефициаров и банки, что обрекало их на невостребованность и бездействие[47]. Сложившаяся ситуация выглядела парадоксальной, поскольку попытка обобщить наиболее прогрессивные и передовые коммерческие практики своего времени не смогла удовлетворить ожидания участников международного торгового оборота. Лишь последующая редакция – правила URDG 458, разработанные в 1991 г., – сумела адекватно отразить фактические условия функционирования рынка гарантий по первому требованию и обеспечить взвешенное соотношение интересов всех вовлеченных субъектов[48].

В. А. Климентьев указывает на то, что новые Унифицированные правила для гарантий по требованию (*Uniform Rules for Demand Guarantees*, URDG 458), во-первых, «более точно отражали текущую международную практику банковских гарантий», а во-вторых, «поддерживали преемственность цели URCG 325 – достижения баланса интересов сторон»[49]. С приведенными положениями сложно согласиться.

Во-первых, использование оборота «более точно» в данном случае некорректно, поскольку в 1978 г. была одна, а в 1991 г. – совершенно иная практика (в сферу рыночных отношений вступили СССР и страны Восточной Европы) и их сопоставление не представляется возможным.

Во-вторых, URDG 458 можно считать преемником URCG 325 лишь по одному критерию: и те, и другие является правилами, регламентирующими одну

---

[47] Правила не были одобрены ЮНСИТРАЛ, но, несмотря на это, Внешторгбанк СССР использовал их, включив наравне с UCP 400 в Приложение № 23 к Инструкции от 25 декабря 1985 г. № 1 «О порядке совершения банковских операций по международным расчетам».

[48] ICC Uniform Rules for Demand Guarantees 2011. URL: http://www.iccbooks.ru/upload/iblock/0ce/0ce7f71f0b170f9b59e2bc0540f88627.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

[49] Климентьев В. А. Указ. соч. С. 120.

сферу. В остальном преемственность отсутствует. Дефектность URCG 325 состояла как раз в том, что они не обеспечивали баланса интересов сторон, а URDG 458 в определенной степени достигли этого результата. В связи с этим следует вести речь скорее не о преемственности, а об исправлении ошибок. По URDG 458 банковская гарантия становится безотзывной и независимой от основного обязательства. В правилах вводится также новый порядок предъявления требований к гаранту. Гарант утрачивает право изучать документы, приложенные бенефициаром к требованию об уплате суммы по гарантии. Правила предписывают лишь обеспечить формальное соответствие документам, указанным в банковской гарантии[50]. Различают несколько типовых форм банковской гарантии: тендерную гарантию, гарантию исполнения обязательств, гарантию возврата аванса, гарантию удержания денежных средств и др.

Одним из недостатков первого этапа международного регулирования гарантии в целом и URCG 325 в частности было отсутствие методического обеспечения обобщения лучших практик. В свою очередь, при подготовке текста URDG 458 данная недоработка была устранена, и эти правила впервые были составлены под методическим руководством ICC.

Для документов мягкого международно-правового регулирования критически важно признание их даже не определенным количеством стран, а авторитетными международными организациями. URCG 325 такого признания не получили. ICC с учетом этого негативного опыта добилась того, чтобы в URDG 458 были внесены формы гарантий, разработанные Всемирным банком, впоследствии признанные ЮНСИТРАЛ, что было необходимо для формирования базы для международного признания, которого в полном объеме можно было добиться лишь на конвенциональном уровне.

В этом смысле, существуя сотни лет, банковская гарантия достигла уровня международно признанного акта не так давно – 11 декабря 1995 г. с принятием Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции «О независимых гарантиях и резервных

[50] См.: Типовые формы ICC для выдачи гарантий по требованию (Model Forms for Issuing Demand Guarantees) // Публикация МТП. 1994. № 503.

аккредитивах»[51]. В Конвенции впервые была сформулирована международно-правовая концепция регулирования независимых обязательств двух типов: независимой гарантии и резервного аккредитива, которые подпадали под регулирование одной конвенции[52].

Новый уровень международно-правового признания институтов регулирования банковской гарантии следует связать с процессами глобализации, а также с тем, что к середине 1990-х гг. мир стал в целом рыночным, плановых экономик не осталось, а банковская гарантия стала повсеместно востребована. В новых условиях ICC пошла по пути актуализации ранее действовавших документов к новым международным конвенциям и реалиям, отказавшись при этом от глобального акта, включавшего все формы гарантий. Его разработка потребовала бы длительной и сложной систематизации, а кроме того, недавно принятый успешный и удачный URDG 458 пришлось бы признавать утратившим силу.

Одновременно была актуализована новая (пятая) редакция Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов (далее – UCP № 500), действовавших с 1993 г.[53] Некоторые правила этого документа вошли в Конвенцию ООН «О независимых гарантиях и резервных аккредитивах», которая содействовала диверсификации независимых гарантий и резервных аккредитивов там, где традиционно было принято применять либо гарантию, либо аккредитив. В целом принятие Конвенции ООН означало запуск универсального международного механизма, способного регулировать применение и независимой гарантии, и резервного аккредитива.

В тексте Конвенции нетрудно увидеть преемственность правил URDG 458.

---

[51]См.: Конвенция о независимых гарантиях и резервных аккредитивах. Принята на 87-м пленарном заседании ГА ООН. Резолюция ГА ООН от 11 декабря 1995 г. № 50/48 г. Вступила в силу с 1 января 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/credit.shtml (дата обращения: 15.06.2025).

[52] Текст Конвенции разрабатывался в 1989–1990 гг. рабочей группой по международной договорной практике, перед которой ставилась задача убрать неопределенность и обеспечить адаптивность подходов разных правовых систем применительно к независимым гарантиям и резервным аккредитивам.

[53] См.: Публикация Международной торговой палаты № 500. 1993. // ICC Publication № 500, revision 1993.

В обоих указанных актах содержится норма о независимости гарантии от основного обязательства, а также правило о безотзывности гарантии. Однако имеются различия в правовом регулировании гарантий. Например, в отличие от URDG 458 в Конвенции предусмотрено, что гарант имеет право изменять содержание гарантийного обязательства, если на это согласен бенефициар. Здесь эксперты и юристы ООН опирались на фундаментальный принцип свободы договора, который имеется во всех юрисдикциях и в международном праве, – о том, что в случае согласия всех сторон допустимо изменять любые условия договора.

Текущая ситуация экономической неопределенности, геополитической эскалации, санкций и пандемии определяет высокий уровень рисков для участников договорных отношений. Не зависящие от воли контрагентов факторы способны влиять на условия контракта либо конкурсной документации, что может коренным образом поменять обязательства принципала перед бенефициаром. Вместе с тем изменения во внешней среде, которые приводят к утрате актуальности гарантии, сами по себе не упраздняют и не корректируют ее суть.

Как указано выше, принятие Конвенции ООН является очень важным этапом развития международного законодательства о независимых гарантиях, несмотря на то что эта Конвенция признана лишь восемью государствами, в числе которых в основном страны Африки. Примечательно, что в этом перечне стран есть и Республика Беларусь, с которой Российская Федерация образует Союзное государство. Российская Федерация вообще отказалась от подписания документа, в то время как Соединенные Штаты Америки, подписав его, не стали его ратифицировать. На этом фоне в 2000-е гг. ICC приступила к подготовке изменений Правил о гарантиях. Работа завершилась подготовкой их новой редакции, принятой в 2009 г.[54] Речь идет об Унифицированных правилах для гарантий по требованию (*Uniform Rules for Demand Guarantees*, URDG 758[55]), в которых была учтена международная практика применения гарантий в экономическом обороте.

---

[54] Вступили в силу с 1 июля 2010 г.

[55] См.: Form of Demand Guarantee under URDG 758 // ICC. URL: https://library.iccwbo.org/content/tfb/pdf/Model%20forms%20758.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

В процессе подготовки редакции URDG 758 был проанализирован и использован накопленный опыт применения правил URCG 325, прежде всего в аспекте систематизации, распространения и институционализации передовых деловых стандартов (best practices), что в настоящее время является характерным подходом для большинства актов, относимых к инструментам «мягкого» правового регулирования [56]. Кроме того, новые Правила стали вкладом в работу по кодификации международной гарантийной практики. В литературе новые Правила оцениваются противоречиво. Так, В. А. Климентьев счел их «революционными». Однако указанная «революционность», как указывает тот же автор, свелась к усвоению современных практик, к включению в этот документ опробованных и работающих положений из Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов [57], а также из международной практики по аккредитивам стенд-бай [58]. Такого рода компиляцию, представляющую собой редакцию более раннего документа, сложно считать по-настоящему революционной. В пользу этого говорит то, что принятие новой редакции никак не повлияло на присоединение государств к Конвенции ООН, чего следовало бы ожидать.

Из подлинных новелл URDG 758 следует назвать отказ от традиционного термина «принципал» и его замену на другое традиционное понятие, из сферы документарных аккредитивов – «аппликант». Разработчики URDG 758 пошли по

---

[56] Под «лучшими практиками» принято понимать методы либо методики, признанные экспертами, лидерами рынка (профессионального сообщества), превосходящие любые альтернативы и дающие результаты, превосходящие результаты, достигнутые другими средствами. К таким практикам относят и те, что уже стали стандартным способом осуществления деятельности, например стандартным способом соблюдения правовых или этических требований. Передовая практика используется для поддержания качества как альтернатива обязательным законодательно установленным стандартам и может основываться на самооценке или сравнительном анализе (см.: Bogan C. E., English M. J. Bench marking for Best Practices: Winning Through Innovative Adaptation. N. Y.: McGraw-Hill, 1994). Передовая практика является особенностью аккредитованных стандартов управления, таких как ISO 9000 и ISO 14001 (см.: Nash J., Ehrenfeld J. Code Green: Business Adopts Voluntary Environmental Standards // Environment: Science and Policy for Sustainable Development. 2010. № 38. P. 16–45).

[57] Текст в СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3533/ (дата обращения: 15.06.2025).

[58] См.: Международная практика по аккредитивам стенд-бай (International Standby Practices) (ISP 98) // Публикация Международной торговой палаты. 1998. № 590.

пути значительного расширения субъектного состава правоотношения, в основном за счет заимствования из Правил о документарном аккредитиве. В URDG 758 появилось представляющее лицо, авизирующая и инструктирующая стороны. Все это повлекло дополнение Правил параграфами, регламентирующими авизование гарантий, действия при форс-мажорных обстоятельствах, а также порядок подсчета и уплаты расходов гаранта и проч.

В соответствии с URDG 758 гарант обязан незамедлительно произвести оплату по выданной им гарантии, как только он получит платежное требование бенефициара, без необходимости доказывать обоснованность этого требования. Отсюда следует, что обязательство гаранта непроизводно и не зависит от действительности и исполнимости обеспечиваемого договора, если это прямо не касается гаранта и бенефициара.

Новеллой URDG 758 следует считать «встроенное» методическое обеспечение процедуры выдачи гарантий на практике, которое включает типовые формы гарантии (контргарантии), а также содержит факультативные условия, приводимые в этих формулярах. Процесс изменения URDG свидетельствует: во-первых, о росте потребности в унификации правил и обычаев о гарантиях по требованию; во-вторых, об усилении методической части в каждой последующей версии; в-третьих, о влиянии процессов глобализации на мировую практику применения гарантий по требованию.

Развитие института независимой гарантии в Российской Федерации. Связь независимой гарантии с основным обязательством

В современной литературе прослеживается наличие фактической и/или юридической связи независимой гарантии с обеспечиваемым обязательством. Пытаясь их разграничить, авторы ссылаются на международно-правовые нормы и обычаи коммерческой практики, которые в рассматриваемой сфере сложились раньше, чем этот институт появился в российском гражданском праве. В международной торговле гарантия складывалась как правовой инструмент, обеспечивающий основной договор, поэтому появилась потребность отграничить обеспечительное обязательство от той сделки, которую оно обеспечивает.

Принимая во внимание ст. 370 ГК РФ в ее ранней редакции (до 2015 г.), М. И. Брагинский и В. В. Витрянский указывают на фундаментальность принципа независимости банковской гарантии [59] , который традиционно знаком отечественной гражданско-правовой науке, а через нее – и практике, но в те годы – лишь в доктринальном смысле. Содержание данного принципа заключается в том, что основанием для отказа в удовлетворении требования бенефициара могут служить исключительно факты несоответствия предъявленного требования условиям самой гарантии, безотносительно к каким-либо обстоятельствам, вытекающим из отношений сторон по основному обязательству[60].

В научной доктрине был сформулирован и обоснован принцип автономности гарантии по отношению к обеспечиваемому ею обязательству. Развивая данную концепцию, Б. М. Гонгало обращает внимание на то, что при рассмотрении предъявленного бенефициаром требования гарант лишен возможности ставить под сомнение обстоятельства, вытекающие из взаимных правоотношений между бенефициаром и принципалом, поскольку они находятся вне сферы его правовой оценки[61]. Однако в российской судебной практике были сформулированы иные позиции, когда суды, вероятно, руководствуясь принципом целесообразности, расширительно трактовали связь банковской гарантии с основным обязательством. Так, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в определении от 23 августа 2007 г. № 9722/07, указав на недействительность гарантии, сослался на неопределенность сроков исполнения обязанностей сторон по их основному договору. Отсюда суд счел невозможным признать юридическую действительность банковской гарантии, таким образом признав зависимость гарантии и от основного обязательства. Банковская гарантия была признана недействительной[62].

---

[59] См.: Практика рассмотрения коммерческих споров. Высший Арбитражный Суд РФ. Вып. 3. М. : Статут, 2008. С. 48.

[60] См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : общие положения. М. : Статут, 1998. С. 593.

[61] См.: Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. С. 153.

[62] См.: Определение ВАС РФ от 23.08.2007 № 9722/07 по делу № А37-2336/06-13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

Ранее, до введения новелл относительно гарантий, действуя в рамках прежней редакции ГК РФ, суды занимали позицию, что в содержании банковской гарантии обязательно должно быть определено обеспечиваемое обязательство. Эту позицию допустимо принять и сегодня. Поскольку указание на обеспечиваемое обязательство считалось обязательным, это приводило к необходимости рассмотрения условий данного обязательства в ходе судебных разбирательств. Однако с точки зрения международного правового регулирования такая практика была избыточной.

Складывавшаяся правоприменительная практика развивалась в очевидном расхождении с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий»[63]. В указанном акте высшая судебная инстанция разъяснила, что требование о фиксации в тексте гарантии обеспечиваемого обязательства следует считать соблюденным в тех случаях, когда из содержания самой гарантии однозначно следует, какое лицо является должником по основному обязательству, а также когда определена конкретная денежная сумма, подлежащая выплате гарантом по первому требованию бенефициара. Кроме того, Пленум указал на необходимость указания в гарантийном документе реквизитов договора, послужившего основанием возникновения обеспечиваемого обязательства.

В литературе, опубликованной после внесения в ГК РФ изменений, являющихся результатом реформы гражданского права, независимая гарантия нередко именуется как «в прошлом банковская»[64]. Это представляется не вполне верным, так как банковская гарантия по-прежнему остается одним из признанных способов обеспечения исполнения обязательств. Она является разновидностью независимой гарантии. В этом смысле институт банковской гарантии не упразднен.

---

[63] См.: Постановление Пленума ВАС от 23.03.2012 № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

[64] Хремкина Е. В. Указ. соч. С. 177.

Если гарантия выдана банком либо небанковской кредитной организацией, она по-прежнему считается «банковской». Новая редакция § 6 гл. 23 ГК РФ включает новые требования к содержанию и форме гарантии, которые отсутствовали в прежней редакции ГК РФ.

В соответствии с действующими нормами права содержание независимой гарантии должно включать указание даты ее выдачи, определение круга участвующих субъектов – принципала, бенефициара и гаранта, а также идентификацию основного обязательства, надлежащее исполнение которого обеспечивается данным инструментом. Помимо этого в гарантии подлежат фиксации конкретный размер денежного требования, подлежащего удовлетворению, срок действия гарантийного обязательства и перечень юридических фактов, наступление которых обусловливает обязанность гаранта произвести выплату. Перечисленные требования закреплены в п. 4 ст. 368 ГК РФ и получили устойчивое применение в правоприменительной практике. В рамках указанного положения законодатель также ввел новеллу, предусматривающую возможность уменьшения либо увеличения гарантированной суммы в зависимости от продолжительности действия независимой гарантии.

Ст. 368 ГК РФ была дополнена новеллой о том, что обязательство лица, предоставившего гарантию, может заключаться в совершении действия о передаче ценных бумаг или имущества, имеющего родовые признаки (п. 5 ст. 368 ГК РФ). Применительно к банковской гарантии как виду независимой гарантии, выдаваемой кредитной организацией, предмет исполнения по общему правилу сохраняет денежный характер (п. 1 ст. 368 ГК РФ), банк гарантирует платеж, а не натуральное исполнение по основному договору. Возможность неденежного исполнения по п. 5 ст. 368 ГК РФ должна интерпретироваться с учетом банковской специфики: в банковской практике реалистичным исключением выступает передача ценных бумаг как финансовых инструментов; включение обязанности передать «иное имущество, определенное родовыми признаками» для банковской гарантии носит исключительный характер и требует особого обоснования условиями оборота и банковского регулирования. При такой конструкции

гарантийное обязательство приобретает неденежный характер, в связи с чем в научной литературе справедливо подчеркивается, что «обязательство гаранта может быть денежным обязательством либо не иметь денежного характера в зависимости от предмета исполнения (деньги или вещи, определенные родовыми признаками)»[65].

В данном случае следует признать некоторое изменение правовой природы гарантии. Режим независимого обеспечения облигаций предусмотрен ст. 27.5 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[66]. Правовой режим допуска к торгам облигаций российских эмитентов, исполнение обязательств по которым обеспечено независимой гарантией государственных корпораций, установлен Банком России[67].

В новой редакции п. 3 ст. 368 ГК РФ предусмотрена возможность выдачи независимой гарантии некоммерческой организацией, а также физическим лицом. Для данного случая предусматривается, что к такой гарантии применимы правила о договоре поручительства. Эта новелла позволяет указанным лицам вступать в правоотношения по поводу обеспечения обязательств[68], а их гарантийное обязательство не становится автоматически недействительным[69]. Обновленная редакция п. 1 ст. 368 ГК РФ закрепляет уточняющее положение, раскрывающее содержание принципа автономности независимой гарантии по отношению к основному обязательству. Данное правило о независимости может быть истолковано в расширительном ключе. Так, п. 1 ст. 370 ГК РФ прямо закреплено,

---

[65] Ефимова Л. Г. Выдача банковских гарантий // Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник. М. : Проспект, 2020. Гл. 16. С. 256.

[66] См.: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[67] См.: Положение Банка России от 24.02.2016 № 534-П (ред. от 18.08.2021) «О допуске ценных бумаг к организованным торгам» // Вестник Банка России. 2016. № 45.

[68] См.: Челышева Н. Ю. Указ. соч. С. 23–26.

[69] Следует отметить, что, хотя в п. 3 ст. 368 ГК РФ не упомянуты такие субъекты, как Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, нормы о договоре поручительства не могут быть применены к гарантиям указанных лиц, поскольку в Бюджетном кодексе РФ государственная и муниципальная гарантии имеют самостоятельное регулирование. В связи с этим государственная и муниципальная гарантии не рассматриваются в настоящем диссертационном исследовании.

что гарантийное обязательство существует обособленно не только от обеспечиваемого им обязательства, но и от правоотношений между принципалом и гарантом, а также от любых иных обязательственных связей даже в тех случаях, когда такие обязательства прямо упомянуты в тексте самой независимой гарантии.

Эволюция рассматриваемого правового института выразилась, в частности, во введении новых диспозитивных положений, регулирующих вопросы изменения и отзыва независимой гарантии. В соответствии с действующими нормами гражданского законодательства гарант лишен права в одностороннем порядке вносить изменения в условия гарантии либо отзывать ее, если соответствующее полномочие прямо не предусмотрено в тексте самого гарантийного обязательства (п. 1 ст. 371 ГК РФ). В тех случаях когда в гарантии специально оговорена возможность ее изменения или отзыва, осуществление таких действий допускается исключительно с соблюдением той же формы, в которой гарантия была первоначально предоставлена, что прямо закреплено в п. 2 ст. 371 ГК РФ. В гарантии может быть указано, что изменение либо отзыв гарантии допустимы лишь с согласия самого бенефициара. Тогда обязательство гаранта следует признать измененным либо прекращенным с момента получения гарантом такого согласия бенефициара (п. 3 ст. 371 ГК РФ).

В прежней редакции § 6 гл. 23 ГК РФ действовало правило о безотзывности банковской гарантии, что в целом соответствует международной практике. В деловом обороте по понятным причинам признаются в основном безотзывные гарантии, которые только в этом случае могут называться гарантиями. Действующие нормы ГК РФ о независимой гарантии предусматривают допустимость изменения субъектного состава. Однако для этого требуется соблюдение дополнительных условий.

В соответствии со ст. 372 ГК РФ передача бенефициаром прав по независимой гарантии другому лицу допускается лишь при условии одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству. В этом случае такая передача возможна лишь с согласия гаранта, если в гарантии не предусмотрено иное. В данном случае правоотношения бенефициара и

принципала не привязаны к конкретным личностям. Таким образом, принцип независимости гарантии, который был многократно усилен в результате проведенной реформы гражданского права, породил следующую проблему обеспечительных сделок, которая была обоснованно поставлена в литературе в связи с появлением независимых гарантий.

Р. С. Бевзенко видит одну из проблем российского права в сфере правового регулирования обеспечительных сделок в акцессорности обязательств, которые возникают из обеспечительных сделок. Вопрос в оценке «прямоты» и «крепости» их связи с обеспечиваемым обязательством. Данное свойство применительно к залогу и поручительству широко использовалось залогодателями и поручителями для поиска путей освобождения от соответствующих обязательств[70].

Очевидность юридической, равно как экономической и логической связи долга и обеспечительного обязательства, вытекает из самой сути обеспечительной сделки, которая возможна лишь при наличии базового долга. Собственно, наличие обеспечения укрепляет уверенность кредитора в получении причитающегося ему исполнения по обязательству. Когда такая цель отпадает, должен быть восстановлен *status quo*, соответственно, обеспечительные права кредитора прекращаются. Отсюда вытекает закономерность юридической и иной связи обеспеченного долга и обеспечительного правоотношения. Очевидно, что при отсутствии долга отсутствует и его обеспечение. Акцессорность сохраняется на период действия обязательства. Р. С. Бевзенко указывает на акцессорность возникновения, объема требования, следования за ним, прекращения, а также возможности принудительного осуществления[71].

В целом в условиях информационной экономики доктрина акцессорности постепенно уступает свои позиции, так как последовательность в реализации строгой акцессорности практически нивелирует потенциал банковских кредитных технологий. Так, акцессорность возникновения не позволяет банкам выполнять

---

[70] См.: Бевзенко Р. С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия). М. : Статут, 2015. С. 9.

[71] Там же. С. 84.

свою роль гарантов на местном и международном уровнях. Также судьба акцессорности обеспечительного обязательства не вполне ясна при трансформации основного обязательства. Если точно придерживаться принципа акцессорности, то обеспечительное обязательство в случае изменения основного обязательства должно прекратить свое существование.

Поправки, появившиеся со вступлением в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ, как указывает Р. С. Бевзенко, сформировали независимые гарантии, которые автор считает специфическими конструкциями, в которых значительно менее прослеживается связь с обязательством, которое обеспечивается. В изложенной позиции прослеживается стремление сохранить обеспечительные сделки, в которых принимают участие граждане, в рамках акцессорности, дающей возможность обеспечить защиту того, кто выдал обеспечение, от недобросовестности кредитора[72]. Изменения, внесенные в § 6 гл. 23 ГК РФ, поменяли правило о моменте вступления независимой гарантии в силу. По новым правилам таким моментом считается факт передачи гарантии самим гарантом. Закон уточняет порядок предъявления бенефициаром требования по гарантии.

Бенефициар вправе реализовать свои права по независимой гарантии путем направления гаранту письменного требования, которое должно сопровождаться документами, прямо указанными в тексте гарантии. Помимо этого, в содержании требования подлежат отражению юридические факты, с наступлением которых связано возникновение обязанности гаранта произвести выплату[73]. Следует отметить, что ранее действовавшая редакция ст. 374 ГК РФ возлагала на бенефициара дополнительную обязанность – указывать в требовании о платеже конкретное нарушение основного обязательства, допущенное принципалом. Действующая редакция этой нормы допускает, что платеж может быть произведен гарантом не только в связи с нарушением обязательства принципалом, но и в связи с другими обстоятельствами, указанными в гарантии. Получив требование со всеми

[72] См.: Бевзенко Р. С. Указ. соч. С. 105.
[73] См.: Мирзоева Э. Р. Указ. соч. С. 13–16.

необходимыми документами, гарант направляет их копии принципалу. Гарант рассматривает требование бенефициара в срок до пяти дней со дня, следующего за датой получения документов.

Новая редакция ГК РФ содержит точные сроки, в течение которых гарант должен совершить действия по рассмотрению и проверке требования бенефициара. В старой редакции закон использовал понятие «разумный срок» без его конкретизации во времени.

В действующей редакции законодательства российский законодатель установил для гаранта конкретные временные рамки, в пределах которых он обязан рассмотреть поступившее требование бенефициара, а также закрепил меры ответственности последнего за представление недостоверных документов и за заявление необоснованных требований. Указанная ответственность реализуется в форме обязанности по компенсации причиненных убытков. По итогам анализа требования о выплате гарант наделен правом выбрать один из предусмотренных законом вариантов поведения, а равно произвести гарантийный платеж, отказать в его осуществлении либо приостановить исполнение соответствующего обязательства. Задача гаранта – проверить соответствие требования бенефициара и представленных им документов условиям независимой гарантии. Далее гарант обязан заплатить по гарантии, когда такое требование обосновано (п. 2 ст. 375 ГК РФ). Что касается отказа гаранта в оплате, то здесь изменений в законе не произошло[74].

Одним из нововведений, закрепленных в ст. 376 ГК РФ, является предоставление гаранту права временно приостановить исполнение платежного обязательства на срок, не превышающий семи дней, при этом такая приостановка не влечет прекращения гарантийного обязательства или прекращения обязанности по выплате. В случае если по результатам проверки не выявлено законных оснований для отказа в удовлетворении требования бенефициара, гарант по окончании установленного периода приостановления обязан осуществить

[74] См.: Фирстова А. М., Беляев М. Д. Указ. соч.

гарантийную выплату в полном объеме. Разрешение приостановить выплату не становится основанием для отказа. Законодатель ввел его, защищая интересы гаранта, которому необходимо время для того, чтобы проверить законность действий бенефициара, возможно, усмотреть злоупотребление правом, умысел на нарушение имущественных прав, предоставление недостоверных документов и т. п.[75]

Проведенная реформа правового регулирования института независимой гарантии затронула и положения, определяющие основания прекращения соответствующего обязательства. Так, в ст. 378 ГК РФ закреплено правило, согласно которому гарантийное обязательство гаранта перед бенефициаром может быть прекращено на основании их соглашения, тогда как в ранее действовавшей редакции законодательства подобная возможность прямо не предусматривалась. Кроме того, как сама независимая гарантия, так и отдельное соглашение между гарантом и бенефициаром могут устанавливать дополнительное условие, в силу которого прекращение обязательства гаранта обусловливается возвратом гарантийного документа. Эти новеллы дополнили основания прекращения гарантии. Изменения наглядно приведены в Таблице 1.

Таблица 1 **– Различия банковской (до 2016 г.) и независимой (после 2016 г.) гарантий**

Критерий	Банковская гарантия (до 2016 г.)	Независимая гарантия (с 2016 г.)
Гарант	Только банки	Банки и любые юридические лица (коммерческие организации)
Сумма	Допускалась «плавающая» сумма	В соглашении должны быть прописаны условия, при которых сумма изменяется
Передача прав	Не допускалась	Необходимо официальное согласие бенефициара
Предоставление информации	На бумажном носителе	В цифровой (электронной) форме, когда есть возможность точной идентификации выдавшего лица

Развитие института независимой гарантии в Сирии

В государствах Леванта, ранее находившихся под управлением Османской

[75] См.: Остроумов Н. В. Указ. соч.

империи, включая Сирию и Ливан, в качестве источника торгового права применялся Французский торговый кодекс 1807 г.[76] В Ливане впоследствии был принят собственный Торговый кодекс, который на основе заимствованных положений указанного французского нормативного акта с учетом определенных дополнений и адаптаций урегулировал правовой статус и деятельность коммерческих товариществ и обществ, в том числе банковских организаций, функционирующих в форме акционерных обществ, а также субъектов торгового оборота. Данный Кодекс отличается высокой степенью систематизации и проработанности и продолжает действовать по настоящее время[77].

В 1949 г. в Сирийской Арабской Республике был принят Торговый кодекс, в значительной степени воспринявший нормы и подходы, закрепленные в ливанском торговом законодательстве. Вместе с тем регулирование банковской деятельности в данном акте носило фрагментарный и недостаточно детализированный характер, вследствие чего при разрешении соответствующих споров сирийские суды были вынуждены обращаться к положениям ливанского и французского права. Подобная правовая ситуация сохранялась на протяжении длительного периода и была преодолена лишь к началу 2000-х гг., когда в стране стартовали процессы реформирования и модернизации финансово-банковской системы.

Кроме того, в Сирии банковский сектор является одним из наиболее сильно монополизированных, и государственные банки полностью контролируют банковскую сферу[78]. В 1966 г. банковский сектор был реструктурирован на основе банковской специализации отраслей экономики по Постановлению Министра внешней торговли № 813 от 29.06.1966, которым сирийский банковский сектор был разделен между несколькими государственными банками, каждый из

---

[76] См., например: Аль-Зуби М. А. Правовое положение иностранных лиц в странах Ближнего Востока : дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 18.

[77] См.: Хаддад М. Р. М. Ответственность членов совета директоров акционерного общества: сравнительный анализ законодательств Сирии и России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 25.

[78] Общепризнано, что банковская деятельность началась в Сирии в первой половине XVIII в. через торговые ассоциации, образованные предпринимателями Дамаска. Основной целью этих объединений было кредитование предпринимателей в соответствии с коммерческими обычаями.

которых должен был специализироваться в определенном секторе экономики (сельское хозяйство, торговля, промышленность, строительство и т. д.)[79]. Политика специализации в банковском деле изначально преследовала цель развития финансового сектора и концентрации банковского капитала. В результате Сирийский коммерческий банк стал контролировать 80 % банковских услуг, в том числе выдачу гарантий участия в тендерах на государственном уровне. Позже политика банковской специализации привела к поддержке одного банка за счет других, его контролю над банковским рынком и отсутствию конкуренции.

В 2000 г. начались крупные реформы в финансовом секторе, в том числе банковском. Так, был принят ряд законов[80] о реорганизации банковского сектора для дальнейшей стабилизации банковского рынка под контролем Центрального банка Сирии (далее – ЦБ Сирии) (Приложение А). Благодаря этим законам термин «банковская гарантия» впервые стал упоминаться в качестве инструмента для обеспечения выполнения обязательств на банковском рынке Сирии[81].

Институт обеспечения исполнения обязательств, который первоначально появился в римском праве, трансформировался также в традиционный институт гражданского права Сирии. Однако такой результат был получен не сразу. Так, еще в Гражданском кодексе Сирии 1948 г. были предусмотрены такие обеспечительные меры, как договор гарантии (поручительства – كفالة) и залога. В начале развития коммерческого бизнеса в Сирии не было необходимости в выделении особого

---

[79] Это следующие государственные банки: Сирийский коммерческий банк, Сирийский промышленный банк, Сельскохозяйственный банк, Столичный Банк Недвижимости, Народный кредитный банк.

[80] См.: Закон САР № 28 от 16.04.2001 «О создании частных банков» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025); Закон САР № 23 от 03.17.2003 «О Центральном банке Сирии» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025); Закон САР № 29 от 14.02.2011 «О компаниях» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025); Закон САР № 30 от 04.15.2010 «О банковской тайне» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025); Закон САР № 34 от 18.12.2008 «Регистрация предприятий, учреждений и организаций со штаб-квартирой, находящейся за пределами Сирийской Арабской Республики» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[81] См.: Ранжарауи М. Банковская система Сирии – состояние и проблемы // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». 2008. № 2 (26). С. 18.

обязательства, отличного от поручительства. Нормы о договоре поручительства в Сирии были заимствованы из французской правовой системы[82], основанной на римском праве[83].

В начале 1970-х гг. рост благосостояния в странах – экспортерах нефти на Ближнем Востоке (в том числе в Сирии) привел к росту числа крупных контрактов с западными фирмами, которые были направлены на улучшение инфраструктуры, общественные работы, промышленные и сельскохозяйственные проекты[84]. Между тем у некоторых покупателей обнаружились проблемы, возникшие в связи с нарушением выполнения договоров со стороны контрагентов. Поэтому они пострадали от дефолта экспортеров, которые не выполняли свои договорные обязательства. Более того, покупатели также обнаружили, что обращаться в суды для взыскания убытков за нарушение обязательств было чрезмерно сложно и дорого.

Механизм гарантий, подлежащих выплате по требованию, возник из прежней практики, когда экспортеры и подрядчики должны были внести денежный депозит, который мог быть немедленно конфискован импортером или работодателем в случае неисполнения обязательств. Этот механизм был самым распространенным в Сирии, но являлся неудобным, поскольку требовал от экспортеров и подрядчиков привлечения денежных средств, которые оставались «замороженными» в течение значительного периода, что отрицательно сказывалось на их ликвидности.

---

[82] История института гарантии, как и многих других правовых институтов, претерпела множество изменений с самого начала своего возникновения, особенно в странах французской юридической школы. Поскольку оно выражается в самом широком смысле, что является синонимом страхования, название «гарантия» использовалось для обозначения сумм, выплачиваемых некоторыми государственными служащими в государственные фонды в качестве гарантии их рвения и искренности в выполнении своих обязанностей (см.: Pansot D. A. Traité du Cautionnement en Matière Civile et Commerciale, Troys Imprimerie du Cardon. Paris, 1844. P. 3).

[83] См.: Аль-Атраш М. Независимые банковские гарантии в международных торговых контрактах. Марракеш : Б. и., 1996. С. 85.

[84] См.: Bertrams R. Bank Guarantees in International Trade. 2004. Note 1, at 3.

Осознание этих трудностей привело к идее о необходимость замены «системы заморозки денежных средств» на иной вид обеспечения[85].

1.2. Понятие независимой гарантии по российскому и сирийскому праву

Законодательство Сирии и законодательство России по-разному подходят к регулированию способов обеспечения исполнения обязательств. Общее сходство приемов регламентации в законодательстве России и Сирии связано с их общими концептуальными основами. Значительная часть отраслей сирийской правовой системы, включая гражданское право, сформировалась под определяющим влиянием романо-германской правовой традиции. Российская правовая система также относится к семье континентального права и исторически базируется на рецепции римского частного права. Вместе с тем существующие различия обусловлены спецификой правового развития двух государств. Так, в Сирии преобладающее влияние оказало французское право, тогда как российское законодательство эволюционировало преимущественно в русле германской правовой доктрины, из которой были заимствованы и впоследствии успешно интегрированы многие ключевые правовые конструкции и институты. Эти базовые, концептуальные особенности правовых систем России и Сирии определили общие черты и различия в правовом регулировании института независимой гарантии.

В предыдущем параграфе было установлено, что институт независимой гарантии прошел свой достаточно долгий путь становления, в то время как понятие гарантии таким продолжительным эволюционным развитием в российском договорном праве не отличается. Например, в п. 6 ст. 68 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик термины «гарантия» и «поручительство» использовались в тождественном значении, что обусловливало восприятие соглашения между гарантом и кредитором должника как производного,

---

[85] См.: Аль-Таррад И. И., Халед А. Управление внутренними и международными банковскими операциями. Амман, 2006. С. 309.

акцессорного обязательства[86]. В результате подобного нормативного подхода обеспечительное обязательство находилось в прямой и неразрывной зависимости от основного договора, исполнение которого оно было призвано гарантировать. Советский законодатель исходил из необходимости строгой законодательной регламентации видов гарантии и оснований ее предоставления исключительно юридическим лицам[87]. С введением в действие ГК РФ, в частности ст. 368, содержание понятия банковской гарантии претерпело существенную трансформацию. Она была нормативно закреплена как самостоятельный способ обеспечения исполнения обязательств, в рамках которого банк, иная кредитная организация либо страховая организация, выступая в качестве гаранта, по просьбе третьего лица – принципала – принимали на себя письменное обязательство произвести выплату кредитору принципала, т. е. бенефициару, денежной суммы, указанной в гарантии, при условии предъявления последним соответствующего письменного требования в порядке и на условиях, определенных гарантийным обязательством. Тем самым общее легальное определение банковской гарантии было сформулировано сравнительно поздно – фактически лишь в период становления и развития рыночных экономических отношений.

Обратим внимание, что российский законодатель в определении сторон гарантии использует стандартные, взятые из международного права понятия, восходящие к римскому праву. Так, в определении гарантии в ГК РФ появился бенефициар как лицо, в чью пользу совершается платеж или выставляется аккредитив. В свою очередь под принципалом понимается основной должник в рамках конкретного обязательства. Прежнее легальное определение банковской гарантии в ст. 368 ГК РФ, которое действовало до 2015 г., содержало положение о том, что это не что иное, как один из способов обеспечения исполнения

---

[86] См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 (документ утратил силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

[87] См., например: Аванесова Г. Применение банковской гарантии и договора поручительства в банковской практике // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 34; Прончатов Е. А., Тренина Д. Д. Банковская гарантия и смежные институты права в деятельности кредитных и страховых организаций // Страховое право. 2006. № 1. С. 25–29.

обязательств. Его применение предполагает обязательное привлечение третьего лица – гаранта, а также особое обеспечение в виде обязательства выплаты определенной в гарантии суммы. На основе вышесказанного банковская гарантия получила статус одностороннего обязательства на тот момент лишь банка, который был гарантом.

В сирийском гражданском законодательстве закреплено общее легальное определение гарантии, содержащееся в ст. 738 ГК САР. В соответствии с данной нормой гарантия рассматривается как соглашение между кредитором и гарантом, в силу которого последний обязуется, в случае неисполнения должником своего долгового обязательства, действовать в соответствии с заранее достигнутой договоренностью о способе его исполнения либо принять на себя ответственность за соответствующее обязательство[88]. Таким образом, сирийский законодатель уже в середине 1950-х гг. придал гарантии общий, а не исключительно банковский смысл.

Сопоставление с российской моделью позволяет зафиксировать конструктивное различие. В российском праве независимая (банковская) гарантия порождает самостоятельное обеспечительное обязательство гаранта перед бенефициаром, существующее параллельно основному обязательству принципала и не сливающееся с ним по субъектному составу. В сирийском праве исходная конструкция кафалы (ст. 738 ГК САР) ближе к принятию гарантом ответственности должника и потому тяготеет к модели одного обязательства с двумя лицами на стороне должника (принципал и гарант) перед одним кредитором (бенефициаром), что объективно усиливает связь гарантии с основным обязательством. В банковской практике Сирии эффект независимости платежа достигается не столько общими нормами ГК САР, сколько документарными условиями банковской

[88] См. также: ст. 772 Закона Египта № 108 от 07.29.1948 // Официальный сайт Египетского официального вестника [Электронный ресурс]. URL: www.cc.gov.eg/Garida.aspx (дата обращения: 15.06.2025); ст. 950 Закона № 43 Иордании от 01.01.1976 // Официальный сайт Иорданского официального вестника [Электронный ресурс]. URL: http://www.pm.gov.jo/ (дата обращения: 15.06.2025); ст. 1117 Закона Марокко «О договорах и обязательствах» от 12.08.1913 (ред. от 18.03.2016) // Официальный сайт Марокканского официального вестника [Электронный ресурс]. URL: www.sgg.gov.ma (дата обращения: 15.06.2025).

гарантии и применением международных банковских обычаев ICC (в том числе URDG).

В этом контексте приведенное определение аналогично определению, которым оперируют французские ученые, определяя банковскую гарантию как «вид залога или подписи, в отношении которого банк обязан выполнить договорные обязательства своего клиента перед третьими лицами в случае, если его клиент не выполняет их сам»[89].

В первой половине 2010-х гг. российские исследователи выявили несколько тенденций эволюции института банковских гарантий, которые могли повлиять на изменение его законодательного определения. В то же время следует сразу отметить, что в литературе не имелось сколько-нибудь категоричной критики в адрес действовавшего на тот момент института банковских гарантий, который, как и его легальное определение, в основном всех устраивали.

Отмечалось и общее сближение банковских гарантий с документарными аккредитивами, причем в ряде случаев до степени смешения, ввиду того что в правоприменении банковские гарантии постепенно сближались с аккредитивными платежами. Происходило это за счет большей конкретности, а также связанности с обеспечиваемым обязательством в части обоснования его нарушения и предъявления требования платежа. Аккредитивы становились все более абстрактными. Кроме того, банковские гарантии становились более абстрактными, зарубежная прецедентная практика указывала на трансферабельность, т. е. полный отрыв от базового обязательства с превращением в независимый институт финансового рынка[90].

Выявленные тенденции эволюции института банковских гарантий, а также высказываемые экспертные мнения могли свидетельствовать о необходимости коррекции действующего определения гарантий, однако прямо о категоричной

---

[89] Gavalda Ch., Stoufflet J. Droit de la Banque. Paris : Ed PUF, sans date de publication. P. 678.

[90] См.: Олейник О. М. Требование платежа по банковской гарантии: тенденции российской и международной судебной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 75–89.

необходимости такого шага не говорилось. В этом смысле не вполне понятны оценки принятия Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ как «долгожданной модернизации общих положений обязательственного права»[91].

Категория «независимая гарантия» была введена в систему российского гражданского права с 1 июня 2015 г. – с момента вступления в юридическую силу Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Указанная законодательная новелла закрепила более широкую правовую конструкцию, охватившую в своем содержании ранее известный институт банковской гарантии. Как таковая формулировка определения независимой гарантии в российском законодательстве отсутствует, однако ее общее понимание следует из содержания ст. 368 ГК РФ, где обозначены ее «понятие и форма», хотя первое фактически отсутствует, но может быть сформулировано исходя из содержания статьи. Можно сказать, что *независимая гарантия – это обязательство, принимаемое гарантом по просьбе другого лица (принципала) уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) фиксированную денежную сумму, соответствующую условиям обязательства, данного гарантом, независимо от действительности обеспечиваемого гарантией обязательства.*

В сирийском законодательстве также нет четкого определения термина «независимая гарантия» или «банковская гарантия» в Гражданском и Торговом кодексах и даже в Законе «О Центральном банке Сирии» и других правовых актах. В ст. 242 Торгового кодекса Сирии указано, что на банковскую гарантию распространяются общие нормы договора гарантии, упомянутые в Гражданском кодексе САР, с учетом международных коммерческих и банковских обычаев, в частности правил Международной торговой палаты. В то же время сирийский законодатель, как и большинство арабских законодателей, использовал термин «банковская гарантия» в качестве одного из банковских продуктов, который банки

[91] Руденко Е. Ю., Каунов А. М. Указ. соч.

могут предоставлять своим клиентам [92] . Определение гарантии может быть сформулировано исходя из текстов судебных решений и общих норм договора гарантии в сирийском гражданского праве[93].

Особенности правовой конструкции гарантии, равно как и ее разграничение с институтом поручительства, были во многом предопределены узким и специфическим кругом ее применения. Гарантия использовалась преимущественно в правоотношениях между государственными организациями, в рамках которых банковское кредитование государственного предприятия осуществлялось под обеспечение в виде гарантии со стороны вышестоящего государственного органа. В случае неисполнения предприятием принятых на себя обязательств соответствующий орган исполнял денежное обязательство за него, при этом право обратного требования (регресса) не возникало. Отсутствие регрессных механизмов объяснялось особенностями административно-плановой экономической системы, в условиях которой имущественный комплекс государственных предприятий находился в собственности единственного субъекта – государства, что делало такие требования экономически и юридически бессмысленными. Подобная модель позволяет утверждать, что формальная автономность гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств в рамках ГК САР носила во многом искусственный характер и по существу выполняла лишь функцию учетного инструмента, направленного на фиксацию баланса интересов участников соответствующих правоотношений.

По своей правовой сущности гарантия относится к числу персональных способов обеспечения обязательств, посредством которых кредитору по основному обязательству предоставляется дополнительный субъект ответственности – гарант, принимающий на себя обязанность отвечать за исполнение соответствующего

---

[92] См.: Ст. 12 Закона САР № 28 от 16.04.2001 «О создании частных банков» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[93] В этом контексте арабские законодатели используют несколько терминов:لكفال – «гарантия»; الكفالة المصرفيّة – «банковская гарантия»; الكفالة بالاعتماد– «аккредитация под гарантии»; الضمان المستقل– «независимая гарантия» (см.: Хани Двидар, А.-Б. Сборник законов о коммерческих контрактах и банковских операциях. Александрия : Дар Аль-Джадида : Б. и., 2003. С. 28).

обязательства. Иными словами, это метод, используемый кредитором для снижения рисков при невозврате должником своего займа. Вся ответственность при этом ложится на плечи банка. Что касается условий банковской гарантии, то их определение осуществляется обеими сторонами, т. е. самим должником и кредитором. Данный инструмент включает в себя не только сделку, но и банковскую операцию, регулирование которой осуществляется посредством банковских законов. Чтобы стать обладателем подобного инструмента, клиенту понадобится подготовить документы по определенному списку.

Обратим внимание, что российские банки преимущественно используют понятие «*банковская гарантия*». Услуги по предоставлению именно «банковских гарантий» предоставляют ВТБ[94], Банк «Санкт-Петербург» (услуга для МСП[95]) и другие кредитные организации, например Совкомбанк[96]. Часть банков используют собственную терминологию. Так, АО «МСП Банк», способствуя развитию малого и среднего бизнеса, предоставляет его субъектам *прямые гарантии* для получения банковских кредитов и давая возможность получать кредитные ресурсы при нехватке залогового обеспечения[97]. Применительно к государственным закупкам в рамках Федеральных законов от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» российские банки используют общее понятие «гарантии»[98]. В данном случае мы обратили внимание

---

[94] См.: Банковские гарантии [Электронный ресурс] // ВТБ : офиц. сайт. URL: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/deleted/kredity-i-garantii-del/garantii-del/ (дата обращения: 15.06.2025).

[95] См.: Банк «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bspb.ru/business/guarantee/small/ (дата обращения: 15.06.2025).

[96] См.: Совкомбанк [Электронный ресурс]. URL: https://msb.sovcombank.ru/fintender/ (дата обращения: 15.06.2025).

[97] См.: Корпорация МСП [Электронный ресурс]. URL: https://corpmsp.ru/finansovaya-podderzhka/garantiynaya-podderzhka-subektov-msp-ngs/bankovskie-garantii-msp-banka/ (дата обращения: 15.06.2025).

[98] См.: Гарантии участникам закупок № 44-ФЗ, 223-ФЗ, 615-ПП [Электронный ресурс] // ВТБ : офиц. сайт. URL: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/kredity-i-garantii/ekspress-garantii-uchastnikam-zakupok-44-fz-223-fz-615-pp/ (дата обращения: 15.06.2025).

на коммерческое словоупотребление и наиболее распространенные в российской практике названия продуктов, не делая из этого каких-либо юридических выводов.

Аналогично поступают и сирийские банки, которые предпочитают использовать термин «*банковская гарантия»*. Большинство государственных и частных банков используют термин «банковская гарантия»[99] в отношении услуг, которые они предоставляют. Это связано с тем, что законы о создании государственных банков (самые старые банковские законы Сирии) принимались под влиянием доктрины французской школы права. Эта доктрина в принципе не проводит различий между институтом независимой гарантии и банковской гарантией. Согласно французской доктрине, гарантия становится банковской гарантией, когда она предоставляется специализированным гарантом (банком), тем не менее она сохраняет ее название с изменением механизма использования в банковских отношениях[100].

Обратим внимание на п. 3 ст. 368 ГК РФ, в соответствии с которым независимая гарантия не имеет прямой привязки к банкам, т. е. фактически перестает быть собственно банковской. С 2015 г. помимо банков такие гарантии могут быть выданы «другими коммерческими организациями», «иными кредитными организациями». Таким образом, можно сделать вывод о существовании как минимум двух понятий: «независимая гарантия» и «независимая банковская гарантия». Изучение литературы по теме показало, что российские авторы, указывая на то, что независимую гарантию с 2016 г. вправе выдавать наряду с финансово-кредитными и в целом коммерческие организации[101], не приводят практических примеров.

Эксперты и практикующие юристы обоснованно подчеркивают, что «независимые гарантии в подавляющем большинстве случаев выдают банки», так

---

[99] См. ст. 4 Указ Президента САР № 1654 от 05.02.1977 «О создании Сирийского коммерческого банка» и ст. 6 Закона САР № 28 от 20.11.2010 «О создании Индустриального банка» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[100] См.: Klein-Cornede J. La pratique des garanties Bancaire dans les contrat internationaux // Collection techniques de la Banque AFB Diffusion. 1999. Juin. P. 30.

[101] См.: Комарова Н. В. Правовое регулирование независимой гарантии // Бюллетень науки и практики. 2019. Вып. 5, № 11. С. 305–308.

как «обычная коммерческая компания» «может сегодня выдать гарантию, а завтра – «испариться» из ЕГРЮЛ. Да и взять с такой фирмы, как правило, нечего»[102]. Такого рода статистика не ведется, но в целом, судя по судебной практике и аналитике, практика выдачи независимых гарантий юридическими лицами, коммерческими организациями не получила широкого распространения.

Формально с 1 июня 2015 г. банковские гарантии стали одним из видов независимых гарантий. Прежде всего, в сравнении с ранее действовавшим законом, изменился субъектный состав. К банкам и другим кредитным организациям (в прежней редакции – учреждениям) законодатель добавил «другие коммерческие организации». В то же время страховые организации были исключены из ст. 368 ГК РФ, перейдя в разряд «другие коммерческие».

Банковская гарантия в российском праве выступает разновидностью независимой гарантии, поскольку при ее выдаче банком или иной кредитной организацией применяется § 6 гл. 23 ГК РФ, а «банковскость» определяется субъектом, предоставившим обеспечение. Для кредитных организаций выдача банковской гарантии имеет характер специальной банковской сделки (разрешенного законом вида деятельности помимо банковских операций), что предопределяет предмет гарантийного обязательства: по общему правилу гарант принимает на себя обязанность уплатить бенефициару денежную сумму (п. 1 ст. 368 ГК РФ). Возможность неденежного исполнения, указанная в п. 5 ст. 368 ГК РФ, требует отдельной интерпретации с учетом банковской специфики: в практике кредитных организаций реалистичным исключением выступает передача ценных бумаг как финансовых инструментов, тогда как «натуральное» исполнение (передача вещей родовыми признаками) не является типичным для банковского гарантирования и характернее для гарантий, выдаваемых иными коммерческими организациями.

Напротив, в Сирии в соответствии со ст. 12-а Закона САР № 28 от 16.04.2001 «О создании частных банков» и ст. 100 Закона САР № 23 от 17.03.2002

---

[102] Бычков А. Независимая гарантия. Ключевые аспекты, на которые нужно обращать внимание // Юридический справочник руководителя. 2019. № 8. С. 17.

«О Центральном банке Сирии» банковская гарантия может выдаваться исключительно банками. Это правило существует в большинстве законодательных актов арабских стран (Ливан, Иордания, Ирак, Египет, Алжир и Марокко)[103]. Другими словами, профильный Закон САР «О Центральном банке Сирии» прямо отнес выдачу банковской гарантии к банковским операциям. Это дает основания утверждать, что независимую (банковскую) гарантию могут выдавать только кредитные организации, получившие лицензию на этот вид деятельности; в отношении иных субъектов хозяйствования и их должностных лиц, причастных к выдаче банковских гарантий, могут быть применены санкции за незаконное осуществление банковской деятельности, предусмотренные ст. 125 Закона САР «О Центральном банке Сирии».

В праве Сирийской Арабской Республики банковская гарантия тоже рассматривается как банковская операция и может быть выдана только банками, что делает кредитную организацию единственным профессиональным гарантом. В сирийской банковской практике предмет исполнения по банковской гарантии фактически сводится к денежному платежу в пользу бенефициара при наступлении условий гарантии. При этом регулирование института независимой гарантии в Сирии носит комплексный (нецелостный) характер: оно формируется нормами ГК САР (ст. 737–767), положениями кафалы в исламском праве, актами о государственных банках, судебной практикой и торговыми обычаями ICC (в том числе URDG), что принципиально отличает сирийский режим от российского кодифицированного регулирования независимой гарантии в ГК РФ.

В Западной Европе гарантии исторически выдавали банки. Уже в XX в. право на это было предоставлено также и другим субъектам финансового рынка и здесь институт гарантий должен был неизбежно «столкнуться» со схожим по задачам институтом поручительства, который формально существует (разд. 20 Германского

[103] См.: Калиуби С. Правовые основы банковских операций // Библиотека Айн Шамс. Каир, 1992. С. 135.

гражданского уложения, разд. 14 кн. 7 Гражданского кодекса Нидерландов и др.), однако практически не применяется[104].

В этом контексте показательным примером является КНР. Закон КНР «О гарантиях» предусматривает (ст. 7), что гарантами могут быть все, кто способен погасить задолженность, в том числе организации и физические лица, за довольно значительным исключением. Китайский законодатель (ст. 8) запретил быть гарантами органам государственной власти и управления, кроме утвержденных Госсоветом КНР исключений в части использования кредитов правительств иностранных государств или международных экономических организаций. Также не могут быть гарантами (ст. 9) субъекты социальной сферы, например школы, больницы и т. п., а также благотворительные организации и общественные объединения. Не могут быть гарантами и филиалы предприятий, хотя бы даже они и являлись юридическими лицами, равно как и отделы организаций. Важно, что китайский законодатель (ст. 11 Закона КНР «О гарантиях») и сирийский законодатель (п. «а» ст. 100 Закона САР «О Центральном банке Сирии») запретили банкам, иным финансовым организациям и предприятиям выдавать гарантии своим сотрудникам[105].

В российском законе появление в 2015 г. «других коммерческих» организаций соответствует международным подходам и распространенной мировой практике, но в российской действительности, на наш взгляд, не вполне оправдано. Закон подробно рассматривает, как бы теперь они ни назывались, именно *банковские* гарантии. Именно они признаются бизнес-сообществом. Именно практика предоставления банковских гарантий обеспечила им доверие бизнеса и преимущество над гарантиями всех прочих эмитентов, к которым в России, в сравнении с банками, отношение настороженное, за исключением

---

[104] См.: Нестерова Э. Э. Указ. соч.

[105] См.: Банк «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bspb.ru/business/guarantee/small/ (дата обращения: 15.06.2025).

См.: Закон КНР о гарантиях : утв. Приказом Председателя КНР Цзян Цзэмина № 50 от 30 июня 1995 г. на XIV сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей VIII созыва [Электронный ресурс]. URL: https://asia-business.ru/law/law2/insurance/guarantee/ (дата обращения: 15.06.2025).

крупных государственных корпораций. Можно сказать, что сирийский законодатель был более осторожным и строгим в этой области из-за молодости данного института в целом и банки стали единственными коммерческими организациями, которые имели право на выдачу банковских гарантий.

По данным опроса Аналитического центра НАФИ, в 2019 г. доверие граждан и предпринимателей к банкам упало на 7 п.п. – до 58 %. Даже этот факт не повлиял на явное преимущество банков в финансовой сфере, поскольку страховщикам доверяли 27 % опрошенных, негосударственным пенсионным фондам – 13 %, а микрофинансовым организациям – всего 4 %. Более 42 % прогнозируют стабильность российской банковской системы, полагая, что уход с рынка грозит лишь части мелких и средних банков. Малый процент опрошенных (14 %) верит в банкротство системообразующих банков[106]. Опрос отразил устойчивость банковской системы РФ в последние годы и стабильный рост доверия к ней. Напомним, что в 2008 г., по данным ВЦИОМ, банкам были склонны скорее доверять лишь 38 % россиян[107].

Прошедший 2024 г. продемонстрировал, что уровень доверия россиян банкам является достаточно стабильным и устойчивым. Так, 82 % россиян, согласно исследованиям НАФИ, доверяют банкам как финансовым институтам. Данный показатель не меняется с 2023 г. и сохраняется в текущем году[108].

На первый взгляд, может показаться, что доверие клиентов к банкам и банковской системе прямо не связано с институтом банковских гарантий, однако следует помнить, что, во-первых, такое доверие составляет фундамент стабильности функционирования российских[109] и сирийских финансовых

---

[106] См.: Потребительские тренды на рынке банковских услуг – 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/doverie-rossiyan-k-bankam-v-2019-godu-snizilos-do-58percent-mfo-doveryayut-lish-4percent-opros-nafi-1028568206 (дата обращения: 15.06.2025).

[107] См.: Вырос уровень доверия россиян к банкам [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. 24 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/870796 (дата обращения: 15.06.2025).

[108] См.: Отношение россиян к банкам [Электронный ресурс]. URL: https://journal.uralsib.ru/analytics/attitude-of-russians-towards-banks (дата обращения: 15.06.2025).

[109] См.: Аликперова Н. В., Ярашева А. В. Доверие населения – фундамент стабильности функционирования финансовых институтов // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. 2015. № 8 (80). С. 1.

институтов[110], влияя в том числе и на рейтинг банка, а во-вторых, гарантия это и есть в большей степени вопрос пусть проверенного и обоснованного, но все же доверия.

Вопрос трактовки гарантийных обязательств в рамках доктрины встречного удовлетворения (doctrine of consideration) был разрешен в прецедентном деле Pillans & Rose vs Van Mierop & Hopkins, решение по которому было принято Судом Королевской скамьи в 1765 г. Это дело и сегодня расценивается как знаковый случай (прецедент) в английском договорном праве[111]. Суд тогда признал, что в коммерческих делах среди предпринимателей если гарант соглашается выполнить обязательство в случае его неисполнения основным должником, это согласие является окончательным и необратимым (безотзывным). По общему правилу в английском договорном праве для возникновения договора необходимо наличие встречного удовлетворения (consideration), т. е. требуется действие и второй стороны. В этом деле факт отсутствия «consideration» (встречного удовлетворения гаранта) не разрушает договор. Иной подход был бы чрезвычайно губительным для торговли и доверия к коммерческим сделкам[112].

Принимая во внимание исторически сложившееся доверие к банкам, следует отметить, что эволюция развития торгового права и делового оборота показала, что именно банки могут дать такую гарантию. Соответственно, контрагенты стремились именно от банков ее и получить. В связи с этим правомерен вопрос о том, насколько весомы и авторитетны будут указанные с 2015 г. в российском законе независимые гарантии «других коммерческих организаций». Формально их появление расширит рынок, даст новые возможности, однако сложно представить, чтобы серьезные бенефициары пользовались гарантиями «других коммерческих организаций» для обеспечения исполнения обязательств. В условиях

---

[110] См.: Аль-Мидани М. А. Э. Эффективность деятельности частных банков в сирийской банковской системе, Сирийская ассоциация экономических наук. Дамаск : Б. и., 2009. С. 5.

[111] См.: McMeel G. Pillan v. van Mierop and Hopkins // Mitchell C., Mitchell P. Landmark Cases in the Law of Contract. L., 2008. Ch. 2.

[112] См.: Eng. Rep. 1035 Pillans and Rose vs Van Mierop and Hopkins. 30th April 1765 // Дело на сайте Harvard Law school [Электронный ресурс]. URL: https://h2o.law.harvard.edu/cases/2380 (дата обращения: 15.06.2025).

экономической нестабильности, политически мотивированных санкций, помня недавние банкротства таких крупных и старых банков, как Lehman Brothers[113] или Barings (проработал 232 года)[114], контрагенты предъявляют повышенные требования к старым и высокорейтинговым банкам, принимая гарантии лишь от них. Гипотетически можно предположить возникновение категории «профессиональных гарантов», которые будут работать наравне с банками, создавая им конкуренцию. Например, возможны гарантии крупных корпораций. В России это мог бы быть «Газпром», который имеет свой банк (в последние годы – третий-четвертый в России по размерам активов), однако такая практика пока не сформирована.

С января 2022 г. правом на выдачу независимых гарантий наделены государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», а также Евразийский банк развития и фонды содействия малому и среднему предпринимательству, которые задействованы в реализации программных мероприятий по поддержке малого и среднего бизнеса[115].

В то же время подобного дискурса не существует в сирийском законодательстве (учитывая, что банковские гарантии могут выдавать только банки), но существует, например, в США, однако лишь в рамках поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП), где роль гаранта выполняет Администрация малого бизнеса США (The US Small Business Administration, US SBA), содействующая привлечению заемного капитала для субъектов МСП. При этом сама US SBA никого прямо не финансирует, а лишь помогает малому бизнесу получать займы от заинтересованных компаний, гарантируя их погашение, что

---

[113] См.: Trumbull M. Lehman Bros. used accounting trick amid financial crisis - and earlier // The Christian Science Monitor. 2010. March 12; History of the Lehman Brothers. Harvard : Harvard University Library-Lehman Brothers Collection, 2010.

[114] См.: Reason J. Managing the Risks of Organizational Accidents. N. Y. : Ashgate Publishing Ltd, 1997. P. 29; Titcomb J. Barings: the collapse that erased 232 years of history // The Daily Telegraph. 2015. 23 February.

[115] См.: Госзакупки: порядок выдачи независимых гарантий [Электронный ресурс]. URL: https://xn--04-vlciihi2j.xn--p1ai/press-center/news/novosti-organizatsii/goszakupki-poryadok-vydachi-nezavisimykh-garantiy/ (дата обращения: 15.06.2025).

минимизирует риски партнеров, работающих в рамках программы гарантированных займов[116].

Субъект малого предпринимательства (принципал) получает от своего поручителя, в качестве которого выступает Администрация, облигации, обеспечивающие для кредитора исполнение договора. При ухудшении финансового положения, когда предприниматель не в состоянии отдать долг, за него это делает поручитель – Администрация восполняет кредитору все убытки. При этом важно подчеркнуть, что Администрация может предоставить гарантии в основном до 5 млн долларов, однако по отдельным проектам сумма гарантии может вырасти до 10 млн.

Также US SBA содействует в гарантировании займов у банков и других организаций, которые кредитуют МСП. В 2019 г. US SBA снизила плату за гарантии поручительства по облигациям. Это коснулось гарантированных облигаций, утвержденных в 2019 финансовом году. Гарантированные поручительства по облигациям (SBG) подешевели для предпринимателей с 26 до 20 % от суммы облигаций, причитающейся от малого бизнеса. Также снизился размер платы за подрядчика с 7,29 до 6,00 доллара за 1000 долларов контрактной суммы. Снижение сборов по программе SBG не только прямо поможет малому бизнесу, но и будет стимулировать поручительские компании и их агентов к увеличению поддержки малого бизнеса на рынке[117].

При внесении изменений в ГК РФ в 2015 г. законодатель, по всей видимости, не преследовал цели радикально вытеснить или упразднить институт банковской гарантии как традиционный способ обеспечения гражданско-правовых обязательств, заменив его исключительно новой конструкцией независимой гарантии. Фактически первая стала разновидностью второй. Формально понятие «банковская» не обобщает гарантии вообще, а указывает лишь на то, кем выдана

---

[116] См.: Курильченко И. Г., Ахмедова А. В. Формы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в США // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 110–114.

[117] См.: SBA Announces Decrease in Surety Bond Guarantee Fees [Электронный ресурс]. URL: https://www.sba.gov/article/2018/sep/06/sba-announces-decrease-surety-bond-guarantee-fees (дата обращения: 15.06.2025).

гарантия. В соответствии с п. 3 ст. 368 ГК РФ независимая гарантия, которая выдана банком или другой кредитной организацией, считается банковской.

По оценке Е. Ю. Руденко и А. М. Каунова, это сделано законодателем, чтобы сохранить банковскую гарантию как способ обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, но само гарантийное обязательство при этом не стеснять рамками банковских правоотношений. В итоге любая банковская гарантия теперь есть гарантия независимая, однако не любая независимая гарантия будет банковской. Попытка законодателя обеспечить свободу гарантий, особенно для некредитных организаций, пока не воспринята рынком, участники которого в основном не стремятся получать страховые или иные (для которых в законе не предусмотрено наименований) гарантии. Поэтому «множество гарантий, выданных коммерческими организациями других направленностей», остается скорее в сфере теории[118]. На наш взгляд, нельзя так однозначно утверждать о существовании независимых гарантий, выданных иными коммерческими организациями, только в теоретической плоскости. Так, с 2027 г. в России будет функционировать новый механизм защиты прав страхователей и выгодоприобретателей по договорам страхования жизни. Так, при отзыве лицензии у страховщика можно будет рассчитывать на получение гарантийной выплаты[119]. Система гарантирования будет функционировать по аналогии с той системой, которая уже в настоящее время действует в рамках страхования вкладов в банках. Если же страховая компания обанкротится, то Агентство по страхованию вкладов подготовит реестр гарантийных выплат, а также разместит необходимую информацию о приеме заявлений.

В российской действительности закрепленное с 2015 г. в ГК РФ понятие «*независимая гарантия*» на практике относится и в ближайшем будущем будет относиться к банковским гарантиям. В этом смысле, по крайней мере в целях доктринального анализа, допустимо вести речь о *независимой (банковской)*

---

[118] См.: Руденко Е. Ю., Каунов А. М. Указ. соч. С. 89.

[119] См.: В России появится система гарантий при страховании жизни [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/news/1775912/ (дата обращения: 15.06.2025).

гарантии, которая также ближе всего к понятию банковской гарантии в сирийской правовой доктрине и судебной практике.

Так, ч. 3 ст. 96 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предполагает независимую гарантию. В ст. 61 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также предусмотрен только этот вид гарантии. То же относится и к ст. 74.1 НК РФ.

С другой стороны, точное определение независимой гарантии затруднено и во многих зарубежных юрисдикциях. Так, в англо-американской правовой системе отсутствует единое терминологически точное определение независимой гарантии. Национальное право в государствах, тяготеющих к этой модели, имеет разные концептуальные подходы к пониманию обеспечения договорных обязательств и, соответственно, использует разные понятия. Это может быть уже упоминавшаяся в п. 1.1 гарантия (*«guarantee»*), а также «*standby letter of credit*» или «*performance bond*» и др.[120] В правовой доктрине принято проводить разграничение между общим понятием «гарантия» (guarantee) и «гарантийным письмом» (letter of guarantee). Если гарантия рассматривается как самостоятельное первичное обязательство по уплате определенной денежной суммы в целях обеспечения исполнения основного договора, то гарантийное письмо квалифицируется как производное, вторичное обязательство, вытекающее из базового обязательственного отношения.

Отсутствие унифицированного определения гарантии в определенном смысле затрудняет его выбор и использование в международной коммерческой

[120] См.: Horn N., Wymeersch E. Bank Guarantees, Standby Letters of Credit and Performance Bonds in International Trade // The Law of International Trade Finance. Boston : Ed. N. Horn, 1989. Vol. 6. P. 459–460.

практике, на что неоднократно указывалось в литературе по правовому обеспечению международных сделок[121].

В системе гражданского права США гарантия квалифицируется как самостоятельное договорное обязательство, существующее автономно по отношению к основному контракту или иным базовым правоотношениям и возникающее между банком и бенефициаром. Вместе с тем она не сводится к простой двусторонней сделке, а выступает элементом более сложной совокупности многосторонних договорных связей, включающих, с одной стороны, соглашение между принципалом и кредитором (бенефициаром), а с другой – договор между принципалом и банком. При отсутствии указанных договоров выдача гарантии невозможна. Хотя данные соглашения формально обособлены друг от друга, они находятся в функциональной взаимозависимости и способны оказывать взаимное влияние на содержание и реализацию обязательств. Такая связь приобретает особенно сложный характер в конструкциях косвенной гарантии либо в ситуациях, когда банк обусловливает свое участие предоставлением гарантий возмещения в форме контргарантии[122].

Американская банковская гарантия близка по сути, содержанию и оформлению к документарному аккредитиву. Особенно это применимо к правилу независимости – обязательности платежа при точном соблюдения условий гарантии, а также правила строгого соответствия. Здесь действуют традиции английского прецедентного права. Когда соблюдены условия гарантии, банк обязан выплатить по ней. Он лишен возможности апеллировать к защите (*defences*) своей позиции относительно основного договора. В американской деловой и юридической практике гарантии, в отличие от документарных аккредитивов,

---

[121] См.: Bertrams R. Bank Guarantees in international trade. 2004; Kurkela M. Letters of Credit and Bank Guarantees under International Trade Law. Oxford, 2007; International Bank and Other Guarantees Handbook: Europe / Ed.: Y. Aubin, L. de Longeaux, J.-C. Vecchiatto. Hague : Kluwer Law International B.V., 2011. 732 p.

[122] См.: Еремеев А. А. Сравнение банковской гарантии в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки // Право и современные государства. 2014. № 6. С. 17–22.

являются в большей степени финансовым обеспечением, гарантируя финансовую компенсацию при неисполнении обязательств принципалом[123].

В терминологии, используемой сегодня в глобальной торговле применительно к облигациям и гарантиям, в целом мало последовательности. Это неизбежно провоцирует путаницу и несколько затрудняет определение того, охватывает ли используемое сторонами обеспечение самостоятельное либо вспомогательное обязательство. Рассмотрение исключительно термина не вносит ясности в вопрос.

Иными словами, независимая, в том числе банковская, гарантия прошла относительно недолгую в сравнении с другими финансовыми институтами эволюцию, обслуживая потребности коммерческой практики. Действующая концепция гарантии не была изначально доктринально детально разработана или известна праву. Рынок заставил выработать несколько защитных механизмов, в том числе акцессорную гарантию, на практике известную как институт поручительства, действующий во всех правовых системах. Применение в коммерческой и банковской практике понятия «гарантия» нередко подразумевало лишь акцессорный вид обеспечения. Понятийные разночтения – характерная черта института гарантии. Несмотря на функциональную близость банковских гарантий в международной практике, российское и сирийское право различаются по юридической конструкции обязательства гаранта: в российском праве гарантийное обязательство оформляется как самостоятельное обеспечительное обязательство гаранта перед бенефициаром, тогда как сирийская модель кафалы по общему правилу тяготеет к присоединению гаранта к ответственности должника; сближение достигается в банковской практике через условия документа и применение международных правил (ICC/URDG). В связи с глобализацией, правовой конвергенцией и сложившимся международно-правовым регулированием иначе и не должно быть.

Для континентального гражданского законодательства, включая российское,

---

[123] См.: Bertrams R. I. V. F. Bank Guarantees in International Trade. Hague : ICC Pub., 1996. 123 p.

понятие «гарантия» подразумевает независимую гарантию, тогда как понятие «поручительство» – акцессорный тип обеспечения. В то же время в Сирии и большинстве арабских стран в «обычных» гражданско-правовых отношениях понятие «гарантия» широко используется без строгой дифференциации. Законодательство и правоприменение США в данном случае более последовательны, так как «гарантия» здесь – прежде всего обязательство гаранта, связанное с обязательством должника или дополняющее его. Именно в этом следует усматривать объяснение того, почему стороны, предполагающие для своей сделки независимость обеспечения, применяют понятие «резервный аккредитив» («standby»), которое в Европе (континентальная модель) совпадает по смыслу и назначению с независимой гарантией. Сирийские ученые подтверждают, что понятие независимости следует признать базовым в гарантийных отношениях, имея в виду не отстраненность от сторон сделки, а обособленность от *principal contract*, т. е. базового договора (собственно договора или контракта)[124].

Во всех случаях и смыслах гарантия ориентирована на оперативное возмещение бенефициару понесенных им убытков. При этом бенефициар может требовать гарантийной выплаты лишь по условиям гарантии. В рассматриваемых отношениях гарант (банк, страховая и иная организация) не может, даже при наличии, как ему кажется, веских аргументов, использовать защиту (*defences*), основанную на ситуации (пусть и очевидной) по основному договору. Кредитная организация, действующая в качестве гаранта, не осуществляет проверку причин и обстоятельств нарушения либо ненадлежащего исполнения принципалом своих обязанностей по основному договору, равно как и не оценивает наличие или объем возможного права бенефициара на возмещение убытков, вытекающего из базового обязательственного отношения. Данная правовая позиция получила подтверждение в судебной практике. В частности, Банковский суд Дамаска в решении № 167 от 13 февраля 2018 г. прямо указал, что при безусловном соблюдении всех предусмотренных гарантией требований бенефициар (кредитор)

[124] См.: Аль-Хаким Ж. Ю. Коммерческие права. Дамаск : Публикации Дамасского университета, 2007-2008. С. 87.

вправе требовать осуществления гарантийной выплаты без представления доказательств факта, характера и причин неисполнения обязательств, если иное прямо не предусмотрено условиями самой гарантии[125].

1.3. Виды независимой гарантии

Российские банки, действуя в рамках § 6 ГК РФ, предоставляют несколько видов гарантий, избегая закрепленного в законе наименования «независимые», называя их «банковские гарантии» или просто «гарантии». Сгруппируем «типовой» набор гарантий, предоставляемых крупными российскими банками, по следующим основным (значимым для сторон, обеспечиваемого обязательства и самой гарантии) критериям: субъектам, срокам, объектам обязательства, обеспечиваемому обязательству, праву на изменение суммы. На основе этого гарантии, предоставляемые крупнейшими российскими банками (Сбербанк, Банк ВТБ и Банк «Санкт-Петербург»), могут быть систематизированы следующим образом:

1) банковские гарантии на участие в тендерах и обеспечение исполнения обязательств по договору/контракту по Закону № 44-ФЗ и Закону № 223-ФЗ;

2) гарантии «время – деньги» до 200 млн руб. на участие в тендерах и обеспечение исполнения обязательств по договору/контракту;

3) беззалоговые гарантии – до 3 млн руб. для обеспечения заявки на участие в закупках;

4) тендерные гарантии – до 20 млн руб. для обеспечения заявки на участие в закупках;

5) экспресс-гарантии исполнения обязательств;

6) беззалоговые гарантии – в сумме до 3 млн руб. для обеспечения исполнения обязательств по договору/контракту;

[125] Банковские суды в Сирии были созданы указом президента № 21 от 5 ноября 2014 г.

7) гарантии исполнения обязательств – до 20 млн руб. для обеспечения исполнения обязательств по договору/контракту;

8) гарантии на индивидуальных условиях.

Последний пункт присутствует в перечне услуг и других банков, и это свидетельствует о том, что перечень видов банковских гарантий является открытым, что характерно и для зарубежной практики, где наблюдается широкое разнообразие независимых гарантий.

Сирийский Коммерческий Банк (Commercial bank of Syria) предоставляет схожий набор гарантий:

– гарантия качества (Quality Guarantee – كفالة الجودة);

– гарантия авансового платежа (Advance Payment Guarantee – ضمان الدفعة المُقدمة);

– тендерная гарантия (Tender Guarantee – كفالة العطاء) в соответствии с положениями Закона САР № 51 от 24.11.2004 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд – закон о Договорах»[126];

– эксплуатационная гарантия (Performance Guarantee – كفالة التنفيذ);

– гарантия платежа (Payment Guarantee – كفالة الدَّفع المُقدم);

– финансовая гарантия (Financing Guarantee – كفالة الغِطاء المالي).

– таможенная банковская гарантия (Customs bank guarantee – الكفالة الجُمركيّة), обеспечивающая уплату таможенных платежей (Приложение Б).

Предпримем попытку систематизировать наиболее распространенные специализированные инструменты в виде банковских гарантий в современной коммерческой практике. К таковым следует отнести:

– гарантию авансового платежа (Advanced Payment Guarantee), которая, как правило, обеспечивает выполнение коммерческого контракта;

---

[126] Банковскую гарантию может выдавать любой лицензированный сирийский банк, который включен в список действующих кредитных организаций, утвержденный Центральным банком Сирии, независимо от размера капитала банка.

– кредитную гарантию (Loan Guarantee) – обеспечивает долговое обязательство заемщика, если стороны столкнутся с дефолтом;

– гарантию исполнения (Performance Guarantee) – обеспечивает полное и надлежащее исполнение договора в соответствии с его первоначальными условиями;

– гарантию отсрочки платежа (Deferred Payment Guarantee) – обеспечивает совершение платежа, который был отложен;

– гарантию доставки (Shipping Guarantee) – письменная гарантия, которая будет предъявлена перевозчику в случае прибытия груза до момента получения отгрузочных документов;

– гарантию торгового кредита (Trade Credit Guarantee) – распространяется на поставщиков товара/услуги и страхует от риска невозврата аванса или несвоевременной оплаты за товар/услугу.

В современных нестабильных условиях наиболее востребованы гарантии авансовых платежей (advanced payment guarantee), которые особенно широко, до текущей рецессии, применялись в Сирии, где реализуется значительная часть крупных контрактов. Так, Банк недвижимости Сирии (Real Estate Bank of Syria) по просьбе клиента выдает письменный документ подрядчику (если основной договор касается строительства) или покупателю (если речь идет о сделке купли-продажи недвижимости), который гарантирует заявителю выполнение договорных обязательств, после того как владелец или покупатель внесет предоплату.

Такого рода банковская гарантия способствует своевременному получению авансового платежа, ускоряет оборачиваемость капитала в период строительства объекта и подготовки товара к поставке, решает проблему взаимного недоверия между сторонами сделки. Обладая хорошей, устойчивой репутацией, Банк недвижимости Сирии участвует в сделке, выступая в качестве ее гаранта, путем предоставления сторонам гарантий выполнения договорных обязательств и оплаты стоимости контракта. Банк недвижимости Сирии ориентируется на несколько групп целевых клиентов: строительных подрядчиков; поставщиков, участвующих

в проектах по закупке материалов; продавцов, участвующих в судостроительных контрактах.

Аналогичным образом для обслуживания торговых и подрядных операций кредитные организации выпускают различные формы аккредитивов (letters of credit, LC):

– импортный аккредитив (Import LC) – краткосрочный денежный аванс, позволяющий импортеру осуществлять срочные платежи;

– экспортный аккредитив (Export LC) – документ, содержащий инструкции покупателя банку о том, что он должен заплатить при условии соблюдения согласованных технических и прочих условий;

– отзывный аккредитив (Revocable LC) – встречается редко, так как он может быть отменен банком в любое время и по любой причине;

– безотзывный аккредитив (Irrevocable LC) – гарантия выполнения покупателем своих обязательств перед продавцом. В российском законодательстве предусмотрена независимая безотзывная гарантия (подп. 1, 2 п. 4 ст. 60 ГК РФ);

– подтвержденный аккредитив (*Confirmed LC*) – выдается банком, когда банк-эмитент сомневается в качестве контрагента. Другими словами, это вторая гарантия подтверждающего банка. Первичную гарантию предоставляет банк-эмитент, который обязуется выплатить бенефициару аккредитива денежные средства после выполнения его условий;

– неподтвержденный аккредитив (*Unconfirmed LC*) – не имеющий подтверждения ни от одного банка.

Рассмотрим другие виды гарантий, применяемых в современной практике. Так, если клиент соглашается произвести авансовый платеж (*advance payment*) поставщику, для обеспечения гарантии возврата платежа в случае неисполнения обязательств подрядчиком (гарантия возврата аванса) может потребоваться поручительство, которое является гарантией возврата авансового платежа (*advance payment guarantee & advance payment bond, APB*) или авансовым этапом платежа (*advance stage payment*).

Традиционно эти формы используются в инфраструктурных (строительных)

проектах, когда клиенту требуется совершить авансовый платеж или если подрядчик запрашивает авансовый платеж, чтобы помочь им покрыть значительные стартовые расходы или расходы на закупки, которые могут возникнуть до начала реализации проекта строительства [127]. Когда подрядчик должен приобрести дорогостоящее оборудование либо материалы специально для проекта, гарантия будет защищать клиента в том случае, если подрядчик не выполнит свои договорные обязательства, например, став неплатежеспособным.

Облигационная гарантия (bond) обычно является облигацией по требованию, т. е. поручитель выплачивает сумму денег, указанную в облигации, незамедлительно по требованию, без каких-либо предварительных условий. В этом заключается отличие от условной облигации (или дефолтной облигации), когда поручитель несет ответственность только в том случае, если было установлено, что имело место нарушение договора. Облигации авансового платежа требуют тщательного составления, чтобы точно установить обстоятельства для платежа и четко указать, что именно они являются облигациями до востребования.

Гарантии и аккредитивы (сходство и различия)

Банковские гарантии и аккредитивы (*Letters of Credit, LC*) активно используются международных сделках, однако рынок первых намного больше, чем вторых, так как они часто используются в сфере недвижимости и инфраструктуры для снижения кредитных рисков, в то время как аккредитивы часто используются на товарных и других международных рынках. Банковская гарантия аналогична аккредитиву в том смысле, что они обеспечивают права всех лиц, участвующих в сделке. Однако главным отличием является то, что аккредитивы гарантируют продолжение сделки, в то время как банковская гарантия минимизирует или компенсирует любые убытки, которые возникают, если сделка срывается.

В то же время аккредитив ориентирован на минимизацию риска того, что

[127] Ст. 41 Закона САР № 51 от 24.11.2004 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

устраняет любой риск того, что покупатель не выполнит свои платежные обязательства. В результате аккредитив часто используется для снижения риска неуплаты после поставки. Также он выдается покупателю после проведения необходимой комплексной проверки и сбора достаточного залогового обеспечения для покрытия гарантированной суммы. Затем аккредитив представляется продавцу в качестве доказательства платежеспособности покупателя. В свою очередь, банковские гарантии помогают компаниям снизить любые риски, возникающие с любой из сторон сделки, таким образом играя большую роль в проведении операций с высокой стоимостью. Согласованная сторонами и банком сумма называется гарантированной суммой и подлежит уплате бенефициару.

В деловых отношениях, где две стороны обязаны выполнять определенные обязанности для успешного завершения сделки, обе стороны часто используют банковские гарантии как способ продемонстрировать свою надежность и финансовую состоятельность. В случае затруднений у одной из сторон другая сторона может воспользоваться банковской гарантией, подав в кредитную организацию требование о выплате и получив гарантированную сумму. В отличие от аккредитива банковские гарантии защищают обе участвующие стороны. Предприниматели, участвующие в экспорте и импорте товаров, выбирают аккредитивы для обеспечения поставок и платежей. Напротив, подрядчики, участвующие в торгах по инфраструктурным проектам, будут доказывать свою финансовую надежность с помощью банковских гарантий.

Еще одно отличие между двумя рассматриваемыми финансовыми инструментами заключается в том, что банковские гарантии являются более дорогостоящими, чем их аналоги. Это обусловлено их способностью защищать обе стороны в сделке, а также тем, что такая гарантия охватывает более широкий спектр сделок с более высокой стоимостью. При рассмотрении поставленных в настоящем параграфе вопросов неизбежно возникает проблема соотнесения требования бенефициара по независимой гарантии с принципом *privity of contract*, который в российской литературе принято переводить как «принцип недопустимости вмешательства третьих лиц в договорные отношения или частного

характера отношения сторон». Например, в англо-американской правовой системе доктрина конфиденциальности договора является принципом общего права, который предусматривает, что договор не может предоставлять права или налагать обязательства на любое лицо, которое не является стороной договора. В полной мере это должно относиться к договору банковской гарантии.

Исходный посыл заключается в том, что только стороны договоров должны иметь возможность подавать иски в суд для обеспечения своих прав или требовать возмещения ущерба как такового. Эта позиция была впервые сформирована в деле *Bourne v Mason* в 1669 г., когда Суд Королевской скамьи счел, что третья сторона не имеет никаких прав на принудительное исполнение контракта, который принес ему выгоду. Однако это решение было быстро отменено[128]. В течение последующих 200 лет различные судьи выносили различные решения относительно того, может ли третья сторона принудительно исполнить контракт к своей выгоде. Спор закончился лишь в 1861 г., когда в деле *Tweddle v Atkinson (*121 ER 762) суд подтвердил, что третья сторона не может принудительно исполнить контракт, который принес ему выгоду[129]. Это решение было подтверждено Палатой лордов в 1915 г. в деле *Dunlop Pneumatic Tyre v Selfridge and Co Ltd 1915 AC 847*, суд пришел к выводу, что лишь лицо, которое является стороной контракта, может подать в суд по нему. Таким образом, была закреплена так называемая оригинальная, или базовая, доктрина[130].

Положение закона о том, что третья сторона не может претендовать на получение выгоды от контракта, активно критиковалось учеными, судьями и практикующими юристами. Одна из проблем заключалась в том, что из правила делались исключения для случаев, когда стало очевидно, что договор распространяется на третье лицо[131].

---

[128] См.: Flannigan R. Privity – the end of an era // Law Quarterly Review. 1987. October. № 103 (4). P. 564–593.

[129] [1861] EWHC QB J57. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/1861/J57.html (дата обращения: 15.06.2025).

[130] См.: Turner Ch. Unlocking Contract Law / 2nd ed. L. : Hodder Arnold., 2007.

[131] См.: Mulcahy L. Contract Law in Perspective / 5th ed. L. : Routledge, 2008.

Кроме того, базовые положения ограничивало большое число исключений из общего правила, установленных актами Парламента Англии, которые, как представляется, свидетельствовали о том, что сам Парламент имел проблемы с этой доктриной [132] . Критики также утверждали, что по причине большого числа несоответствий и исключений это был «плохой» закон, так как он не обеспечивал надежного правила, а способ, которым закон работал в теории, сильно отличался от того, как он применялся в судах[133]. Также следует отметить, что описываемая доктрина не встречалась во многих других правовых системах, таких как правовая система США. В целом цивилисты и практики сошлись в том, что базовые положения служат лишь дискредитации законных ожиданий третьих лиц, что наносит ущерб социальным потребностям общества в плане безопасности сделок и является коммерчески невыгодным[134].

Слабая сторона указанных положений – наличие последствий для контрактов, заключенных в интересах третьих лиц, которые не в состоянии обеспечить исполнение обязательств договаривающихся сторон, – корректировалась с середины 1930-х гг., и лишь в 1995 г. при рассмотрении в Апелляционном суде иска Дарлингтонского городского совета против Wiltshier Northern Ltd[135] суд указал на то, что дело о признании договора в пользу третьей стороны является простым, исходя из того что следует уважать автономию воли сторон. В данном случае договорное право должно вести к разумным ожиданиям сторон от заключения договора. Рассматриваемый принцип, безусловно, требует, чтобы бремя не было навязано третьим лицам. В то же время нет никаких доктринальных, логических или политических причин, почему закон должен отрицать действие договора в пользу третьей стороны, если это является

---

[132] См.: Flannigan R. Opt. cit. P. 572.

[133] См.: Jacobs E. Judicial reform of privity and consideration // Journal of Business Law. 1986. № 6. P. 466-473.

[134] См.: Treitel, G. H. An Outline of the Law of Contract (6th ed.). Oxford : Oxford University Press, 1983. P. 468.

[135] Appeal in Darlington Borough Council v Wiltshier Northern Ltd // Court of Appeal. 1995. URL: https://ipsaloquitur.com/contract-law/cases/darlington-borough-council-v-wiltshier-northern/ (дата обращения: 15.06.2025).

выраженным намерением сторон. Более того, часто стороны и, особенно, третьи лица организуют свои дела на основании договора, полагаясь на него. Поэтому несправедливо отрицать эффективность такого договора[136].

В Англии и Уэльсе действие этого положения было существенно ослаблено Законом 1999 г. «О договорных правах третьих лиц» (Contracts Rights of Third Parties Act 1999), который предусмотрел исключение в отношении частной собственности (обеспеченные правовой санкцией права третьих лиц)[137]. Этот Закон позволяет третьим лицам обеспечивать соблюдение условий контрактов, которые приносят им какую-либо пользу или которые позволяют им выполнять сам договор. Он также предоставляет им доступ к целому ряду средств правовой защиты в случае нарушения этих условий. Закон также ограничивает способы, которыми договор может быть изменен без разрешения заинтересованной третьей стороны. В то же время он обеспечивает защиту для стороны договора в ситуациях, когда возникает спор с третьей стороной, и позволяет сторонам договора прямо исключать защиту, предоставляемую законом, если они хотят ограничить участие третьих сторон.

В российской практике принцип *privity of contract* применительно к требованиям бенефициара, за редким исключением, не нашел отражения. В Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 307-ЭС14-4641, отменяя ранее состоявшиеся решения, Судебная коллегия Верховного Суда РФ вернула дело на новое рассмотрение, не найдя в банковской гарантии положения, которое бы обязывало бенефициара иметь определенные документы, которые бы могли быть признаны свидетельствами того, что бенефициар направлял претензию принципалу по их основному контракту.

Соотнося требования бенефициара по независимой гарантии с принципом

---

[136]См.: Privity of contract: contracts for the benefit of third parties. Item 1 of the Sixth Program of Law Reform: The Law of Contract. Presented to Parliament by the Lord High Chancellor by Command of Her Majesty. The Law Commission (LAW COM No 242). 1996. July // Официальный портал законодательства Соединенного Королевства. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/31/contents (дата обращения: 15.06.2025).

[137] См.: Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 // Ibid.

privity of contract, а их в совокупности с индемнитетом, следует отметить, что его конструкция получила широкое распространение в странах общего права, а также в международных контрактах, особенно в сфере слияний и поглощений. Институт индемнитета, т. е. возмещения потерь, возник в британском праве в силу так называемого права справедливости. В рамках общего права не предусмотрено возмещение без ответственности, что, таким образом, не дает возможности потерпевшему возместить свои имущественные потери. Британское суды, базируясь на «праве справедливости», признавали возмещение потерь и тогда, когда ответственность за них не возникала[138].

В российской гражданско-правовой доктрине вопросы индемнитета рассматриваются исключительно в соотношении с иммунитетом как элементом правового статуса депутатов разных уровней[139]. Применительно к институту банковской гарантии и принципу *privity of contract* индемнитет не рассматривается, так как является несопоставимым понятием.

Богатый материал для анализа и размышлений предоставляет судебная практика. Обратим внимание на то, что за рубежом в судах (дело *Travelers Casualty & Surety & Others v Customs and Excise* [2005]) был обжалован порядок налогообложения страховых премий в отношении премий, уплачиваемых страховщиками другим страховщикам в отношении их рисков по гарантийным обязательствам. В данном случае суды разрешали вопрос о предназначении таких

---

[138] См: Furmston M. Law of Contract / 15th ed. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 199; Гречишникова Е. В. Некоторые вопросы иммунитета и индемнитета депутатов Европейского Парламента: сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 1 (30). С. 47–52.

[139] См.: Тимофеев И. А. Принятие обязанности по возмещению имущественных потерь лицом, не являющимся стороной основного обязательства // Гражданское право. 2025. № 3. С. 17–19; Гавричков С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 70–80; Волчанский М. А. Сепаратная уступка требований кредитора к поручителю: текущая позиция отечественного правопорядка и ее осмысление // Закон. 2024. № 11. С. 174–186; Провалинский Д. И. Правовые иммунитеты в теории российского права // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 127–133; Ткаченко В. Г. Атрибуты власти и депутатский индемнитет // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2017. № 2 (13). С. 79–99.

премий для перестрахования в соответствии с п. 1 Приложения 7А Финансового закона 1994 г. и об их обложении[140]. Для сирийской и российской практики в данном случае важна постановка вопроса о перестраховании гарантийных обязательств, который пока не нашел надлежащего разрешения ни в доктрине, ни в судебной практике.

В своем обстоятельном диссертационном исследовании независимой гарантии Л. А. Вахрушев, лишь вскользь рассуждая об отсутствии правовой регламентации отношений в сфере расчетов резервными аккредитивами (принятыми в США), отмечает неясность их правовой природы, которая, как можно предположить из рассуждений автора, отлична от континентальной «независимой гарантии». В итоге, сославшись на «дискуссии между исследователями»[141], автор все же обходит указанный вопрос.

Множественность пониманий и видов независимых гарантий (on-demand bonds, Guarantees, Standby letters of credit и др.) используется сирийскими банками, но не меняет их сути, это всегда обеспечение. В сирийском договорном праве в коммерческих соглашениях любые утверждения о фактах принято синонимично именовать «*warranty*». Как правило, эти дефиниции используются одновременно и суды не предпринимают попыток их дифференцировать, полагая, что «утверждение» есть также и «заверение», и «гарантия» независимо от того, как оно поименовано[142].

Другая группа ученых считает, что правовая природа гарантии может определяться источником обязательства должника. Соответственно, она делится: на договорную гарантию (договор), императивную правовую гарантию, судебную гарантию. Гарантия является императивной правовой, если закон требует предоставления этой гарантии в определенных случаях. Классический пример – тендерная гарантия (Tender Guarantee – كفالة المُناقصات), предусмотренная ст. 46

---

[140] UKVAT(IPT) IPT00012 (06 May 2005). URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKVAT/IPT/2005/IPT00012.html&query=(Surety)+AND+(bonds) (дата обращения: 15.06.2025).

[141] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч. С. 41.

[142] См.: Дело Quality Wash Group SYR V, Ltd. v. Hallak, 50 Cal. 1996. App. 4th 1691, 1693.

Закона САР № 51 от 24.11.2004 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд – закон о договорах», которая является обязательной гарантией, предоставляемой одной договаривающейся стороной (стороной-должником) другой договаривающейся стороне (стороне-кредитору) через банки в качестве стороны-гаранта при выполнении договора. П. 5 ст. 47 этого Закона предусматривает, что гарантом является сирийское банковское учреждение (банк) или иностранный банк, утвержденным сирийским банком.

Императивный правовой характер банковской гарантии на этой основе подтверждается подготовкой унифицированных форм гарантий (типовые гарантии) для использования в тендерах[143]. Наиболее важные примеры в этой области – Постановление Совета Министров САР № 40/65 от 23.12.1998, содержащее единые формы гарантий в сирийской валюте в Сирийском коммерческом банке, и Постановление Совета Министров САР № 43/Б/1637/15/ от 26.05.1988, содержащее стандартные формы внешних банковских гарантий, Решение Совета директоров Сирийского коммерческого банка № 53/40 от 22.09.2002, которое содержит процедуры выдачи банковских гарантий в банке и его филиалах. Здесь важно указать позиции, выработанные французской судебной практикой. Апелляционный суд Парижа в своем решении от 15 июня 1973 г. указал: «Условия обязательства по предоставлению гарантии, даже если в них четко указано, что банк обязан произвести платеж по первому требованию, не отменяют действия статьи 2036 Гражданского кодекса Франции, согласно которому гарант имеет право настаивать на предъявлении бенефициару всех возражений, которые первоначальный должник имеет право указывать в отношении основного долга»[144].

Кроме того, в международной практике банки разделяют банковскую гарантию на два типа: закрытая гарантия и открытая гарантия.

Закрытая гарантия – это банковская гарантия, в которой указан срок действия. Это означает, что банк ограничил период своей ответственности. Если

---

[143] См.: Митри М., Маяла М. Типовые контракты в банковских гарантиях // Журнал экономических и юридических наук Дамасского университета. 2010. Вып. 1, т. 13. С. 13.

[144] См.: www.MCJ.fr (дата обращения: 15.06.2025).

неисполнение обязательств принципала произойдет после указанной даты, банк откажет в платеже получателю.

Открытая гарантия – это банковская гарантия, в которой срок действия не указывается или указывается, но бенефициар имеет право этот срок продлить. Таким образом, банк будет выполнять свои обязательства до тех пор, пока бенефициар не вернет гарантию банку или пока бенефициар не отправит в банк письмо, в котором будет указано, что банк освобождается от своих обязательств по банковской гарантии[145].

Вид гарантии (открытая или закрытая) влияет на обязанность принципала уплатить банку комиссию за выдачу банковской гарантии, поскольку принципал должен платить комиссию за гарантию до тех пор, пока банк не будет освобожден от обязательства по банковской гарантии. Кроме того, право бенефициара требовать платеж возникает, когда принципал не выполняет свое обязательство, и бенефициар должен уведомить банк в течение шестидесяти дней с даты невыполнения обязательств, как указано в ст. 786 ГК САР[146].

Важно отметить, что срок в шестьдесят дней, указанный в ст. 786 ГК САР, не является сроком подачи требования. Даже если бенефициар не уведомит банк о неисполнении в течение шестидесяти дней, он имеет право потребовать платежа от банка.

Подводя итоги первой главы, посвященной исторической ретроспективе возникновения и развития института независимой гарантии, ее научному пониманию и сущности, целесообразно отметить следующее:

1. Институт независимой гарантии сформировался в международном обороте как инструмент оперативного покрытия риска неисполнения обязательств и

---

[145] Ст. 327 ГК САР: «Если документ, подтверждающий обязательство, был передан должнику, предполагается, что обязательство погашено».

[146] Ст. 786 ГК САР: «1. Как только должник не выполняет свои обязательства, кредитор должен отправить уведомление гаранту в течение шестидесяти дней с первого дня неисполнения обязательств. Кредитор не может потребовать выплаты от гаранта до получения им уведомления. 2. Если кредитор не представит уведомление в срок, указанный в первом пункте, гарант будет освобожден от обязательств по процентам и другим расходам, связанным с долгом, которые возникнут по прошествии указанного срока».

получил развитие через стандарты ICC (в том числе URDG), которые закрепили документарную модель и повлияли на национальные правопорядки.

2. Банковская гарантия является видом независимой гарантии. В России она выдается кредитной организацией по правилам § 6 гл. 23 ГК РФ и для банков квалифицируется как предусмотренная законом банковская сделка; предмет обязательства гаранта по общему правилу – уплата денежной суммы бенефициару, а неденежное исполнение возможно лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом. В САР банковская гарантия также используется как независимая по функции, но может выдаваться только банками и относится к банковским операциям; предмет исполнения в банковской практике – денежный платеж.

3. Российский режим независимой гарантии имеет кодифицированный характер (ГК РФ), тогда как сирийское регулирование носит комплексный и фрагментарный характер и складывается из норм ГК САР о кафале, положений исламского права, актов о государственных банках, судебной практики и торговых обычаев ICC/URDG, что подтверждает отсутствие в САР цельного механизма регулирования независимой гарантии.

4. Сравнение понятийных моделей показывает различие конструкции обязательства гаранта: в России гарант принимает на себя самостоятельное обязательство «уплатить денежную сумму» бенефициару; в САР по общей норме гарант обязуется «принять на себя ответственность должника», что тяготеет к модели ответственности «вместо должника» и усиливает связь с основным обязательством, хотя в банковской практике это сглаживается принципом независимости и документарными условиями.

5. Квалификация гарантии как юридического факта в России и САР различается по технике: в России независимая гарантия по общему правилу – односторонняя сделка, но может приобретать договорный характер при условии о вступлении в силу после акцепта бенефициара; в САР гарантия традиционно рассматривается как договор, при этом акцепт бенефициара презюмируется (если

не предусмотрено иное), что сближает практику с односторонней моделью по эффекту.

6. Виды независимых (банковских) гарантий в России и САР в целом сопоставимы по назначению (тендерные, исполнения, возврата аванса, платежа/финансирования, таможенные и др.) и дополнительно классифицируются по сроку (в том числе открытые/закрытые) и по функциональной специализации в коммерческой практике.

ГЛАВА 2. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ И СИРИЙСКОМ ПРАВЕ

2.1. Правовая природа независимой гарантии

Широко используемая дефиниция «правовая природа» не имеет общепринятого определения, а лишь понимание, которое остается предметом дискуссии. Думается, во многом это связано с тем, что «природа» не относится к числу специальных юридических понятий и терминов. В общенаучном дискурсе природа вещей рассматривается как базовое качество либо совокупность наиболее существенных признаков, где самым существенным, основным, является признак определяемого понятия, и если его убрать, то само понятие потеряет смысл[147]. Что касается «правовой» или «юридической» природы, то они рассматриваются в контексте стилистики юридических текстов в основном как синонимы[148].

В целом же в науках об обществе и человеке природой явления принято считать базу, первичную основу, от которой идет начало рассматриваемого явления, в которой заключается его суть.

Практически любое явление современного информационного общества имеет не одну природу, а совокупность нескольких: социальную, политическую, экономическую, конфессиональную, правовую и др. Таким образом, для выявления значения и сути дефиниции «правовая природа» наиболее важно выделить термин «правовая», который определяет это явление именно со стороны права[149]. Правовая природа присутствует в большинстве современных социальных явлений. В то же время мало лишь признать это – важно определить, выявить и, возможно,

---

[147] См.: Трубецкой Е. И. Труды по философии права / вступ. сл., сост. и примеч. И. И. Евлампиева. СПБ.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 519–520.

[148] Строгий теоретико-правовой подход дифференцирует понятия «правовой» и «юридический», так как нельзя считать юридическим правом то, чему придается правовое значение.

[149] См.: Комиссарова Е. Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 23–29.

систематизировать с позиции теории права или той или иной его отрасли существенные свойства явления. В современном мире они могут быть реальными и виртуальными, действительными и потенциальными и т. п.

В связи с этим следует обратить внимание на понимание правовой природы, в свое время сформулированное С. С. Алексеевым и развитое И. В. Матвеевым. Первый выводил юридическую природу через юридические характеристики определенного правового феномена или явления. Такие характеристики должны были демонстрировать их структуру, позицию в ряду прочих правовых явлений, рассматриваемую в контексте социальной природы[150]. Второй исследователь видел миссию «правовой природы» в потребности полноты и объективности описания юридических фактов, феноменов, процессов и явлений. Рассматривая правовую природу с этих позиций, И. В. Матвеев брал за основу само понятие «природа» как первоисточник, сущность или базовое свойство.

В итоге установление правовой природы означало определение места правового явления в отрасли права с учетом его особенностей и специфики. И. В. Матвеев сделал вывод о том, что выявление правовой природы означает «определение места в системе юридических фактов и указание на специфические признаки, отграничивающие от прочих юридических фактов»[151].

Таким образом, юридическая сущность независимой гарантии выражается в ее предназначении служить инструментом обеспечения надлежащего исполнения обязательств. Само гарантийное обязательство по своей сути заключается в предоставлении кредитору по основному обязательству дополнительного ответственного лица – гаранта, который в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства принципалом принимает на себя функцию его замещения. По своим правовым характеристикам гарантия представляет собой особую обеспечительную конструкцию, отличающуюся от

---

[150] См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1998. С. 227.

[151] Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 5.

иных способов обеспечения исполнения обязательств. Ближе всего она находится к поручительству. Независимая гарантия представляет собой самостоятельное обязательство гаранта перед бенефициаром. По общему правилу оно возникает из односторонней сделки гаранта (п. 1 ст. 368 ГК РФ), однако по условиям самой гарантии может приобретать договорный характер (например, при установлении в ней условия о вступлении в силу после акцепта бенефициара – ст. 373 ГК РФ). Отношения гаранта и бенефициара по гарантии не предполагают встречного предоставления со стороны бенефициара; возмездность обеспечивается в отношениях между принципалом и гарантом (ст. 369 ГК РФ), где принципал уплачивает вознаграждение и возмещает расходы, связанные с выдачей и исполнением гарантии[152].

В то же время данное положение не вполне проясняет природу юридического факта, который продуцирует само обязательство гаранта. В отечественной юридической литературе по этому вопросу существует несколько позиций. Дискуссия идет вокруг вопроса: это односторонняя сделка по предоставлению гарантии или же договор о выдаче гарантии.

Отметим две основные, сформировавшиеся на сегодня позиции о правовой природе независимой гарантии[153]. Первая, сложившаяся еще в первой половине 1990-х гг., констатировала ее как договор гаранта и бенефициара[154]. В данном случае письменное обязательство гаранта признавалось офертой, а молчание бенефициара, соответственно, признавалось акцептом. Эта позиция нашла поддержку в литературе 2000-х гг., где было предложено ее развитие. В частности, указывалось на то, что гарантия ориентирована на имущественный интерес бенефициара – соответственно, является не чем иным, как предоставлением.

Независимую гарантию, как признают российские исследователи, нельзя

---

[152] См.: Рассказова Н. Ю. Указ. соч. С. 62.

[153] В основном они формируются в рамках дискуссий о сопоставлении гарантий и иных способов обеспечения исполнения (см.: Филоненко В. И. К вопросу о сопоставлении независимой гарантии и поручительства // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 5-2. С. 204–206).

[154] См.: Ерпылева Н. Ю. Банковские гарантии в коммерческом обороте // Законодательство и экономика. 1994. № 5/6. С. 17.

считать совершенно новым институтом, так как ранее, до внесения соответствующих изменений в 2015 г., ГК РФ предусматривал такой способ обеспечения обязательств, как банковская гарантия, ставшая в настоящее время разновидностью независимой гарантии[155]. В этом смысле можно опираться на немногочисленные исследования по вопросу о правовой природе банковской гарантии[156], в которой в начале 2000-х гг. П. Г. Резго видел «новый» и «достаточно перспективный институт российского гражданского права», полагая, что его применение будет обусловлено «дальнейшим развитием». Тогда, по оценке автора, был востребован «надежный, действенный механизм регулирования отношений участников исследуемых правоотношений»[157], что сохраняет актуальность и сегодня применительно к независимой гарантии. Следует признать, что ее правовая природа в современной цивилистической литературе исследуется фрагментарно, преобладают работы по правовой природе гарантии вообще[158], отраслевые, прикладные исследования[159] или же постановка проблемы[160].

Исходя из изложенного обоснованным представляется вывод о целесообразности включения в содержание независимой гарантии условия, прямо указывающего на ее направленность на обеспечение надлежащего исполнения принципалом обязательств перед бенефициаром, вытекающих из соответствующего договора. Закрепление подобного положения позволяет подтвердить и формализовать достигнутые между принципалом и бенефициаром договоренности относительно объема и пределов исполнения основного обязательства, выраженного в конкретной, согласованной сторонами денежной

---

[155] См.: Курбанов К. Правовые особенности независимой гарантии // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 51.

[156] См.: Голышев В. Г. Банковская гарантия: некоторые вопросы правовой природы // Банковское право. 2003. № 2. С. 14–16.

[157] Резго П. Г. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по банковской гарантии в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 55.

[158] См.: Оськина И., Лупу А. Правовая природа гарантии // ЭЖ-Юрист. 2013. № 31. С. 3.

[159] См.: Коваленко Е. П. Правовая природа банковской гарантии в таможенной сфере // Право и экономика. 2007. № 11. С. 109.

[160] См.: Жугов А. А. К вопросу о правовой природе банковской гарантии // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2014. Т. 4, № 4. С. 111.

сумме. В определенной степени сходный правовой подход был отражен и в позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 18 Обзора судебной практики № 4 за 2020 г.[161]

В науке высказывается мнение о том, что независимая гарантия имеет прокредиторскую направленность [162] . Во многом данная позиция, как представляется, обусловлена тем фактом, что законодатель предусмотрел для гаранта весьма ограниченный круг возможностей по защите своих прав и законных интересов. В связи с этим Д. Д. Юсупов поясняет: гарантия может выступать и соглашением, и односторонней сделкой, что во многом зависит от определения воли бенефициара[163]. Л. Г. Ефимова придерживается аналогичной точки зрения, уточняя, что воля бенефициара может быть возведена сторонами независимой гарантии в абсолют, что и будет обусловливать отнесение гарантии либо к договору, либо к односторонней сделке[164].

Следовательно, по нашему мнению, в вопросах возникновения гарантийного отношения целесообразно придерживаться гибкого («плюралистического») подхода, согласно которому в действующем законодательстве, равно как и на практике, не сформулированы причины и основания, которые могли бы запретить оформлять независимую гарантию в виде односторонней сделки либо в виде договора, которым будет установлено гарантийное обеспечение.

В сирийском правопорядке независимая, в том числе банковская, гарантия по своему назначению, механизму функционирования и юридической сущности во многом сопоставима с документарным аккредитивом, прежде всего с точки зрения принципа автономности. Речь идет об императивном характере обязанности произвести платеж по выданной гарантии, вследствие чего при надлежащем

---

[161] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

[162] См., например: Гурин О. Затраты на предоставление независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения контракта на выполнение строительных работ // Прогосзаказ.рф. 2024. № 3. С. 38.

[163] См.: Юсупов Д. Д. Правовая природа независимой (банковской) гарантии // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 11-1. С. 178.

[164] См.: Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии // Legal Concept. 2018. Т. 17, № 4. С. 87.

соблюдении всех предусмотренных ею условий кредитная организация лишена возможности заявлять возражения, основанные на содержании или исполнении основного договора. В целом проблематика правовой природы независимой гарантии – с учетом развитого и детализированного международного регулирования, а также преимущественного использования данного инструмента в сфере международных коммерческих операций, о чем упоминалось выше, – не занимает центрального места в современных зарубежных научных дискуссиях, посвященных данной тематике.

Необходимо учитывать, что в период экономической турбулентности, обусловленной совокупностью факторов, включая последствия пандемии, банковская гарантия не может рассматриваться как абсолютно безрисковый и полностью устойчивый механизм обеспечения обязательств. Данный вопрос актуален практически всегда. Например, в 2020 г. по причине ликвидации либо отзыва лицензии Банком России прекратили свое существование 38 банков[165]. В первом квартале 2025 г. были ликвидированы девять банков и две небанковские кредитные организации (для сравнения: в 2024 г. лицензии лишились шесть банков)[166].

Рассмотрим влияние этой тенденции на практику независимых гарантий.

Во-первых, в таких делах суды стали обращать внимание на возможный незаконный характер основных сделок (обеспечиваемых договоров). Так, в деле № 305-ЭС17-13572, рассмотренном Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ 12 февраля 2018 г., ранее состоявшиеся решения по делу о взыскании задолженности по банковским гарантиям были отменены в связи с необходимостью проверки реальности и очевидной убыточности оспариваемых сделок для бенефициара. Верховный Суд РФ обратил внимание и на наличие оснований для лишения таких сделок юридической силы, выявления сговора либо

[165] См.: Прекратившие существование кредитные организации вследствие ликвидации или отзыва лицензии Банком России в период с 1991 по 2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/banks/memory/?PAGEN_1=4 (дата обращения: 15.06.2025).

[166] См.: ЦБ сообщил о ликвидации девяти банков [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11013869 (дата обращения: 15.06.2025).

согласованных действий банка с другими участниками отношений, что суды должны устанавливать в том числе и по косвенным признакам[167].

Во-вторых, в правоприменительной деятельности сформировался устойчивый подход, согласно которому признание гаранта несостоятельным (банкротом) в период действия гарантии само по себе не влечет прекращения его гарантийных обязательств, хотя и существенно снижает их обеспечительный потенциал. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию, при которой банк, выступавший гарантом, предъявил требование о взыскании с общества-принципала задолженности по договору о выдаче гарантий, обеспечивавших исполнение государственных контрактов. Однако суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, указав, что в силу нахождения банка в процедуре банкротства он объективно не способен исполнить принятые на себя гарантийные обязательства. Судебные инстанции исходили из того, что банк, не имея возможности осуществить выплаты бенефициарам по выданным гарантиям, утрачивает и право требовать вознаграждение за оказанные им услуги по предоставлению соответствующего обеспечения.

Согласно правовой позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, признание гаранта несостоятельным (банкротом) само по себе не может рассматриваться как надлежащее и достаточное основание для прекращения гарантийных обязательств, являвшихся предметом судебного разбирательства. Обосновывая данный вывод, Коллегия сослалась на нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также на положения ст. 378 ГК РФ, регулирующие основания прекращения независимой гарантии.

Процедура конкурсного производства сама по себе не лишает кредитора, надлежащим образом подтвердившего свои права по независимой гарантии (подп. 3 п. 1 ст. 378 ГК РФ), возможности требовать от банка исполнения принятых

---

[167] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71778312/ (дата обращения: 15.06.2025).

им гарантийных обязательств. В рассматриваемом деле Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что выданные гарантии действительно выполняли функцию обеспечения исполнения основного договора, что отвечало интересам общества-принципала, поскольку именно наличие таких гарантий позволило ему заключить государственные контракты. До момента признания банка несостоятельным гарантии в полном объеме реализовывали свое обеспечительное назначение, тогда как после введения процедуры банкротства их надежность, которую Верховный Суд охарактеризовал термином «эффективность», объективно снизилась. С учетом указанной двойственности правовой ситуации судам было предписано определить стоимость фактически предоставленного банком исполнения, принимая во внимание весь период действия гарантии, в течение которого она сохраняла свойства надежного обеспечения. Кроме того, Верховный Суд РФ указал на необходимость оценки вероятности реального получения выплат по гарантиям в условиях конкурсного производства, для чего надлежит назначить проведение судебной экспертизы[168].

В трудах сирийских исследователей независимая гарантия квалифицируется как особая форма гарантии, предоставляемой кредитной (банковской) организацией. В рамках сложившейся сирийской финансово-правовой доктрины банковская гарантия трактуется как принятие банком на себя обязанности обеспечить исполнение долгового обязательства должника, что означает возложение на кредитную организацию ответственности за его неисполнение. Иначе говоря, при невозможности погашения задолженности со стороны должника соответствующие платежи осуществляются банком. Использование банковской гарантии предоставляет клиенту либо заемщику возможность приобретать товары, заказывать работы и услуги либо привлекать кредитные ресурсы. В связи с этим банковская гарантия рассматривается как обязательственное заверение банка

[168] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

о компенсации убытков кредитора в случае неисполнения заемщиком своих обязательств. При этом в правовой доктрине Великобритании и Соединенных Штатов банковская гарантия последовательно разграничивается с институтом аккредитива, который рассматривается как самостоятельная и отличная по своей природе правовая конструкция.

В российской гражданско-правовой теории и на практике правовая природа независимой гарантии производна от основания ее возникновения. В доктринальном плане этот вопрос остается дискуссионным. Одни ученые признают основой гарантии договор, другие – одностороннюю сделку. Преобладает третий, интегративный подход, в рамках которого обосновывается двойственная природа независимой гарантии, которая «может быть как односторонней сделкой, так и договором, в зависимости от требований закона и желания сторон»[169]. Такого рода дуализм вообще присущ гражданскому праву[170].

М. И. Кулагин, рассматривая вопросы дифференциации права на публичное и частное, отрицал «прямое», упрощенное деление, отмечая его возможность не только на уровне конкретных институтов, но и определенных правовых норм[171]. Таким образом, в России независимая гарантия может рассматриваться и как сделка, и как договор. Отсутствие конкретизации или приоритета в данном случае никак не препятствует развитию анализируемого института. В современном банковском праве Сирии гарантия по общим нормам ГК САР квалифицируется как договор между банком-гарантом и бенефициаром (ст. 737–767 ГК САР), при этом механизм принятия договора упрощен, в силу ст. 741 ГК САР отдельный специально выраженный акцепт бенефициара не требуется, если в самой гарантии не предусмотрено иное; принятие гарантии презюмируется при отсутствии отказа либо выражается конклюдентно (например, использованием гарантии). Эта независимость"استقلال" стала проявляться в большей степени с развитием работы

[169] Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии. С. 85.

[170] См.: Рузанова В. Д. Дуализм частного права как проявление дифференциации правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 54.

[171] См.: Кулагин М. И. Избранные труды. М. : Статут, 1997. С. 198.

коммерческих и банковских судов на территории Сирийской Арабской Республики и расширением сотрудничества с западными подрядчиками. В сирийской правоприменительной практике банковская гарантия рассматривается не только как финансово-кредитный механизм, но и как юридический инструмент, позволяющий хозяйствующим субъектам подтвердить свою платежеспособность и тем самым повысить уровень доверия к заключаемой сделке. Независимая гарантия в данном контексте понимается как одностороннее обязательственное заверение, своего рода «обещание» (promise – وَعد), заключающееся в принятии на себя обязанности осуществить платеж в пользу третьего лица при наступлении заранее определенных условий, в частности в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств со стороны покупателя.

Банковские гарантии, используемые в коммерческом обороте США и Великобритании, будучи приведенными в соответствие с международными унифицированными правилами, по своим ключевым характеристикам практически идентичны тем правовым конструкциям, которые применяются в Сирии и Российской Федерации. Например, когда сравнительно небольшая британская строительная компания нуждается в приобретении оборудования стоимостью порядка 1 млн фунтов стерлингов, но не располагает необходимыми финансовыми ресурсами, она обращается за получением гарантии платежа, обеспечивающей правовую и экономическую защищенность при производстве и последующей поставке товара. Аналогично российской практике, в Великобритании банковская гарантия минимизирует риск неисполнения платежных обязательств и тем самым способствует развитию торгового оборота и предпринимательской активности[172]. Сходным образом и в сирийском правопорядке банковская гарантия предоставляет хозяйствующим субъектам возможность приобретать товары у поставщиков,

[172] См.: Bank Guarantees in International Trade. Nordea Trade Finance, 2010. P. 24. URL: https://www.nordea.no/Images/152-67647/bank-guarantees-in-international-trade.pdf.

которые при отсутствии надежного обеспечительного инструмента могли бы отказаться от заключения сделки ввиду повышенного риска неоплаты[173].

Положения национального законодательства могут иметь значение в связи с тем, что стороны сделок вольны выбирать к своему контракту применимое право, а соответственно, и банковские гарантии. В то же время, согласно точке зрения сирийской юриспруденции, этот вопрос постепенно утрачивает актуальность. Во-первых, URDG как унифицированные правила ICC применяются при прямом включении ссылки на них в текст гарантии либо через признание соответствующих банковских обычаев и судебную практику; именно поэтому в сирийской банковской практике ссылки на URDG выполняют стабилизирующую роль при отсутствии цельного кодифицированного регулирования независимой гарантии. Во-вторых, большая часть современных гарантий не предусматривают применимого законодательства. В-третьих, последнее быстро унифицируется под влиянием международных правил, что лишает смысла выбор какой-то особой юрисдикции. Все точки зрения на правовую природу банковской гарантии в арабской юриспруденции в целом и в сирийской в частности можно разделить на две группы: 1) договор; 2) односторонняя сделка – в зависимости от требований закона и пожеланий сторон[174].

Представители первой научной позиции трактуют обязанность банка по осуществлению платежа как производную от заключенного соглашения, приобретающего юридическую силу в результате совершения оферты и ее акцепта. В соответствии с таким подходом банковская гарантия квалифицируется ими как договорное обязательство, возникающее между гарантом и бенефициаром. Соответственно, выдача гарантии представляет собой предложение (оферту), которое должно быть принято бенефициаром. Таким образом, в силу выдачи

---

[173] См.: Мухаммад С. А., Ал-Тас Х. Банки и банковское законодательство. Дамаск : Б. и., 2018. С. 10.

[174] В данном исследовании используется консенсусный подход, поскольку он соответствует общим принципам большинства стран. Однако следует отметить, что не имеет значения, применяют ли национальное законодательство тот или иной подход, поскольку с любой точки зрения гарант не может отозвать свое обязательство.

гарантии банком и ее акцепта бенефициаром (акцепт бенефициара может считаться состоявшимся, если он не возражает) у банка и бенефициара возникают договорные обязательства и они больше не могут менять или дополнять условия гарантии. Этот вывод обусловлен характером теории договоров, взятой в Сирии из ливанской и французской правовых систем, которые признают волю сторон важным элементом формирования юридического факта. Иными словами, банковская гарантия возникает в результате заключения договора между бенефициаром и гарантом, где закон дал бенефициару право отказаться принять гарантию.

В противоположном случае, когда волеизъявление бенефициара не признается юридически значимым для возникновения гарантийного обязательства, гарантия квалифицируется как односторонняя сделка. Подобная трактовка банковской гарантии опирается на положение ст. 2 (a) URDG, в соответствии с которым независимая гарантия понимается как любое оформленное в письменной форме обязательство об осуществлении денежного платежа при предъявлении письменного требования об оплате в порядке и на условиях, предусмотренных соответствующим обязательством. В соответствии с этой концепцией акцепт бенефициара не требуется, поскольку банковская гарантия отражает только волю одного лица – гаранта.

Таким образом, обязательная сила гарантии возникает только с момента ее выдачи. Определяющим является то, какое правовое значение придается сирийском законодателем или субъектами гарантийного обязательства воле, выраженной бенефициаром. Когда она приобретает такое значение, гарантию следует считать договором, когда, наоборот, не приобретает – признавать односторонней сделкой.

Наряду с поручительством, залогом, удержанием и задатком независимая гарантия является способом обеспечения исполнения обязательств, входя в совокупность гражданско-правовых средств, укрепляющих гражданский оборот, но не только его, а также исполнительскую и платежную дисциплину, что в современных условиях особенно важно при исполнении государственных и муниципальных контрактов. В этой сфере судебная практика сталкивается с

недобросовестностью всех сторон гарантийных отношений. Правовая позиция Верховного Суда РФ состоит в том, что расходы принципала на оплату банковской гарантии по государственным (муниципальным) контрактам, прекращенным по обстоятельствам, за которые отвечает бенефициар (государственный/ муниципальный заказчик), следует считать убытками принципала, которые бенефициар обязан возместить. В рассматриваемом деле оплата гарантии из средств принципала проистекала из требований (условий) заказчика к тому, кто победил на торгах, который был готов заключить договор и выполнить муниципальный контракт. На практике расходы принципала не были компенсированы, так как бенефициар не исполнил свои контрактные обязательства. Из этого следует, что расходы стали прямыми убытками принципала, которые возникли по вине бенефициара[175].

Придя к выводу о двойственной, дуалистичной природе российской банковской гарантии, рассмотрим далее способы обеспечения исполнения обязательств.

Способы обеспечения исполнения обязательства предусмотрены законом либо договором и перечислены выше. Под способами обеспечения исполнения обязательств С. Э. Жилинский понимает особые имущественные меры, которые способны побуждать либо принудить обязанное лицо к своевременному и надлежащему исполнению обязательства. В данном случае это происходит через введение дополнительных гарантий удовлетворения требований. Анализируя банковскую гарантию, П. Г. Резго считает обеспечением «средства или способы, направленные на укрепление обязательства»[176], с чем можно согласиться лишь частично. Во-первых, в состав обеспечения могут и, как правило, входят и средства, и способы, а не альтернативно те или другие. Во-вторых, речь следует вести

[175] П. 10 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

[176] Резго П. Г. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по банковской гарантии в Российской Федерации. С. 18.

не столько об «укреплении» – это оценочный термин, который сложно юридически определить, – сколько об исполнении обязательства. Обеспечение и его средства придают заинтересованной стороне уверенность и в исполнении обязательства, что в условиях экономической нестабильности имеет большое значение.

Обеспечение исполнения коммерческих обязательств осуществляется широким спектром способов, с помощью которых заинтересованное лицо стремится гарантировать себя от неисполнения договора. Обеспеченное обязательство дает заинтересованному лицу возможность получить то, что надлежит по обязательству, либо возместить свои убытки за счет должника, принудив его, или используя третье платежеспособное лицо. Здесь важен вопрос своевременности гарантии, без которой последняя не может считаться таковой. Российская судебная практика исходит из того, что начало срока действия независимой гарантии может быть определено моментом, когда бенефициар совершает действия по исполнению основного договора.

Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что установление срока действия гарантии необходимо для исключения неопределенности отношений гаранта и бенефициара. Исходя из положений п. 1 ст. 157, ст. 314 и 368 ГК РФ срок действия гарантии начинается с момента совершения бенефициаром действий по исполнению базового договора. В данном случае считается, что они будут совершены бенефициаром в срок, который предусмотрен в базовом договоре, а если такового нет, то в срок, признаваемый разумным. При несовершении бенефициаром необходимых действий в предусмотренные сроки (п. 3 ст. 157 ГК РФ) гарантия начинает работать в момент совершения действий по условиям основного договора. Также может быть принято во внимание и истечение разумного срока. Разрешая дело по гарантии, суды выяснили, что в договоре поставки был зафиксирован срок аванса, в который бенефициар уложился. Таким образом, независимая гарантия в этот момент вступила в силу. С учетом этого суд

пришел к выводу об отсутствии неопределенности в сроке действия гарантии, а соответственно, и о неправомерности отказа гаранта от выплаты[177].

Иная концепция закреплена во внутренних нормативных актах Сирийского коммерческого банка, где прямо установлено требование об обязательном указании срока действия гарантии. Отсутствие такого условия рассматривается как существенный дефект содержания гарантийного обязательства и влечет признание гарантии юридически недействительной. Согласно сирийскому законодательству, способы обеспечения исполнения обязательств, закрепленные законом или договором, имеют общую черту. Договоренности об их применении – это всегда дополнения, что предполагает независимость (автономность) основного обязательства от обеспечивающего. Однако здесь прослеживается и обратная зависимость. В частности, если признать основное обязательство ничтожным, то недействительным становится и обеспечение. Исключение из общего правила образует независимая гарантия, которая, будучи автономным обязательственным инструментом, по своему назначению ориентирована прежде всего на обеспечение и охрану имущественных интересов кредитора.

В российском правопорядке данные правовые конструкции пользуются значительным спросом в хозяйственном обороте, что, в свою очередь, побуждает научное сообщество к активному проведению сравнительно-правовых исследований и аналитических сопоставлений независимой гарантии с иными способами обеспечения исполнения обязательств, закрепленными в гл. 23 ГК РФ, включая правовые институты, которые по своей природе вообще не предназначены для выполнения обеспечительной функции. В конце 1990-х гг. В. В. Витрянский отмечал интенсивность попыток выявить сходство банковской гарантии со смежными способами обеспечения исполнения различных обязательств, пусть даже и не относящимися к как таковым способам обеспечения обязательств[178].

---

[177] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

[178] См.: Витрянский В. В. Банковская гарантия // Хозяйство и право. 1998. № 10. С. 3–4.

Первые попытки провести различие между этими институтами в арабской юриспруденции осуществлялись профессором Али Джамал аль-Дин аль-Авадом, особенно в области банковской и коммерческой деятельности[179].

Природа независимой гарантии базируется на обязательстве, исполнение которого обеспечивается. В свое время И. А. Покровский указал на то, что социальные отношения стимулируют потребность в регулировании взаимного поведения, следовании специальным нормам, в числе которых автором были названы и обязательства [180]. Правоотношение, возникающее на основе обязательства, является предпосылкой предоставления независимой гарантии. Всякое обязательственное правоотношение неизбежно прекращается. При своем нормальном течении – при исполнении. Этим оно отличается от правоотношений по принадлежности материальных благ на праве собственности либо ином вещном праве.

В данном контексте особого внимания заслуживает вопрос определения временных пределов действия гарантийного обязательства. Требование о выплате по гарантии признается предъявленным надлежащим образом и в установленный срок в том случае, если оно направлено гаранту в пределах срока действия гарантии, при условии что иное прямо не вытекает из ее содержания. В одном из судебных дел федеральный орган, выступавший в качестве бенефициара, предъявил к банку иск о взыскании денежных средств по гарантии. До обращения в суд банк отказал в удовлетворении требования о выплате, мотивируя свою позицию пропуском срока предъявления соответствующего требования. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали позицию банка и отказали в иске, исходя из того, что бенефициар должен был направить требование заблаговременно, таким образом, чтобы оно было фактически получено гарантом в пределах срока действия гарантии.

---

[179] См.: Авад А. А. Правовое регулирование банковских операций. Каир : Арабский дом, 1993. С. 101.

[180] См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / по изд.: Пг., 1917. М., 1998. С. 49.

Суд округа занял иную правовую позицию, не согласившись с выводами нижестоящих инстанций. Он сослался на п. 1 ст. 374 ГК РФ, закрепляющий обязанность бенефициара предъявить требование по гарантии в пределах срока ее действия, и истолковал данное положение во взаимосвязи с п. 2 ст. 194 ГК РФ, согласно которому письменные заявления и уведомления, направленные посредством почтовой связи до 24 часов последнего дня установленного срока, считаются поданными своевременно. При этом суд отметил, что в оспариваемой банковской гарантии отсутствовало специальное условие, предусматривающее необходимость получения гарантом требования бенефициара до истечения срока действия гарантии. В связи с этим моментом надлежащего предъявления требования следует признавать дату его почтового отправления[181].

С учетом предписаний п. 1 ст. 165.1 ГК РФ гражданско-правовые последствия связываются с наступлением одного из двух возможных обстоятельств. Во-первых, такие последствия возникают в случае фактического, т. е. реального физического, вручения юридически значимого сообщения адресату. Во-вторых, они наступают и тогда, когда сообщение признается доставленным в силу закона, независимо от его реального получения. Именно на основе данного подхода определяется момент начала течения срока, в течение которого гарант обязан рассмотреть предъявленное бенефициаром требование, что прямо следует из п. 2 ст. 375 ГК РФ.

Для возникновения обязательства, следующего из гарантии, необходимо как минимум одностороннее изъявление воли гаранта, за исключением случаев, когда иного не указано непосредственно в гарантии. Такова сформировавшаяся судебная практика. Российская судебная практика исходит из того, что для возникновения обязательства из независимой гарантии достаточно одностороннего волеизъявления гаранта, если другое прямо не следует из текста самой гарантии[182].

---

[181] П. 4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

[182] Такого подхода придерживаются и сирийские суды.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела дело, в рамках которого в обеспечение обязательства поставщика по поставке товаров общество (гарант) выдало независимую гарантию, приняв на себя обязательство выплатить сумму покупателю (бенефициару) при предъявлении им письменного требования, содержащего ссылку на невыполнение поставщиком (принципалом) обязательства по поставке.

Суд принял доводы бенефициара, ссылаясь на п. 2 ст. 368 ГК РФ и указав, что письменная форма обязательства гаранта возможна, однако закон не обязывает гаранта и бенефициара заключать письменное соглашение. Принимая во внимание положения ст. 373 ГК РФ, суд постановил, что гарантия начинает действовать со дня ее передачи гарантом.

В рассматриваемой ситуации иные условия специально предусмотрены не были. Гарант не установил в тексте гарантии оговорку о том, что возникновение его обязательств ставится в зависимость от получения письменного подтверждения со стороны бенефициара о принятии данной гарантии. В силу этого гарантийное обязательство вступило в действие непосредственно с момента выдачи гарантии. Соответственно, суд пришел к выводу о том, что бенефициар учел установленные сроки предъявления требования, а также выполнил предусмотренные гарантией требования к комплектности представленных документов[183].

Кроме того, анализ правовой природы гарантии неизбежно приводил к потребности в сопоставлении или отграничении ее от поручительства. Сходство независимой гарантии и поручительства по их общим целям не свидетельствует об их тождестве, так как они относятся к разным способам обеспечения исполнения. В то же время полагать, что гарантия есть односторонняя сделка, тогда как поручительство – это договор, вполне допустимо, объясняя это их особенностями.

Рассматривая в настоящем параграфе независимую гарантию в ряду других

---

[183] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

способов обеспечения, а не просто правовых явлений, сопоставим перечисленные характерные черты гарантии с характерными чертами прочих способов обеспечения (Таблица 2).

Таблица 2 - **Сопоставление поручительства и независимой гарантии**

Критерий	Поручительство	Независимая гарантия
Участники отношений	– Поручитель; – должник – кредитор	– Гарант; – принципал – бенефициар
Поручитель/ гарант	Поручитель – любое лицо	Гарант – банк, а также любое юридическое лицо
Договор заключается между	Поручителем и кредитором	Гарантом и должником
Форма договора	Простая письменная	
Предмет договора/ обязательства	Денежное исполнение, уплата суммы основного долга и связанных платежей (неустойка, убытки, проценты и др.) в пределах ответственности поручителя	Денежная сумма, ценные бумаги
Статус	Дополнение к основному обязательству	Самостоятельное обязательство и не зависит от действия основного обязательства
Срок выдачи	На срок исполнения обязательства	Любой оговоренный договором срок
Передача права кредитора	Без ограничения	Право бенефициара-кредитора может быть передано с его согласия
Регрессное требование к должнику	Поручитель имеет право	Право гаранта на регрессное требование определяется условиями договора
Отзыв	Не допускается	Допускается
Вид обязательства	Казуальное	Абстрактное

Критерием разграничения независимой (банковской) гарантии и поручительства является характер связи с основным обязательством. Независимая гарантия в российском праве является неакцессорной, обязанность гаранта перед бенефициаром не зависит от действительности, изменения или прекращения обеспечиваемого обязательства и от отношений принципала с гарантом (ст. 370 ГК РФ), поэтому изменение или прекращение основного обязательства само по себе не

устраняет права бенефициара на платеж при соблюдении условий гарантии. Поручительство, напротив, является акцессорным: судьба и объем ответственности поручителя следуют судьбе основного обязательства (п. 2 ст. 363 ГК РФ), а диспозитивность этой нормы относится к пределам ответственности, но не превращает поручительство в «замену» способа исполнения основного обязательства. Дополнительно независимая (банковская) гарантия может покрывать не одно требование, а совокупность взаимосвязанных требований из одного основного правоотношения в пределах установленной суммы, что соответствует природе гарантии как лимитированного денежного обеспечения. В сирийском праве общая конструкция кафалы (ст. 738 ГК САР) в большей степени тяготеет к акцессорности, однако в банковской практике Сирии применяется принцип независимости гарантийного платежа, который оформляется документарными условиями и опорой на правила ICC (URDG).

Относительно квалификации молчания бенефициара в качестве безусловного акцепта следует отметить, что подобная позиция представляется спорной. Уже из содержания п. 2 ст. 438 ГК РФ усматривается, что бездействие само по себе не признается акцептом, за исключением случаев, когда иное прямо предусмотрено законом, соглашением сторон либо вытекает из сложившихся обычаев делового оборота. Применительно к независимой гарантии подобного исключения гражданское законодательство не устанавливает. Более того, ст. 371 ГК РФ закрепляет в отношении гарантии принцип ее безотзывности, если иное прямо не предусмотрено в самом тексте гарантийного обязательства. Если бы банковская гарантия рассматривалась как договор, указанная норма утратила бы свое регулятивное значение, поскольку договорные отношения по общему правилу подлежат изменению или прекращению по соглашению сторон либо по решению суда в порядке, установленном ст. 450 ГК РФ.

Таким образом, нельзя считать молчание бенефициара акцептом гарантии, скорее, его воля не имеет значения, для того чтобы у гаранта возникло обязательство. В этом смысле гарантия может быть рассмотрена в виде одностороннего обязательства гаранта, появляющегося при односторонней сделке,

которой следует считать выдачу гарантии. Аналогично односторонней сделкой может быть признана и контргарантия.

Ввиду отсутствия в сирийской правоприменительной практике судебных споров, посвященных указанной проблематике, целесообразно обратиться к соответствующим выводам российских судов. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации сформулировала позицию, согласно которой обязательство, возникающее из независимой гарантии, не может признаваться несуществующим лишь на том основании, что в тексте гарантии отсутствует прямое указание на наименование бенефициара, если при этом достоверно установлено лицо, в пользу которого данная гарантия была предоставлена. Основанием для такого вывода послужило дело, в рамках которого общество, выступавшее в роли гаранта, выдало независимую гарантию без указания конкретного бенефициара, перед которым оно принимало на себя обязанность произвести выплату в случае неисполнения принципалом – подрядчиком – обязательств по ранее оплаченным строительным работам. В ходе рассмотрения спора было установлено, что гарантийное обязательство, обеспечивавшее исполнение обязательств подрядчика, направлялось гарантом не неопределенному кругу лиц, а конкретному заказчику, личность которого была обозначена принципалом при согласовании условий гарантии, что исключало неопределенность в отношении бенефициара. При этом именно гарант являлся составителем текста банковской гарантии, в связи с чем допущенные в ней недостатки подлежали толкованию против составителя, поскольку иное могло бы позволить ему уклониться от исполнения принятых на себя обязательств при наличии у бенефициара обоснованных ожиданий относительно действительности гарантии (п. 6, 43 и 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора»). В свою очередь, в соответствии с сирийским гражданским законодательством гарантийное обязательство не обусловлено необходимостью направления гаранту специального уведомления либо выражения акцепта со стороны бенефициара о принятии

гарантии (ст. 741 ГК САР), за исключением тех случаев, когда подобное требование прямо закреплено в тексте самой гарантии.

С учетом предписаний ст. 373 ГК РФ независимая гарантия приобретает юридическую силу с момента ее передачи гарантом, если иное прямо не предусмотрено условиями самого гарантийного обязательства. Одновременно из содержания данной нормы следует, что стороны вправе установить в тексте гарантии иной момент начала ее действия. В частности, таким условием может выступать положение о том, что гарантия начинает действовать исключительно после выражения акцепта со стороны бенефициара. В подобных случаях гарантия по своей правовой конструкции может рассматриваться как договор, заключенный между гарантом и бенефициаром, что соответствует п. 2 ст. 368 ГК РФ. В сирийском праве отсутствует специальное нормативное правило, однозначно определяющее момент вступления гарантии в силу, в связи с чем ее действие начинается с той даты или события, которые прямо зафиксированы в тексте самой гарантии.

Сравнительный анализ показывает, что различия между российским и сирийским подходами касаются прежде всего юридической квалификации гарантии как сделки и роли акцепта бенефициара. В российском праве независимая гарантия по общему правилу оформляется как односторонняя сделка гаранта (п. 1 ст. 368 ГК РФ) и действует с момента передачи (ст. 373 ГК РФ), однако стороны вправе предусмотреть в гарантии условие о вступлении ее в силу после принятия бенефициаром, что сближает конструкцию с договорной моделью. В сирийском праве гарантия по общим нормам ГК САР традиционно квалифицируется как договор между гарантом и кредитором (ст. 737–767 ГК САР), но ст. 741 ГК САР закрепляет упрощенный механизм, отдельный, специально выраженный акцепт бенефициара не требуется, если гарантия не предусматривает иное, а принятие презюмируется при отсутствии отказа либо выражается конклюдентно (например, использованием гарантии). Следовательно, различие затрагивает технику заключения обеспечительной сделки, а не обеспечительную функцию банковской гарантии.

Аналогичный регулятивный подход закреплен и в действующем российском праве применительно к специальным случаям использования независимых гарантий в сфере публичных закупок. Так, со ссылкой на ч. 5 и 6 ст. 45 Федерального закона № 44-ФЗ заказчик наделен правом отказать в принятии гарантии, если сведения о ней отсутствуют в предусмотренных законом реестрах, если содержание самой гарантии не соответствует требованиям, установленным ч. 2 и 3 ст. 45 указанного федерального закона, а также в ситуациях, когда условия гарантии не корреспондируют положениям извещения (закупочной документации) либо проекту контракта, подлежащего заключению с единственным участником закупки – исполнителем, поставщиком или подрядчиком.

Учитывая юридическую значимость волеизъявления заказчика, выступающего в статусе бенефициара, которому законодательство предоставляет право отказа в принятии независимой гарантии, можно сделать вывод о договорной природе данного правового явления. В этом контексте независимая гарантия может рассматриваться как соглашение, возникающее между гарантом и бенефициаром. Вместе с тем по общему правилу независимая гарантия квалифицируется как односторонняя сделка, тогда как в случаях, прямо предусмотренных законом либо прямо закрепленных в тексте самой гарантии, она приобретает характер двустороннего договора между гарантом и бенефициаром.

В правоприменительной деятельности, как и в договорной практике в целом, особое значение придается корректности, исчерпывающему характеру и установленному порядку представления документов, относящихся к реализации независимой гарантии. Суды последовательно исходят из того, что гарант лишен права отказать бенефициару в удовлетворении предъявленного требования, в случае если приложенные документы по своим внешним признакам соответствуют условиям гарантии. При таком подходе гарант, исходя из презумпции добросовестности бенефициара, не вправе инициировать дополнительную проверку содержания документов за пределами их формального соответствия установленным требованиям.

В одном из судебных споров, последовательно рассмотренных судами

нескольких инстанций, бенефициар обратился с требованием к банку о взыскании суммы по независимой гарантии, однако в удовлетворении иска было отказано как судом первой инстанции, так и судами вышестоящих уровней. Обосновывая свои выводы, судебные органы указали, что в соответствии с условиями банковской гарантии бенефициар был обязан представить вместе с требованием о платеже копию платежного поручения, подтверждающего перечисление авансовых средств принципалу. Между тем к заявленному требованию была приложена копия указанного документа, не удостоверенная надлежащим образом, что послужило основанием для признания условий гарантии неисполненными и, как следствие, для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя ранее принятые судебные акты, суд округа указал, что в силу п. 3 ст. 375 ГК РФ гарант при рассмотрении требования о платеже обязан оценивать прилагаемые документы исключительно с точки зрения их внешнего соответствия условиям гарантии. Представленное бенефициаром платежное поручение отвечало данным формальным критериям и содержало весь необходимый объем сведений. При этом в тексте самой гарантии отсутствовали указания на обязанность представлять заверенную копию платежного документа, равно как и какие-либо иные специальные требования к способу или форме ее удостоверения.

При сложившихся условиях у гаранта отсутствовали правовые основания для непринятия представленной копии платежного поручения, вследствие чего бенефициар не мог быть квалифицирован как субъект, не выполнивший требования гарантии, необходимые для реализации права на получение гарантийной выплаты[184].

В судебной практике также было признано недействительным условие банковской гарантии, предоставленной в обеспечение исполнения государственного контракта, которое предусматривало обязанность прилагать к

[184] П. 4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

требованию о платеже оригинал гарантии на бумажном носителе. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции, отказавшего в удовлетворении иска бенефициара о взыскании суммы по банковской гарантии. Разрешая спор, суды исходили из того, что бенефициар, принявший гарантию в качестве способа обеспечения исполнения обязательств принципала – заказчика по государственному контракту, выразил согласие с ее условиями, в том числе с требованием о представлении оригинала гарантийного документа при обращении за выплатой. Фактически же бенефициар приложил к требованию лишь копию гарантии, что с учетом положений п. 1 ст. 376 ГК РФ было расценено судами как достаточное основание для правомерного отказа гаранта в осуществлении платежа.

Обобщая нормы, закрепленные в § 6 гл. 23 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что независимая гарантия функционирует как автономное обязательство, не находящееся в производной или зависимой связи с рядом иных правоотношений. В частности, ее действие не обусловлено действительностью обязательства, в обеспечение которого она выдана (п. 1 ст. 368 ГК РФ). Она также не зависит от основного обязательства, исполнение которого обеспечивается гарантией (п. 1 ст. 370 ГК РФ), вследствие чего отсутствие в тексте гарантии полного и детального воспроизведения условий такого обязательства не может служить основанием для оспаривания самой гарантии. Кроме того, независимая гарантия не ставится в зависимость от отношений между принципалом и гарантом (п. 1 ст. 369 ГК РФ), в том числе от договора о предоставлении гарантии, несмотря на возможное внешнее впечатление такой связи. Наконец, автономность гарантии сохраняется и по отношению к иным обязательствам, даже если в ее тексте содержатся ссылки на них, что прямо следует из положений п. 1 ст. 370 ГК РФ.

Поскольку независимая гарантия не может быть квалифицирована исключительно как одностороннее обязательство гаранта, ее юридическая характеристика не предполагает наличия встречного предоставления со стороны бенефициара. В этом аспекте соответствующее правоотношение допустимо рассматривать как безвозмездную сделку. С учетом обеспечительной

направленности данного института целевым назначением предоставления независимой гарантии следует признать создание для бенефициара максимально возможного и всестороннего уровня защиты, направленного на обеспечение надлежащего исполнения обязательств принципалом в пределах и на условиях, согласованных с бенефициаром.

В рассматриваемой ситуации предметом обязательства гаранта по независимой гарантии выступает его обязанность совершить определенное юридически значимое действие, а именно: произвести выплату бенефициару заранее установленной денежной суммы при неисполнении или отказе должника от исполнения основного обязательства и при наступлении обстоятельств, прямо предусмотренных условиями гарантии. Исходя из этого, по общему правилу обязательство гаранта следует квалифицировать как денежное, в рамках которого денежные средства реализуют свою базовую правовую и экономическую функцию – функцию средства платежа, направленного на покрытие задолженности в ее стоимостном выражении[185]. Указанное положение имеет и единственное исключение, предусмотренное п. 5 ст. 368 ГК РФ, где применение правил о независимой гарантии возможно и когда обязательство того, кто предоставил обеспечение, состоит в передаче ценных бумаг либо предметов, имеющих родовые признаки, опять же если иное не следует из самих сложившихся отношений. В то же время сирийские суды полагаются в таких делах на международные правила. В международных Унифицированных правилах по договорным гарантиям обязательства гаранта определены весьма широко. Помимо традиционного денежного возмещения предусмотрено исполнение тех неденежных обязательств, которые принципал не исполнил, например товарных поставок, исполнения объемов работ или оказания соответствующих услуг (п. «b» ст. 2).

Анализируя правовую природу контргарантии, российский исследователь И. Е. Михеева выделила группу обязательств, среди которых первым идет обязательство контргаранта по внесению платежа после предъявления требования

[185] См.: Смирнова П. В. О принципе независимости обязательства гаранта в банковской гарантии // Банковское право. 2003. № 2. С. 16.

по контргарантии. В данном случае речь идет о чистом обеспечительном обязательстве[186].

При контргарантии бенефициар, будучи контрагентом принципала, требует от него гарантировать полное и в срок исполнение его обязательств независимой гарантией, получая ее от банка-гаранта, который, в свою очередь, имея в виду и просьбу контргаранта, и контргарантию, предоставляет в пользу бенефициара независимую (обычную) гарантию, в рамках которой принципал – контрагент бенефициара, но не контргарант, по чьей инициативе предоставлялась обычная независимая гарантия. Далее принципал поручает своему банку, т. е. контргаранту, предложить банку-гаранту предоставить гарантию и дать банку-гаранту свою контргарантию, для того чтобы обеспечить исполнение обязательств по обычной гарантии. После этого контргарант, опираясь на инициативу принципала, выдает свою контргарантию, равно как и поручает банку, определенному бенефициаром (банку-гаранту), предоставить в его пользу обычную гарантию. Здесь контргарант, обращаясь к иному банку с поручением-просьбой предоставить гарантию, считается принципалом. Одновременно он же выступает и гарантом, который исполняет поручение принципала, давая в пользу банка-гаранта свое обеспечение в виде контргарантии. Эта сложная схема представляет собой систему отношений сторон по контргарантии. В сирийской банковской практике это чаще всего происходит при обеспечении обязательств по импортно-экспортным операциям. В данном случае принципал и бенефициар работают в разных юрисдикциях, что повышает риски и, соответственно, требует гарантий исполнения обязательств либо взыскания убытков[187].

Если поручение последующему контргаранту им принято, следует вести речь об обязательстве заключить с гарантом соглашение о гарантии. Таким образом,

---

[186] См.: Михеева И. Е. Контргарантия: правовые особенности определения должника перед контргарантом с целью оценки рисков // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 2. С. 67.

[187] См.: Долгушина Ю. Б. К вопросу о понятии контргарантии и правовом регулировании данного вида банковской операции в РФ // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 715.

цитируемый автор констатирует смешанный характер сделки по предоставлению контргарантии, включая в число ее элементов обеспечительную сделку и договор поручения либо договор комиссии[188].

Анализируя сложные, комбинированные правоотношения, считаем возможным выделять различные модели их структурирования и взаимодействия. Так, применительно к рассматриваемой ситуации можно говорить о существовании основного обязательства между принципалом и бенефициаром, а также о договоре между принципалом и банком-эмитентом, предметом которого является предоставление независимой гарантии. Дополнительно могут возникать обязательственные связи между банком-эмитентом и исполняющим банком, предоставляющим контргарантию, а также между исполняющим банком и бенефициаром, если именно он выступает субъектом, выдавшим независимую гарантию. Данный аспект получил развитие в научной позиции Л. Г. Ефимовой, которая указывает, что в цепочке взаимодействий между банком-эмитентом и исполняющим банком могут участвовать и иные кредитные организации, выполняющие посреднические функции, что, в свою очередь, приводит к увеличению количества взаимосвязанных обязательств.

Раскрывая юридическую сущность контргарантии, Л. Г. Ефимова акцентирует внимание на ее договорном характере, рассматривая ее как соглашение о выдаче независимой гарантии. В рамках такого договора банк-эмитент уполномочивает исполняющий банк принять от своего имени обязательство перед бенефициаром по соответствующей гарантийной конструкции[189]. Кроме того, он берет обязательство возместить расходы, которые понесет исполняющий банк. В этом смысле контргарантию допустимо рассматривать как вид договора комиссии. Необходимо также учесть, что контргарантия предполагает не один, как при обычной гарантии, а несколько договоров, которые заключают между собой принципал, банк-эмитент и исполняющий банк.

---

[188] См.: Михеева И. Е. Указ. соч. С. 67.

[189] См.: Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии. С. 8.

Детальная регламентация гарантий в международных нормах так называемого мягкого регулирования была направлена в том числе на унификацию национального законодательства в данной сфере. Этот процесс активно идет, но далеко не завершен ввиду сохранения различий.

В частности, речь идет об одном из видов персональной защиты – акцессорной гарантии, которую принято также считать поручительством (surety, borglochl, Burgschaft, cautionnement, الكفالة الشَّخصيّة). В то же время в коммерческой практике и в банковском дискурсе используется понятие «гарантия» (guarantee), обозначающее акцессорный вид обеспечения. Такого рода разночтения характерны не только для понятийного аппарата рассматриваемого института. В данном случае следует сделать вывод и о разнице в российской и зарубежной (прежде всего, характерной для англо-американской модели) независимой (банковской) гарантии.

Для континентального законодательства, к которому традиционно принято относить и сирийское гражданское право, понятие «гарантия» является составной частью независимой (банковской) гарантии, тогда как понятие «поручительство» применяется к акцессорному виду. При этом для обычаев делового оборота, складывающихся при реализации гражданско-правовых отношений, дефиниция «гарантия» имеет широкое и даже универсальное применение.

Банковская гарантия (кафала – الكَفالَة) в исламских банках

В системе исламских финансовых институтов кафала (гарантия) рассматривается как форма обеспечения либо страхового покрытия, предоставляемого гарантом в пользу третьего лица, подтверждающая, что его клиент надлежащим образом исполнит принятые на себя обязательства перед указанным контрагентом. В рамках соответствующего договорного механизма финансовая организация принимает на себя обязательство отвечать за своего клиента в случае неисполнения либо нарушения условий договора, заключенного между клиентом и третьей стороной. Содержание такого обязательства сводится к

обязанности финансовой организации произвести выплату заранее согласованной суммы, если клиент не выполнит свои договорные обязательства[190].

В практике исламского банковского дела договор кафалы, как правило, используется в качестве вспомогательного, производного соглашения [191] , в частности в конструкции банковской гарантии, где базовое обязательство может быть построено на модели отсроченной продажи актива и направлено на обеспечение будущих платежей в пользу банка. В подобных случаях кредитная организация вправе требовать от клиента предоставления гарантии в качестве средства обеспечения исполнения договора. Вместе с тем сфера применения кафалы не исчерпывается ее использованием исключительно как вторичного обязательства [192] . Данная правовая конструкция может выступать и в роли самостоятельного, первичного договора. Так, гарантия может быть основным обязательством в ситуациях, когда сам финансовый продукт по своей природе предполагает кафалу, например, в форме банковской гарантии, гарантии доставки либо резервного аккредитива.

Таким образом, использование договора кафалы в системе исламского банковского финансирования может быть выявлено по меньшей мере в трех типовых ситуациях[193]. Во-первых, речь идет о предоставлении гарантий третьим лицом в отношении суммы финансирования, когда кредитная организация требует от клиента привлечь гаранта для обеспечения исполнения его платежных обязательств. Во-вторых, кафала применяется в рамках договоров мудараба[194] и

---

[190] См.: Bank Islam Malaysia Berhad (BIMB). Islamic Banking Practice from the Practitioner’s Perspective. Kuala Lumpur : BIMB, 1994. P 20.

[191] См.: Mustafa M., Najeeb S. F. Shariah-compliant deposit insurance scheme: a proposed additional modality // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. 2018. Vol. 11, № 3. P. 489.

[192] См.: Examining issues on Islamic shipping guarantee / S. F. S. Alwi, I. Osman, U. Ibrahim, M. F. Sawari // Procedia – Social and Behavioral Science. 2016. Vol. 219. P. 64.

[193] См.: Hassan R. Islamic Banking and Takaful // Pearson Custom Publishing. Kuala Lumpur, 2011. P. 10.

[194] См.: Мудараба: шариат, стандарт № 13: [пер. с англ.] / Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений ; [редсовет: Р. И. Баишев и др.]. М. : Исламская книга, 2011. 28 с.

мушарака[195], где участие третьего лица в качестве гаранта допустимо исключительно для покрытия рисков, связанных с небрежностью или ненадлежащими действиями управляющего. При этом в подобных конструкциях гарант не вправе обеспечивать сохранность капитала либо получение прибыли, поскольку такое обязательство вступало бы в противоречие с базовыми принципами мударабы и мушараки, основанными на распределении предпринимательского риска.

Третья ситуация связана с банковской гарантией, выстроенной на конструкции кафалы, при которой кредитная организация принимает на себя обязанность исполнить обязательства третьего лица в случае их неисполнения самим должником. Исламские финансовые институты используют кафалу как правовую основу для оказания гарантийных услуг, включая банковские гарантии, резервные аккредитивы и гарантии поставки. В данном контексте банковская гарантия может рассматриваться как современная модификация института кафалы, адаптированная к текущим потребностям и практике исламского банковского сектора.

В соответствии с п. 22.1 концептуального документа Банка Негара Малайзия (BNM), посвященного институту кафалы в сфере исламских финансов, исламская финансовая организация вправе выступать в договоре кафалы как в роли гаранта, так и в статусе бенефициара. Реализуя функции гаранта, такая организация предоставляет клиентам гарантийное обеспечение посредством различных финансовых инструментов, основанных на конструкции кафалы (كَفَالَة), включая банковскую гарантию, резервный аккредитив и гарантию исполнения поставки.

Выступая в роли бенефициара, исламская финансовая организация принимает гарантийное обязательство, предоставленное третьим лицом в обеспечение выданных ею финансовых ресурсов. В данном аспекте кафала используется как вспомогательный договор, дополняющий различные базовые

---

[195] См.: Шарика (мушарака) и современные корпорации. Шариатский стандарт № 12 / пер. с англ., под ред. Р. И. Баишева и др. Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI). М. : Исламская книга, 2011. 40 с.

исламские финансовые продукты и служащий преимущественно инструментом управления и снижения рисков. К таким продуктам, в частности, относятся мушарака (финансирование с участием на основе принципа распределения прибыли и убытков), мудараба (договор предпринимательского партнерства, при котором одна сторона предоставляет капитал, а другая осуществляет управление и предпринимательскую деятельность), мурабаха (финансирование по модели «издержки плюс прибыль»), салам (форвардная сделка с предварительной оплатой и отсроченной поставкой товара)[196], ижара (арендные отношения), а также тауриг (перепродажа ранее приобретенного актива)[197]. В практической плоскости клиент обращается в исламский банк, например, с запросом на открытие кредитной линии. После анализа поданного заявления и оценки платежеспособности клиента банк, при положительном заключении, оформляет гарантийное письмо (letter of guarantee), которое предоставляется клиенту посредством письма-предложения (letter of offer). В исламской банковской практике гарантийные письма используются для широкого круга целей, включая обеспечение участия в тендерах, гарантирование надлежащего исполнения работ, предоставление гарантий по субподрядным обязательствам, оформление таможенных гарантий, гарантий освобождения от уплаты таможенных пошлин, обеспечение ведения расчетных счетов, замену гарантийного депозита, а также иные специальные виды гарантий[198].

Следует подчеркнуть, что выдача гарантийного письма исламской финансовой организацией допускается исключительно при наличии предварительного обращения со стороны клиента. Иными словами, такая организация не вправе принимать на себя гарантийные обязательства по финансовым долгам без сохранения за собой права регрессного требования к должнику. Исключение из данного правила возможно лишь в тех случаях, когда

---

[196] См.: Салам. Шариатский стандарт № 10 / пер. с англ., под ред. А.Ю. Журавлева и др. Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI). М.: Исламская книга, 2014. 24 с.

[197] См.: Khan M. A. Islamic Economics and Finance: A Glossary. New York : Routledge, 2003. P. 142.

[198] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч. С. 100.

уставными документами либо специальными решениями акционеров и инвесторов финансовой организации прямо предусмотрена возможность осуществления пожертвований или иных благотворительных действий. В подобной ситуации возникает необходимость установить наличие оснований для предоставления благотворительного финансирования (кард хасан – благородная беспроцентная ссуда) и оценить, может ли гарантия, выданная без права регресса, быть квалифицирована как форма допустимой благотворительной деятельности, осуществляемой исламской финансовой организацией[199]. С учетом изложенного представляется целесообразным формирование шариат-совместимой модели гарантийных обязательств для исламских банков, при которой акцессорное поручительство (кафала) и независимая гарантия должны быть нормативно и договорно разведены максимально четко. Вознаграждение банка по таким гарантиям должно быть ограничено возмещением фактически понесенных административных расходов и не включать элементов риба (вознаграждения за риск) при одновременном повышении прозрачности комиссий, депозитного покрытия и контргарантий. Это позволяет использовать международные документарные стандарты (в том числе URDG-подход) без потери шариатной совместимости и снижает риск злоупотреблений в гарантийных отношениях.

2.2. Отличительные признаки и функции независимой гарантии

На важность определения признаков, характерных для независимой (банковской) гарантии, а также выделения одного, существенного признака, присущего именно независимой гарантии, российские и зарубежные исследователи обращали внимание неоднократно. В частности, Л. А. Вахрушев указал на значение, в котором он понимает «существенность» определенного признака, отметив, однако, что это «не в значении, употребляемом для решения вопроса о

[199] Syed Alwi S. F. S., Ibrahim U., Sawari M.F. A few methods in charging fees for kafalah bank guarantee-i among Islamic banks in Malaysia // ISRA International Journal of Islamic Finance. 2014. Vol. 6, № 1. P. 51.

заключенности договора». Решение этого вопроса названный автор видит полезным для решения прежде всего теоретических задач анализа понятия независимой гарантии как правоотношения[200].

Независимая гарантия как юридический феномен формируется из присущих ей признаков, отражающих элементы, стороны, а также свойства[201] в данном случае – гарантии. Предваряя анализ отличительных признаков независимой гарантии, обратим внимание на уже устоявшееся в литературе понимание независимости как основного и неотъемлемого признака, своеобразного индикатора точного определения независимой (банковской) гарантии как правоотношения.

В случае если рассматривать независимую гарантию как самостоятельный правовой институт либо как подинститут (субинститут[202]), т. е. как основанную на законодательстве систему взаимосвязанных норм, регулирующих в пределах определенной отрасли права относительно обособленный массив общественных отношений[203], становится возможным выявить и систематизировать ее специфические, присущие ей признаки.

Для любого правового института характерно наличие материального признака, выражающегося в содержательном, как правило экономическом, аспекте соответствующего общественного отношения, а также формального, юридического элемента. Эффективное функционирование правового института возможно лишь при его нормативном оформлении посредством совокупности взаимосвязанных правовых норм. Рассматривая независимую гарантию с точки зрения институционального подхода, невозможно абстрагироваться от ее корреляции с такими базовыми правовыми институтами, как сделка и договор,

---

[200] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч. С. 16.

[201] См.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избр. труды : в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 2017. С. 310.

[202] Понятия правового института (подинститута, субинститута) остаются предметом дискуссий, в которые автор настоящей работы не вступает, чтобы не выйти за предмет исследования, опираясь при этом на классическое понимание правового института, разработанное советскими теоретиками права (С. С. Алексеевым, В. С. Якушевым и др.).

[203] См.: Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 67.

поскольку именно они формируют и опосредуют соответствующие виды правоотношений, участниками которых выступают бенефициар, гарант и принципал[204].

Формирование юридической конструкции независимой, в том числе банковской, гарантии предполагает использование метода правового моделирования, который, в свою очередь, ориентирован на анализ отдельных элементов создаваемой модели в их функциональной и структурной взаимосвязи. Одновременно с этим для корректного определения правоотношения, возникающего из независимой гарантии, необходимы выявление, упорядочение и систематизация ее существенных признаков и характерных особенностей. В литературе этот вопрос раскрывается неоднозначно, что связано и с расхождениями позиций авторов, начинающимися уже в понятийном аппарате. Так, часто дефиниции «признак» и «элемент» смешиваются или используются как синонимы[205].

Сегодня при анализе независимой гарантии принято дифференцировать группу характерных черт:

– независимость от основного (обеспечиваемого) обязательства;

– безотзывность (если в самой гарантии не предусмотрено иное);

– непередаваемость прав, если иное не указано в самой гарантии;

– возмездность (платность гарантии для принципала);

– полная прозрачность и формализация отношений: гарантия оплачивается при полном соответствии документов и действий бенефициара условиям гарантии.

В одном из споров, последовательно рассмотренном судами трех инстанций, юридическое лицо, выступавшее в качестве бенефициара, обратилось с исковым заявлением к банку-гаранту о взыскании суммы по выданной гарантии. Суд первой инстанции оставил заявленные требования без рассмотрения, мотивировав это тем,

---

[204] См.: Замотаева Т. Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 21–24.

[205] Эта исследовательская проблема существовала еще в советский период (см.: Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19).

что направление бенефициаром требования гаранту в порядке, предусмотренном ст. 374 ГК РФ, само по себе не свидетельствует о соблюдении обязательного досудебного порядка разрешения спора. По мнению суда, при отсутствии надлежащей реакции со стороны гаранта на первоначальное требование бенефициар был обязан повторно обратиться к нему с соответствующим обращением, оформленным в виде претензии.

Суд апелляционной инстанции отменил данное решение, указав на игнорирование положений п. 5 ст. 376 ГК РФ, регламентирующих порядок осуществления платежей по гарантии. С учетом того, что институт независимой гарантии по своей правовой природе представляет собой автономный и оперативный механизм получения исполнения, было сделано заключение о том, что направление гаранту требования в порядке ст. 374 ГК РФ является достаточным и исчерпывающим способом соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Таким образом, не требуются дополнительные действия по направлению претензии[206]. В сирийской практике наряду с досудебным порядком применяется и упрощенный порядок, в рамках которого на ответчика (в данном случае – гаранта) также может быть возложено безусловное обязательство предоставить гарантийное покрытие, а отказ может быть признан нарушением соответствующего соглашения.

Для начала 2000-х гг., когда исследователи вели анализ в рамках «старого» подхода, т. е. прежней редакции соответствующих статей ГК РФ, они выделяли основным существенным признаком гарантии ее обеспечительную функцию. Сопоставляя гарантию (в то время еще просто банковскую) с другими способами обеспечения: поручительством, страхованием и др., – тогда не называли существенных признаков, которые выделяли бы банковскую гарантию[207]. Авторы, как правило, «обходились» описанием сходных черт, приходя к выводу, что таковые не образуют сущности банковской гарантии, так как лишь указывают на

---

[206] П. 17 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

[207] См.: Волошина М. В. Банковская гарантия : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 41.

чисто внешнее сходство. Однако сегодня при разговоре о независимой гарантии уже возникает потребность выделить существенный признак соответствующего правоотношения. Он должен быть таким, чтобы с уверенностью и точностью квалифицировать анализируемый феномен как независимую (банковскую) гарантию. Наличие прочих признаков возможно и естественно, они могут быть характерны для гарантии, но их нельзя считать существенными, т. е. определяющими.

Таким образом, именно существенный признак становится своеобразным маркером, который позволяет сначала определить, а затем и точно квалифицировать независимую (банковскую) гарантию. При этом обеспечительная функция независимой гарантии не исчезает, а в рамках доктринального анализа требует разграничения различных имеющихся сегодня способов обеспечения исполнения обязательства [208] . На категории «способ» акцентирует внимание Б. М. Гонгало, полагая, что именно здесь следует искать суть функциональной направленности такого рода мер. Именно надлежащий «способ» обеспечивает совокупность условий, обеспечивающих либо исполнение обязательств, либо защиту имущественного интереса кредитора. По мнению арабских исследователей, в арабской правовой практике обеспечение является основной характеристикой гарантии, которая представляет собой сочетание двух свойств: признака и функции. Гарантия без обеспечения отсутствует, и обеспечение не может быть реализовано без материального механизма, представленного гарантией[209].

Сама направленность на обеспечение обязательств дает возможность дифференцировать гарантию от других, достаточно многочисленных средств, которые в разной степени гарантируют исполнение обязанности[210].

На первый взгляд, именно функциональная направленность представляется тем критерием, который наиболее отчетливо позволяет отделить независимую

---

[208] См.: Евдокимов А. В. Гарантия как независимый способ обеспечения исполнения обязательств // Судебная практика в Западной Сибири. 2014. № 4. С. 52.

[209] См.: Абд ар-Раззак, Санхури. Комментарий к гражданскому праву. Ч. 1, разд. 682. Бейрут : Дар Ихйа ат-турас ал-арабий, 1971. С. 76.

[210] См.: Гонгало Б. М. Указ. соч. С. 145.

гарантию от иных упомянутых выше правовых конструкций, а также от институтов, вообще не относящихся к способам обеспечения исполнения обязательств. Вместе с тем данный признак оказывается недостаточным для разграничения независимой гарантии внутри самой системы многообразных обеспечительных средств, что существенно снижает его дифференцирующее значение. По этой причине функциональную характеристику затруднительно признать ключевым и определяющим признаком рассматриваемого института. Обращаясь к научным подходам, сформировавшимся в российской доктрине до реформы 2015 г., следует отметить, что в исследованиях, посвященных банковской гарантии, доминировала позиция, согласно которой гарантийное обеспечение принципиально отличается от иных предусмотренных законом способов обеспечения именно отсутствием акцессорного характера[211]. Под этим понималось сохранение юридической силы обеспечительного обязательства даже в ситуации утраты актуальности основного обязательства, в том числе при его прекращении, отмене либо замене. В противоположность этому для акцессорных конструкций считалось характерным правило, в силу которого недействительность, изменение или прекращение основного обязательства неизбежно влекут соответствующие правовые последствия для обеспечивающего обязательства, вплоть до его прекращения или утраты силы.

Эта точка зрения относится и к сирийской теории (ст. 742 ГК САР), которая в свою очередь применяется к институту гарантий в чисто гражданско-правовых отношениях (личные способы выполнения обязательств), т. е. недействительность, изменение либо прекращение главного обязательства диктует соответствующую недействительность либо прекращение того обязательства, которое является обеспечивающим. До введения в действие правил Международной торговой палаты в Сирии банковская гарантия не отклонялась от общих правил, поскольку предполагала предыдущее существование первоначального обязательства, которое

---

[211] См.: Буркова А. Ю. Акцессорность в гражданском праве // Нотариус. 2009. № 3. С. 32–36; Антропцева И. О. Банковская гарантия как банковская операция и способ обеспечения исполнения обязательств // Банковское право. 2010. № 1. С. 30–32; и др.

является причиной его возникновения, поэтому она следует ему в своем существовании и действительности. В России такой последовательный, но несколько однонаправленный подход к дифференциации акцессорности далеко не в полной мере соответствовал динамике общественных отношений в рассматриваемой сфере[212].

Следует поддержать мнение Р. С. Бевзенко о том, что залог и соответствующее отношение вполне может возникнуть ранее, чем обеспечиваемое. Это свидетельствует, что элементы акцессорности не так уж устойчивы и в данных отношениях уже не доминируют [213] . Диверсифицированное понимание акцессорности как факультативности обязательств по обеспечению состоит в функциональной направленности независимой гарантии. Предоставление гарантии без обязательства, которое она обеспечивает и не планирует обеспечивать, следует считать недействительным ввиду отсутствия основной, обеспечительной функции.

В данном случае акцессорность выступает следствием базовой функции и характерна для широкой совокупности способов обеспечения исполнения. Столь внимательное отношение к акцессорности как дополнительности в целом обеспечительных обязательств следует объяснить выявленной выше тенденцией к некоторому «ослаблению» акцессорности, что предопределяет и смену аналитических подходов, и коррекцию позиции законодателя. Так, в силу п. 3 ст. 329 ГК РФ признание основного обязательства недействительным влечет сохранение обеспечительных механизмов лишь в той части, которая направлена на устранение последствий такой недействительности, прежде всего обязанности по возврату полученного имущества. При анализе прежней редакции законодательства, стремясь выявить специфические черты именно гарантийного способа обеспечения, исследователи усматривали его неакцессорность в сохранении юридической силы банковской гарантии даже при недействительности

---

[212] См.: Кулаков В. В. Акцессорность как признак способов обеспечения исполнения обязательств // Российский судья. 2006. № 6. С. 21.

[213] См.: Сошникова М. П. От акцессорности к независимости // Гражданское право. 2013. № 5. С. 44.

обеспечиваемого обязательства. В современных условиях данный аргумент утратил свое доктринальное значение, поскольку элементы относительной автономности и ослабленной дополнительности в той или иной мере стали характерны и для иных, традиционно известных способов обеспечения исполнения обязательств.

Современное, более гибкое и дифференцированное понимание акцессорности, вытекающее из функционального назначения обеспечительных правоотношений, в наибольшей степени отвечает актуальным запросам и практическим потребностям современного хозяйственного оборота. Под акцессорностью (дополнительностью) применительно к гарантийным обеспечительным отношениям Л. А. Вахрушев предложил понимать обусловленность исполнения обеспечительного обязательства наличием базового. Это свидетельствует об опоре на приоритет функционального предназначения. Поэтому акцессорность наравне с функционалом может считаться специфической чертой совокупности разных способов обеспечения исполнения обязательств. Вместе с тем, будучи по своей природе категорией вторичной и производной, она не позволяет проводить разграничение между различными видами обеспечительных конструкций и, следовательно, не может рассматриваться в качестве существенного, определяющего признака конкретного обеспечительного правоотношения.

Логически выстраивая свою позицию, Л. А. Вахрушев в то же время вынужден обоснованно оговориться, подчеркивая, что реализация обеспечительных обязательств допустима, лишь когда есть что обеспечивать, т. е. при реальности обеспечиваемого обязательства. В данном случае нельзя исключать, что основное обязательство может вообще не возникнуть и о реализации обеспечительного обязательства вести речь нельзя. Иное дело, когда основное обязательство есть, но оно дефектно, недействительно. Здесь

обеспечительные отношения возникают, но по поводу возврата того, что было получено по такому дефектному обязательству[214].

Ранее были обозначены основные признаки независимой гарантии, к числу которых относятся ее автономность, безотзывный характер, ограниченная оборотоспособность прав, возмездность и высокий уровень формализации. Вместе с тем ключевым свойством гарантийного обязательства следует признать его личный характер, поскольку имущество гаранта не выделяется заранее в специальную имущественную массу, что позволяет четко отграничить гарантийное обеспечение от иных способов обеспечения исполнения обязательств. В данном аспекте российский законодатель последовательно сохранил ранее сформированный подход к правовой конструкции независимой гарантии. При этом значительная часть указанных характеристик действительно присуща независимой гарантии, однако они не во всех случаях определяют сущностную природу самого гарантийного правоотношения. Вполне очевидно, что утрата отдельных признаков способна привести либо к трансформации соответствующего правового явления, либо к его прекращению. Так, следует учитывать, что гарант вправе отозвать независимую гарантию, если такая возможность прямо предусмотрена ее условиями (ст. 371 ГК РФ), равно как и допускается переход прав по гарантии к другому лицу в случаях, установленных законом (ст. 372 ГК РФ).

Требование строгого соответствия условий независимой гарантии и предъявляемых бенефициаром требований может утрачивать свое практическое значение в ситуациях, когда гарантия предоставляется в форме обязательства по первому требованию. Исходя из того, что ранее гарантия была «просто» банковской, очевидно, что сущность современной, теперь независимой, гарантии следует искать собственно в ее независимости, чем, вероятно, руководствовался и законодатель.

Данный признак в рассматриваемом правоотношении следует признать существенным. Такой подход даст возможность дифференцировать гарантийное

---

[214] См.: Вахрушев Л.А. Указ. соч. С. 26–27.

обязательство от другой формы обеспечения, например, от поручительства. Названный признак характерен только для независимой гарантии, давая основания полагать ее основным способом обеспечения исполнения обязательств. Признак независимости гарантии может быть раскрыт через понимание абстрактной сделки, к категории которых принято относить предоставление независимой гарантии. Соответственно, результатом абстрактной сделки становится отдельное обязательство. Из абстрактного характера сделки может быть выведена и правовая природа независимости гарантии.

Цивилистическая доктрина дифференцирует абстракцию сделки как юридического факта и правоотношения[215], а также противопоставляет абстрактные и каузальные обязательства. Если первые условно «пусты» (причины есть, но стороны их не отражают и они ни на что не влияют), то во вторых присутствует причина возникновения (кауза). Критерием отграничения указанных обязательств следует считать потребность в выделении цели и основания сделки, что обеспечивает сторонам ее реальность и действительность. Абстрактность независимого гарантийного отношения не вполне логична, если иметь в виду направленность на гарантию имущественного интереса бенефициара от нарушения принципалом базового обязательства.

Очевидно, что функциональное назначение независимой гарантии обусловлено ее юридической природой, которая, в свою очередь, определяется ее квалификацией как способа обеспечения исполнения обязательств. В этом контексте гарантия не имеет самостоятельной целевой направленности и предоставляется исключительно для обеспечения надлежащего исполнения основного обязательства в одной из допустимых правовых форм. Как отмечалось ранее, несмотря на формальную автономность, независимая гарантия, оставаясь обеспечительным инструментом, в определенной степени функционально связана с базовым обязательством, хотя и не находится с ним в юридической зависимости.

Иное основание разграничения прослеживается при анализе абстрактных и

---

[215] См.: Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М. : Статут, 2006. С. 47.

каузальных сделок. В данном случае определяющим выступает единый критерий – наличие обязательственной связи, посредством которой формируется соответствующее правоотношение, будь то распорядительное, направленное на переход права, либо устанавливающее имущественное право. Абстрактный характер такой связи по своей природе предполагает определенную степень автономности, вследствие чего признание обязательственной сделки недействительной не влечет автоматического признания недействительной и распорядительной сделки.

Необходимость выделения подобного рода связей обусловлена потребностями гражданского и предпринимательского оборота. Имущественные блага, приобретенные на основании абстрактной сделки, сохраняют свою оборотоспособность и могут впоследствии свободно вовлекаться в дальнейшие гражданско-правовые отношения, выступая объектом последующих сделок. В этом случае абстракция сделки или связи сделок – обязательственной и предоставлением, может реализоваться только относительно лиц, которые одновременно не относятся к сторонам всех перечисленных сделок.

Применение категории абстрактности представляется оправданным при квалификации сделки по предоставлению независимой гарантии, поскольку ее действительность как распорядительного юридического акта не может быть обусловлена фактической состоятельностью или юридической действительностью соглашения о выдаче гарантии, рассматриваемого в качестве обязательственной сделки. Вместе с тем возникновение у бенефициара имущественного притязания на получение выплаты по гарантии в результате совершения такой сделки не означает, что данное право функционирует как самостоятельный объект гражданского оборота, обособленный от обеспечиваемого обязательственного отношения.

Таким образом, предоставление независимой гарантии формально может быть отнесено к числу абстрактных, т. е. распорядительных, сделок, однако с существенной оговоркой. Разграничение абстрактных и каузальных конструкций в рамках двух типов сделок исторически и функционально обусловлено необходимостью защиты интересов третьих лиц в ситуациях отчуждения либо

приобретения объектов гражданских прав, полученных в результате распорядительных актов, правовая связь которых с обязательственным основанием носит абстрагированный характер. Вместе с тем использование одной лишь категории абстрактности, даже в ее наиболее расширительном понимании, не позволяет в полной мере раскрыть юридическую природу независимой гарантии. По сути, между классически абстрактными сделками и сделкой по предоставлению независимой гарантии прослеживается лишь один общий признак – автономность действительности таких сделок от юридической состоятельности ранее возникших обязательственных отношений.

Такого рода свойство определяется и без применения общей концепции абстрактности сделок. Наиболее общим моментом определения критериев классификации способов обеспечения исполнения обязательств следует считать их проведение по признаку обособления конкретного, задействованного в обязательстве, имущества. Если оно до сделки не было обособленно, этот метод обеспечения следует считать личным. В то же время при заблаговременном обособлении имущества метод обеспечения исполнения обязательства можно признать вещным.

В свое время, проводя такой анализ в рамках развития российский теории торгового права, Г. Ф. Шершеневич отмечал стремление верителей заблаговременно обеспечить свои интересы, привлекая для этого к обязательству иных лиц, чье имущество было способно ответить при необходимости за обязательство. Также предусматривалась и возможность вычленения из имущественного комплекса должника «некоторой (имущественно по своей ценности достаточной) части, способной удовлетворить такое требование, элиминировав иных кредиторов»[216].

Вычленение независимости как основного и наиболее существенного признака независимой гарантии, с учетом ее содержания, подразумевает элиминацию возражений лица, предоставившего обеспечение, в рассматриваемом

[216] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / по изд. 1907 г. М., 1995. С. 290.

отношении. Своеобразный «нейтралитет» лица, предоставившего обеспечение, в процессе определения обстоятельств неисполнения обеспечиваемого обязательства означает их исключение из возможного спора сторон главного обязательства, что формирует специфические отношения, где гарант платит, не вникая в обстоятельства нарушений того обязательства, которое он обеспечивает.

В целом как для сирийской судебной практики, так и для российского законодательства характерны три отличительных признака независимой (банковской) гарантии: неакцессорность (несвязанность с основным обязательством), безотзывность, а также непередаваемость прав. При этом в России действие признака независимости гарантии на практике можно наблюдать, исключительно когда отношения возникают между коммерческими организациями. Это буквально следует из содержания п. 3 ст. 368 ГК РФ. Когда независимая гарантия выдана некоммерческой организацией, к складывающимся отношениям должны применяться правила о договоре поручительства, которое следует считать акцессорным, т. е. зависимым от главного обязательства (п. 2 ст. 363 ГК РФ). Такой правовой нормы не существует в сирийском законодательстве, поскольку независимая банковская гарантия может быть выдана только банками (которые являются коммерческими организациями)[217].

Одним из важнейших признаков независимой гарантии является ее документальный характер. Речь идет о сумме и сроке гарантии, условиях платежа по ней и иных условиях, зафиксированных в ней как в документе. Дополнительно в гарантии может быть предусмотрен порядок предъявления требования, в том числе перечень необходимых для осуществления платежа документов [218]. Обязанностью гаранта является оплата суммы гарантии в соответствии с указанными документами, которые должны быть представлены в течение срока и в соответствии с другими условиями гарантии. Гарант не обязан проверять

[217] См. ст. 1 Закона САР № 28 от 16.04.2001 «О создании частных банков» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[218] См.: Kelly-Louw, M. Selective Legal Aspects of Bank Demand Guarantee // University of South Africa. 2008. № 2. At 17.

подлинность представленных документов. Таким образом, гарант не заинтересован в установлении внешних фактов, таких как невыполнение принципалом основного договора или сумма убытков, фактически понесенных бенефициаром в результате этого неисполнения[219].

Что касается безотзывности (Irrevocability), независимая гарантия является безотзывной, даже если в ней это прямо не указано. Однако стороны могут предоставить и отзывную независимую гарантию. Как упоминалось выше, все правила предусматривают, что документы (в том числе гарантии), применяемые с этими правилами, являются безотзывными документами.

В Гражданском и Торговом кодексе САР нет правила, предписывающего безотзывность гарантии, но в ст. 699 ГК САР указывается, что гарант может отозвать гарантию, если она является гарантией по последовательному обязательству должника: «Гарантия за серию бессрочных сделок в пользу кредитора может быть прекращена гарантом на будущую сделку путем уведомления кредитора об этом. В таком случае гарант не несет ответственности за операции, совершенные должником после того, как уведомление было получено кредитором».

Следовательно, если содержание, указанное в банковской гарантии, показывает, что она гарантирует текущие транзакции (коммерческие сделки или бессрочные договоры), например, гарантирует непрерывное выполнение обязательств и не имеет ограничения по времени (открытая банковская гарантия

[219] См.: Affaki G., Goode R. M. Guide to ICC Uniform rules for demand guarantees URDG 758. Paris : International Chamber of Commerce, 2011. URL: https://www.studocu.com/row/document/universite-mhamed-bouguerra-de-boumerdes/kly%D8%A9-alhkok/702-icc-guide-to-icc-uniform-rules-for-demand-guarantees-urdg-758/87364786.

open-end bank guarantee, т. е. гарантия без указания срока ее действия), то банк имеет право прекратить действие банковской гарантии[220].

2.3. Принцип независимости гарантии

Принцип автономности независимой гарантии традиционно связывается с отсутствием у гаранта возможности заявлять возражения, основанные на правоотношениях, существующих между бенефициаром и принципалом. Действующая редакция ГК РФ прямо закрепляет, что гарантийное обязательство существует обособленно не только от обеспечиваемого основного обязательства, но и от договора о выдаче гарантии, а также от любых иных обязательственных связей, включая потенциальные (п. 1 и 2 ст. 370 ГК РФ). Из этого логически вытекает, что гарант лишен права противопоставлять какие-либо возражения требованию о выплате, если возможность таких возражений прямо не предусмотрена законом (п. 1 ст. 376 ГК РФ). Данная правовая позиция неоднократно подтверждалась Верховным Судом Российской Федерации, который указывал на недопустимость отказа гаранта от исполнения по мотивам, связанным с содержанием или исполнением основного обязательства [221] . Рассматривая независимую гарантию как документ, т. е. как самостоятельный правовой акт, можно выделить ряд характерных признаков, определяющих ее юридическую

[220] Банки разделяют банковскую гарантию на два типа: закрытая гарантия (closed-end bank guarantee) и открытая гарантия (open-end bank guarantee). Закрытая гарантия – это банковская гарантия, в которой указан срок действия, и это означает, что банк ограничил период своей ответственности. Открытая гарантия – это банковская гарантия, в которой не указывается срок действия или срок действия указан, но бенефициар имеет право продлить данный срок. Таким образом, банк будет нести ответственность до тех пор, пока бенефициар не отправит в банк письмо, в котором будет указано, что банк освобождается от своих дальнейших обязательств по банковской гарантии. Если неисполнение обязательств заявителем произойдет после указанной даты, банк откажет в выплате бенефициару.

[221] П. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.2025 № 74-КГ25-3-К9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

специфику. Во-первых, законодательством установлены специальные и при этом исчерпывающие основания, при наличии которых гарант вправе отказать в удовлетворении требования бенефициара; такие основания не обусловлены содержанием или судьбой основного обязательства (п. 1 ст. 376 ГК РФ). Во-вторых, по истечении предусмотренного законом срока приостановления платежа гарант утрачивает возможность отказаться от исполнения гарантийного обязательства, что прямо закреплено в п. 5 ст. 376 ГК РФ[222].

При этом необходимо подчеркнуть, что гарантия представляет собой самостоятельный документ, оформленный в письменной форме; она является формой выражения и реализации волеизъявления гаранта, направленного на возникновение гарантийного правоотношения и предопределяющего наступление предусмотренных условиями гарантии юридических последствий; кроме того, по своей правовой природе гарантия включает в себя автономный властно-обязывающий акт управомоченного субъекта.

В Гражданском кодексе Российской Федерации термин «независимость» не получает специального легального определения, однако активно используется законодателем, в том числе применительно к финансовым гарантийным обязательствам (ст. 60, 329, 368, 370 ГК РФ и др.). Как правило, данное понятие применяется в значении автономности, т. е. отсутствия обусловленности соответствующего правоотношения какими-либо внешними факторами или иными обязательственными связями. В отличие от этого сирийское законодательство оперирует категорией договора гарантии (عقد الكفالة), предоставляя обеим сторонам (банку и клиенту) широкую диспозитивную свободу в определении условий гарантийного обязательства, что на практике нередко опирается на стандарты и правила, разработанные Международной торговой палатой. Вместе с тем в

[222] Пункт 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.2025 № 74-КГ25-3-К9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

сирийском Законе о банках используется специальный термин «банковская гарантия» (الكفالة المَصرفِيَّة), и его употребление в сфере банковской деятельности устойчиво ассоциируется с присущим ей признаком автономности, который подразумевается сложившимся в Сирии банковским обычаем.

Категория независимости в российском праве не означает полной изоляции гарантии от любых внешних обстоятельств, а направлена прежде всего на исключение возражений гаранта, связанных с основным обязательством и внутренними отношениями с принципалом (ст. 370 ГК РФ). Вместе с тем независимость не отменяет документарно-процедурных фильтров: гарант вправе отказать или приостановить платеж по основаниям, вытекающим из самой гарантии и закона (несоответствие документов условиям гарантии, истечение срока, превышение суммы, непредставление документов, признаки подделки, злоупотребление правом и др.). Для правоприменительной определенности целесообразно последовательно проводить документарную модель: обязанность гаранта возникает исключительно при представлении бенефициаром документов, прямо указанных в гарантии и соответствующих ее условиям, а проверка носит формальный характер и не предполагает разрешение спора по основному обязательству. В научном обороте допустимо использовать термин «неакцессорная гарантия» как более точный по смыслу, поскольку он снимает ошибочное восприятие «независимости» как абсолютной автономии, не меняя содержания института.

На основе содержания п. 1 ст. 368 ГК РФ под автономностью гарантии фактически подразумевается обязанность гаранта произвести выплату независимо от разрешения вопроса о действительности обязательства, исполнение которого обеспечивается данной гарантией. Иными словами, независимость в данном контексте сводится к отсутствию юридической обусловленности гарантийного обязательства судьбой основного обязательства. Такое толкование представляется ограниченным и не раскрывающим в полной мере многоаспектный характер принципа независимости гарантии. Несмотря на достаточно гибкий подход к регулированию сложных взаимоотношений сторон по независимой гарантии,

Л. А. Вахрушев небезосновательно полагает, что гарантийные отношения сопровождаются строгим формализмом с позиции порождения и последующего исполнения обязательств [223] . Например, определенные сложности в данном контексте могут возникнуть по причине неуказания в независимой гарантии бенефициара либо невозможности его установить по исполненным гарантийным обязательствам.

Применительно к ситуации неуказания бенефициара в тексте независимой гарантии будет нарушен один из базовых принципов гражданского права, а именно принцип добросовестности. На подобного рода обстоятельства неоднократно обращали внимание и отечественные правоведы, которые указывали, что действия суда ни при каких обстоятельствах не должны поощрять недобросовестное и противоречивое поведение гаранта, который указывает на отсутствие такого формального признака, как бенефициар, в тексте независимой гарантии[224].

В отличие от сирийского подхода российский законодатель дал более развернутое нормативное раскрытие принципа автономности гарантии по отношению к иным обязательственным связям, закрепив соответствующие положения в ст. 370 ГК РФ. В частности, подчеркивается, что обязательство гаранта перед бенефициаром, вытекающее из независимой гарантии, не находится в правовой зависимости: во-первых, от основного обязательства, для обеспечения исполнения которого гарантия была предоставлена; во-вторых, от правоотношений, складывающихся между принципалом и гарантом; в-третьих, от любых иных обязательств, даже в тех случаях, когда на них прямо указывается в тексте самой гарантии.

Автономный характер гарантии обеспечивается также совокупностью специальных запретов, адресованных гаранту. Так, он лишен возможности заявлять возражения, основанные на содержании или исполнении обеспечиваемого

---

[223] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч. С. 168.

[224] См., например: Поваров Ю. С. Проблема «плюрализма» юридических фактов, опосредующих возникновение обеспечительного обязательства между гарантом и бенефициаром // Гражданское право. 2025. № 2. С. 10.

основного обязательства; не вправе ссылаться на иные обязательственные отношения, включая договор о предоставлении независимой гарантии; кроме того, гарант не может противопоставлять требованию бенефициара какие-либо обстоятельства, которые прямо не предусмотрены условиями самой гарантии.

Тем самым законодатель наделяет механизм реализации независимой гарантии своеобразным «автоматическим» характером, исключая возможность затягивания исполнения за счет ссылок гаранта на различные внешние факторы и посторонние обстоятельства, не предусмотренные условиями самой гарантии.

В целом это соответствует современному философскому осмыслению понятия независимости, которое определяет ее как одну из базовых категорий бытия и познания, состояние, при котором субъект, система, общественное, политическое или государственное образование имеют собственное начало, побудительные мотивы деятельности, над которыми не доминирует внешнее окружение, оно не определяет их. Независимость предполагает относительную свободу от бытия прочих субъектов, систем и образований, как и их самоценность[225]. В отсутствие таких подробностей в сирийском законодательстве банки должны отразить эти вопросы в самом тексте гарантии. Сирийские ученые считают, что определение независимости банковской гарантии раскрывается путем указания нескольких признаков:

1. Гарантийные обязательства банка по своей юридической природе должны носить абстрактный характер. Это означает, что кредитная организация лишена возможности противопоставлять требованию бенефициара возражения, основанные на ее собственных отношениях с клиентом-принципалом, например ссылаться на неисполнение последним обязанности по формированию финансового покрытия либо по уплате вознаграждения банку. Аналогичным образом банк не вправе отказывать в удовлетворении требования бенефициара, мотивируя отказ обстоятельствами, вытекающими из содержания или исполнения основного обязательства, в обеспечение которого была выдана гарантия.

---

[225] См: Сачков Ю. В. Независимость // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М. : Мысль, 2001. Т. 3. С. 211.

В связи со сказанным Апелляционный суд города Дамаска в решении от 19 февраля 2006 г. указал, что сам по себе факт прекращения по соглашению с кредитором-бенефициаром того правоотношения, в обеспечение которого была выдана банковская гарантия, а также его последующая замена иным обязательственным процессом, не предоставляет гаранту (банку) оснований для отказа в удовлетворении требований бенефициара по гарантии[226].

2. Обязательство, принимаемое банком в рамках банковской гарантии, носит самостоятельный и прямой характер: перед бенефициаром банк действует как собственный должник, а не как представитель либо агент принципала[227]. Тем самым подтверждается автономность гарантийного обязательства по отношению к первоначальному обязательству, что предполагает его исполнение по первому требованию бенефициара независимо от возможных возражений со стороны клиента-принципала.

3. Гарантийное обязательство банка носит окончательный и завершенный характер. Принятое гарантом обязательство перед бенефициаром реализуется в автоматическом режиме и предоставляет последнему возможность получить сумму гарантии по первому обращению. В связи с этим в сирийской научной литературе нередко используется обозначение банковской гарантии как гарантии по первому требованию (الضمان لأول طَلب – الكفالة غُب الطلب)[228]. Вместе с тем на практике действие данного механизма обусловлено моментом, когда бенефициар был уведомлен о наличии гарантии и выразил согласие принять ее, не заявив отказа. До наступления этого момента банк сохраняет за собой право отозвать выданную гарантию либо внести в нее изменения.

Так, в правоприменительной практике как Сирии, так и Российской Федерации утвердился подход, согласно которому последующее изменение условий основного договора, в обеспечение исполнения которого была выдана

---

[226] См.: Мухаммад С. А., Ал-Тас Х. Указ. соч. С. 14.

[227] См.: Постановление Сирийского кассационного суда № 645 от 12.04.2008 // Журнал «Юристы» / Сирийская коллегия адвокатов. Дамаск, 2008. Вып. 8. С. 56.

[228] См.: Аль-Нувайри М. Гарантия по первому требованию // Журнал Riyada. 2009. № 9. С. 5.

гарантия, не отражается на пределах ответственности гаранта (банка). В одном из дел, прошедших рассмотрение в судах нескольких инстанций, строительная компания, выступавшая бенефициаром, обратилась с иском к банку-гаранту о взыскании суммы по банковской гарантии. Возражая против заявленных требований, банк указывал, что после выдачи гарантии без его согласия были изменены условия основного обязательства, а именно увеличены объем и стоимость работ по обеспеченному договору подряда. Указанные изменения подтверждались дополнительными соглашениями, заключенными между бенефициаром и принципалом. По мнению гаранта, такие обстоятельства повлекли увеличение степени риска наступления гарантийного случая и, следовательно, изменение объема его ответственности, что, как он считал, должно было привести к прекращению гарантийного обязательства. Данная позиция не была поддержана судами, которые исходили из того, что в тексте гарантии была четко определена конкретная денежная сумма, подлежащая выплате бенефициару (абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ), и заявленный размер требований не превышал установленный предел ответственности гаранта.

Гарантийное обязательство, принимаемое на себя гарантом в отношении бенефициара, функционирует автономно и не обусловлено судьбой основного обязательства. В силу этого, оспаривая предъявленное требование о выплате по гарантии, гарант лишен возможности ссылаться на обстоятельства, которые прямо не зафиксированы в ее тексте. В рассматриваемой ситуации последующее изменение обеспечиваемого обязательства не повлекло корректировки объема ответственности гаранта перед бенефициаром. В ином судебном споре, определяя пределы ответственности гаранта, суды проанализировали условия гарантии, в которых был установлен механизм расчета ее максимального размера (абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ), а именно 10 % от стоимости договора поставки. При этом было установлено, что в тексте гарантии отсутствовали положения, допускающие увеличение суммы гарантии при наступлении каких-либо дополнительных обстоятельств (абз. 10 п. 4 ст. 368 ГК РФ). В результате последующая корректировка условий поставки, приведшая к росту цены товара, не повлияла на

объем гарантийного обязательства: гарант, как и ранее, отвечал исключительно в пределах 10 процентов от первоначальной цены основного договора (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Таким образом, в данном случае наглядно проявилась автономность независимой гарантии по отношению к возможной изменчивости стоимости основного договорного обязательства.

В то же время вопросы независимости всегда доминировали в политико-правовой теории. В условиях глобализации стремление к полной (политической, экономической, информационной) независимости оценивается как регресс и самоизоляция, которые жестко лимитируют потенциал развития, тогда как модернизационные процессы в рамках перехода к информационному обществу ускоряются на основе взаимозависимостей. В связи с этим при безусловном соблюдении суверенитета отношение к абсолютной независимости в современном мире и современной политико-правовой теории быстро меняется не в пользу отказа от нее, а в пользу признания относительности. Независимость всегда относительна, будучи таким же «фундаментальным явлением, как и взаимозависимость»[229].

Наряду с категорией свободы играя особую, центральную роль в теории прав человека, суверенитета, независимость в то же время не может быть абсолютна. Она всегда сосуществует и взаимодействует с зависимостью, что образует разнообразные связи, обеспечивая помимо прочего их устойчивость. Рассматриваемые понятие противоположны, но сосуществуют в диалектическом единстве[230].

Проявление этого основополагающего философского закона характерно не только для указанных понятий. Так, нормативность и казуальность права, на которых ниже мы подробно остановимся, рассуждая о казуальности гарантийных отношений, – это, по сути, юридическое проявление закономерности и случайности. Как независимость и связанность, так и нормативность и

---

[229] Берг А. И., Ляпунов А. А. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1968. С. 10.

[230] См.: Баранов В. М., Першин В. Б., Баранова М. В. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании // Философия права. 2007. № 3 (22). С. 8.

казуальность, являясь свойствами права, будучи противоположностями, тем не менее не существуют обособленно, друг без друга, как не существуют друг без друга закономерность и случайность, взаимно обусловливая свое бытие. Таким образом, юридический казус предполагает наличие нормы, которая, в свою очередь, предполагает юридический казус [231] . Ни одно из этих явлений не существует независимо, само по себе.

Абсолютная автономность как таковая трудно поддается познанию, поскольку лишена возможности сопоставления и анализа во взаимодействии с иными явлениями. В этом контексте механизмы обеспечения исполнения обязательств функционируют в реальной экономико-правовой среде как сложные системы, основанные на устойчивых и воспроизводимых связях между их элементами. Закрепленный в международных унифицированных актах принцип независимости гарантии нуждается в имплементации и на уровне национального законодательства. Однако, несмотря на широкое и активное использование независимой (банковской) гарантии как в национальном, так и, особенно, в международном коммерческом обороте, во многих правопорядках она по-прежнему не имеет развернутого и специализированного нормативного регулирования. В этих условиях банковские учреждения государств Ближнего Востока, включая Сирию, на практике нередко опираются на прямые отсылки в тексте гарантий к правилам Международной торговой палаты, закрепляющим принцип независимости и иные ключевые характеристики банковской гарантии.

Иными словами, с учетом существенных различий в национальном регулировании института независимой (банковской) гарантии в различных правопорядках, надлежащая защита интересов кредиторов предполагает необходимость использования максимально точных, ясных и однозначных формулировок в условиях договоров о предоставлении гарантий, заключаемых с банковскими учреждениями. Эта потребность объективно ведет к усилению роли унифицированных международных стандартов (URDG 758) и типовых форм

[231] См.: Вележев С. И. Нормативность и казуальность права (теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 153.

гарантий. Их имплементация в национальные режимы позволяет обеспечить единообразие документарной проверки и предсказуемость оснований отказа/приостановления платежа, а также сократить пространство для злоупотреблений при реализации принципа независимости.

В зарубежных правопорядках, включая Сирию и большинство арабских государств, принцип автономности гарантии напрямую увязывается с порядком осуществления платежа. В тех случаях, когда выплата производится по гарантии по первому требованию, она носит безусловный характер и не ставится в зависимость от каких-либо дополнительных обстоятельств. При этом после осуществления платежа банк приобретает право на немедленное возмещение выплаченной суммы со стороны принципала (account party). По своей правовой природе такие гарантии по первому требованию не тождественны ни классическому поручительству, ни акцессорной форме гарантии. Напротив, в ситуациях, когда выплата по гарантии осуществляется в принудительном порядке на основании судебного решения, в котором устанавливается факт нарушения договорных обязательств, принцип независимости фактически утрачивает свое значение и не реализуется в полном объеме.

Первоначально судебная практика Иордании следовала установкам национального законодателя, не проводя разграничения между независимой банковской гарантией и поручительством. Однако по мере развития банковского сектора и усложнения финансового оборота иорданские суды эволюционировали в сторону признания самостоятельного института независимой банковской гарантии, утвердив принцип ее автономности в качестве ключевой отличительной характеристики. Данный подход нашел отражение в ряде судебных актов, в частности в решении Апелляционного суда № 482/1992 от 14 апреля 1992 г., в котором было указано, что банковская практика выработала специальные требования, подлежащие соблюдению при выдаче банковских (независимых) гарантий. К числу таких требований суд отнес, во-первых, отсутствие правовой зависимости гарантийного обязательства банка от обеспечиваемого им обязательства клиента по основному договору; во-вторых, самодостаточный

характер гарантии, при котором исполнение обязательств по ней не обусловлено какими-либо внешними факторами; в-третьих, возникновение обязательств из независимой гарантии непосредственно с момента ее выдачи.

Анализируя указанное судебное решение, можно сделать вывод о том, что Апелляционный Суд раскрыл содержание понятия независимой (банковской) гарантии посредством систематизации ее ключевых элементов, условий и юридически значимых признаков, среди которых определяющее значение было придано принципу автономности банковской гарантии по отношению к основному договорному обязательству[232].

Со своей стороны Кассационный Суд Египта в постановлении от 12 апреля 1982 г. разъяснил, что автономность обязательства банка в конструкции независимой банковской гарантии означает следующее: выдавая такую гарантию, банк не принимает на себя обязанность обеспечивать или подтверждать надлежащее исполнение клиентом его договорных обязательств перед кредитором, а формирует самостоятельное гарантийное обязательство, обособленное от судьбы основного долга[233].

Вместе с тем указанный принцип получил отражение и в правоприменительной практике Алжира, что нашло выражение в постановлении Верховного суда Алжира от 7 августа 2010 г. В рамках данного решения высшая судебная инстанция провела четкое разграничение между международной банковской гарантией и личной гарантией. Было указано, что банковская гарантия, выдаваемая в сфере международных банковских операций, подпадает под регулирование норм международного частного права и не может отождествляться с личной гарантией, которая регулируется положениями национального гражданского законодательства. Кроме того, Верховный суд Алжира особо отметил, что независимая (банковская) гарантия подлежит исполнению по первому

---

[232] См.: Иорданский судебный журнал. 1999. Вып. 4. С. 199.

[233] См.: Аль-Джарба Маан. Правовая природа независимых гарантий и гарантийных аккредитивов согласно Конвенции ООН и правил Международной торговой палаты. Каир, 2014. С. 129.

требованию бенефициара и ее реализация не может быть приостановлена ни в силу каких-либо внешних факторов, ни по причинам, связанным с исполнением или нарушением основного договора[234].

Доктринальное осмысление принципа автономности независимой гарантии в российском праве опирается на сложившуюся национальную цивилистическую традицию исследования банковской гарантии, для которой нехарактерны интенсивная полемика и многообразие конкурирующих концепций. Доминирующая на сегодняшний день позиция была ранее сформулирована М. И. Брагинским и В. В. Витрянским и сводится к тому, что отказ гаранта в удовлетворении требования бенефициара допустим исключительно по основаниям, непосредственно вытекающим из содержания самой гарантии, но не из обеспечиваемого ею основного обязательства. Ключевая идея заключается в том, что обязательство гаранта, зафиксированное в тексте гарантии, не носит производного характера по отношению к базовому обязательству принципала. Данный вывод, по мнению указанных авторов, не опровергается тем обстоятельством, что бенефициар вправе указать в своем требовании факт нарушения принципалом основного договора: подобное указание рассматривается ими как формально-процедурный элемент, относящийся скорее к техническому оформлению письменного требования, чем к содержательной стороне правоотношений, существующих между гарантом и бенефициаром на момент предъявления требования[235].

Логика, лежащая в основе принципа автономности банковской гарантии по отношению к обеспечиваемому ею обязательству, заключается в том, что наличие пороков либо неисполнение основного договора не влечет автоматической утраты юридической силы выданной гарантии. Именно в этом выражается сущность принципа независимости гарантии, который получил устойчивое подтверждение в судебной практике.

---

[234] См.: Решение Верховного Суда Алжира от 08.07.2010 г., Торгово-морская палата, дело № 627056 // Вестник Верховного Суда Алжира. 2012. № 1. С. 251.

[235] См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 478–479.

Верховный Суд Российской Федерации, систематизируя соответствующую правоприменительную практику, пришел к однозначному выводу о том, что гарантийное обязательство, возникающее между гарантом и бенефициаром, существует автономно и не обусловлено судьбой основного обязательства, исполнение которого обеспечивается гарантией, даже если такое обязательство прямо указано в ее тексте. В частности, в одном из дел бенефициар обратился к гаранту с требованием о выплате по гарантии, обосновывая его неисполнением соответствующих договорных обязанностей. Предметом спора стал авансовый платеж, ранее перечисленный в рамках государственного контракта дирекцией строительства, выступавшей заказчиком. Отказывая в удовлетворении требования на досудебной стадии, гарант сослался на условия государственного контракта, предусматривавшие выплату лишь одного аванса, который, по его утверждению, был полностью освоен подрядчиком. Тем самым гарант фактически поставил вопрос в плоскость оценки исполнения основного договорного обязательства.

Первоначально заявленные бенефициаром требования были удовлетворены судом, поскольку как само обращение о платеже, так и приложенный к нему комплект документов полностью соответствовали формальным условиям, установленным текстом гарантии. В связи с этим у суда отсутствовали предусмотренные законом основания для отказа в осуществлении выплаты. Однако при последующем рассмотрении дела в апелляционной и кассационной инстанциях судебный акт первой инстанции был отменен, а в иске отказано. При этом вышестоящие суды приняли во внимание двусторонний акт сверки взаимных расчетов, в соответствии с которым дирекция строительства зачла ранее перечисленный аванс в счет оплаты фактически выполненных подрядчиком работ, а также учли положения договора подряда, предусматривавшие лишь однократное авансирование подрядчика. Доводы дирекции строительства о том, что по результатам указанного акта сверки образовалось сальдо в пользу заказчика, были отклонены судами, поскольку перечисление второго и последующих авансов осуществлялось заказчиком на собственный риск и не было предусмотрено условиями договора подряда.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, не разделив выводы судов апелляционной и кассационной инстанций, отменила принятые ими судебные акты и восстановила действие решения суда первой инстанции.

Судебная коллегия подчеркнула, что гарант лишен возможности противопоставлять требованию о выплате по гарантии возражения, основанные на содержании или исполнении основного обязательства, на что прямо указывают положения п. 1 ст. 370 ГК РФ. При этом Коллегия исходила из того, что автономность независимой гарантии обеспечивается, во-первых, существованием специальных и одновременно исчерпывающих оснований для отказа в удовлетворении требования бенефициара, которые не связаны с главным обязательством (п. 1 ст. 376 ГК РФ), и, во-вторых, отсутствием у гаранта права уклониться от выплаты после истечения установленного законом срока приостановления платежа (п. 5 ст. 376 ГК РФ). Вместе с тем в подобных спорах допустимо определенное ограничение действия принципа независимости гарантии в ситуациях очевидного злоупотребления бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты. Речь идет о случаях, когда совокупность обстоятельств дела свидетельствует о том, что бенефициар, уже получивший надлежащее исполнение по основному обязательству, действует недобросовестно, преследуя цель необоснованного обогащения за счет гаранта. В таких ситуациях требования бенефициара не подлежат судебной защите в силу п. 2 ст. 10 ГК РФ.

Возвращаясь к анализу рассмотренного спора, следует отметить, что доводы, приведенные банком относительно порядка предоставления авансов и их последующего зачета подрядчиком, по своей сути касались исключительно оценки исполнения основного договорного обязательства. Такие обстоятельства сами по себе не подлежат учету при разрешении требований о взыскании суммы по банковской гарантии. Кроме того, в данном деле поведение бенефициара не давало оснований для вывода о наличии у него намерения действовать недобросовестно

либо стремиться к необоснованному обогащению за счет реализации гарантийного обязательства[236].

Гарантийные правоотношения, возникающие в связи с авансовыми платежами, отличаются повышенной сложностью при их практическом применении. В одном из споров гарант, отказывая бенефициару в выплате по гарантии, обосновывал свою позицию тем, что срок исполнения обеспеченного гарантией обязательства принципала по возврату аванса еще не наступил, поскольку аванс был перечислен в соответствии с условиями договора поставки, а бенефициар не уведомил принципала о своем одностороннем отказе от исполнения основного договора. Проанализировав обстоятельства дела, суд округа не выявил в действиях бенефициара очевидных признаков злоупотребления субъективным правом. Материалы дела не подтверждали, что бенефициар действовал недобросовестно или преследовал цель необоснованного обогащения, требуя выплаты по гарантии после своевременного получения товара надлежащего качества и при отсутствии претензий к поставщику[237].

Общетеоретическое положение об относительности любой формы независимости следует распространить и на принцип независимости независимой гарантии банка, которая в ряде случаев также относительна, хотя целью законодателя было придать ей максимально более независимый характер.

Л. Г. Ефимова обращает внимание на неоднородность судебных подходов: в ряде дел бенефициар, уже получивший от принципала исполнение (полностью

---

[236] См.: П. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2025 № 18-КГ24-346-К4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025)

[237] См.: П. 15 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2024 № 306-ЭС24-1144 по делу № А65-19059/2022 [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

либо частично), все равно заявляет требование к гаранту о выплате всей суммы по гарантии, ссылаясь на ее независимый характер. В отдельных судебных актах, в том числе за 2012–2014 гг., такие требования признавались обоснованными и удовлетворялись[238]. Из подобной практики следует, что суды иногда допускают взыскание гарантийной суммы в полном размере без представления детального расчета, подтверждающего размер подлежащих покрытию потерь; одновременно сохраняется возможность предъявления к принципалу договорной неустойки по основному контракту.

Суды исходили из того, что даже наличие договорной неустойки (в том числе подлежащей снижению по ст. 333 ГК РФ) само по себе не влияет на объем обязанностей банка-гаранта по независимой гарантии и не служит основанием для уменьшения подлежащей выплате суммы.

Тем самым в практике первой половины 2010-х гг. закреплялся подход, при котором получение бенефициаром исполнения от принципала (пусть и частичного) и одновременное взыскание по гарантии, а также параллельное взыскание неустойки, не квалифицировались ни как неосновательное обогащение, ни как «удвоение» ответственности за одно нарушение. Между тем такая логика представляется следствием спорного толкования правовой природы обеспечительных инструментов. Корректнее исходить из того, что независимая гарантия и неустойка выполняют сходную обеспечительную функцию и должны работать как альтернативные, а не кумулятивные механизмы, кредитор вправе компенсировать последствия нарушения, но без получения двойного удовлетворения за счет одновременного применения нескольких обеспечительных способов.

Обращаясь к сирийской правовой системе, в качестве вывода можно отметить, что в сирийской судебной практике сложилось два принципа, на которых основана банковская гарантия.

Во-первых, обязательство гаранта произвести платеж в соответствии с

[238] См.: Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии. С. 10.

гарантией не зависит от основного договора. Это означает, что ответ на вопрос, должен ли гарант платить, определяется исключительно со ссылкой на саму гарантию (а не так же, как в поручительстве), т. е. действует принцип независимости. В отношении этого принципа существует одно устоявшееся исключение, а именно недобросовестные действия со стороны бенефициара. Очевидно, когда мы говорим о недобросовестных действиях со стороны бенефициара как об исключении из принципа независимости, то принципал должен представить доказательства, подтверждающие факт недобросовестности бенефициара, а также продемонстрировать правовые последствия этого факта. Например, в случае подделки документов необходимо предоставить доказательство того, что документы не являются подлинными. Получается, что бремя доказывания лежит на принципале, а не на бенефициаре.

Второй характерный момент состоит в том, что право бенефициара на удовлетворение требования по гарантии реализуется лишь при соблюдении предусмотренной ею процедуры и документарных условий, гарант производит платеж не «по обстоятельствам» основного договора, а при надлежащем представлении документов и выполнении формальных требований, прямо закрепленных в тексте гарантии.

Одновременно французская судебная практика выработала ряд корректировок, ограничивающих абсолютность принципа независимости и направленных на смягчение его жестких последствий. В частности, если клиент представляет бесспорные доказательства недействительности (либо аннулирования) основного договора, суд может допустить приостановление действия гарантийного механизма, включая применение принципа независимости. Кроме того, уступка прав по гарантии рассматривается как функционально привязанная к конкретному обеспечиваемому договору: такие права не могут быть «перенесены» для обеспечения иного договора, даже если он заключен теми же участниками (подход персонализации – personnaliser)[239].

[239] См.: Errera J.-M., Jiménez Ch. Le pilotage Bancaire et Contrôle Interne. Paris : Ed. Eska, 1999. P. 54–55.

Безусловное и формально-буквальное применение принципа независимости гарантии приводило бы к тому, что требования бенефициара удовлетворялись бы даже при фактическом исполнении обеспеченного обязательства. Это, в свою очередь, запускало бы цепочку последующих споров: гарант, исполнив выплату, предъявлял бы регрессные требования к принципалу на основании договора о выдаче гарантии, а принципал затем оспаривал бы полученное бенефициаром как неосновательное обогащение. Такая «многоступенчатая» модель разрешения конфликтов неизбежно увеличивала бы число процессов и транзакционные издержки, осложняя и замедляя гражданский оборот. Более простым и рациональным представляется ситуация, когда принципал, выступающий по обеспечиваемому договору в роли должника, полностью либо надлежаще не исполнил принятое на себя обязательство, но, признав это, возместил бы бенефициару (кредитору) его убытки. В данном случае выплаты гаранта, который опирается лишь на сообщенный бенефициаром факт неисполнения обязательства, фактически образуют неосновательное обогащение бенефициара, который получит 100 % «прибыли» за неисполненное обязательство. Приведенная ситуация схожа с той, что изложена в п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ 1998 г.[240]

Вопросы возмещения денежных сумм, уплаченных гарантом бенефициару по независимой гарантии, т. е. реализация порядка, предусмотренного ст. 379 ГК РФ, неоднократно поднимались в судебной практике. Верховный Суд РФ не квалифицирует данное возмещение как неосновательное обогащение, если гарант выплатил суммы по гарантии в точном соответствии с ее условиями. Так, в прошедшем несколько судебных инстанций деле федеральное агентство (бенефициар) предъявило банку (гаранту) требование о платеже по банковской гарантии, ввиду того что строительная компания (принципал) ненадлежаще исполнила свои обязательства по обеспечиваемому гарантией договору подряда.

---

[240] См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

Выплатив бенефициару предусмотренную гарантией сумму, банк реализовал свое право, предусмотренное соглашением о выдаче гарантии между банком и принципалом, и в безакцептном порядке списал со счета последнего средства, равные произведенной выплате. Принципал подал иск о взыскании с банка указанной суммы, считая произошедшее неосновательным обогащением. Удовлетворяя иск, суд первой инстанции мотивировал это тем, что банк привлекался к участию в судебном споре бенефициара и принципала, касающемся отношений подряда. Поэтому гарант, имея документы о ходе исполнения основного договора, мог, соотнеся сальдо взаимных обязательств, определить, что у принципала нет задолженности по данному договору, вследствие чего он не должен был исполнять необоснованное требование бенефициара.

В апелляции это решение было отменено и в удовлетворении иска было отказано. Позиция суда второй инстанции базировалась на выявлении сути независимой гарантии, т. е. предоставлении бенефициару возможности за счет гаранта получить полное и быстрое материальное удовлетворение, избежав возражений принципала по исполнению основного обязательства. Суд апелляционной инстанции счел, что банк правомерно ограничился проверкой формального соответствия требования бенефициара о выплате по условиям банковской гарантии. В обязанности банка не входит проверка расчетов по основному договору, пусть бы банк был о них уведомлен и получил доступ к соответствующим цифрам. Последующее за этим списание банком со счета принципала в сумме гарантии базируется на договоре банка и принципала и соответствует ст. 379 ГК РФ.

В данном случае проверка требования бенефициара на соответствие условиям договора подряда, предпринятая судом первой инстанции, явно выходит за рамки независимой природы гарантии (п. 1 ст. 370 ГК РФ). Изучив обстоятельства исполнения основного договора и приняв здесь точку зрения принципала об отсутствии его долга, суд первой инстанции вышел за пределы своих полномочий в данном деле, разрешив спор бенефициара и принципала об

исполнении подрядной сделки. Этот спор, если бы он был инициирован, рассматривался бы в рамках другого дела.

Таким образом, сумма, возмещенная банком за счет принципала, не может быть признана неосновательным обогащением, как оно определено в ст. 1102 ГК РФ, поскольку она получена гарантом по имеющемуся основанию, которым следует считать соглашение о выдаче банковской гарантии[241]. Неакцессорность гарантии по отношению к обеспечиваемому и иным связанным обязательствам означает, что бенефициар вправе обратиться к гаранту с требованием о выплате при соблюдении условий гарантии даже тогда, когда базовая сделка признана недействительной либо прекратилась, а предусмотренное ею исполнение фактически не получено. Функциональное назначение гарантии как обеспечительного инструмента состоит в том, чтобы обеспечить кредитору оперативное и максимально полное имущественное возмещение потерь, вызванных неисполнением (или ненадлежащим исполнением) основного обязательства. В то же время независимость гарантии не может оправдывать извлечение выгоды в виде удвоения исполнения, если бенефициару возмещены убытки по основному обязательству, пусть и в другой, возможно неденежной, форме.

В ситуации, когда основное обязательство не исполнено и должника нельзя по каким-то причинам принудить к этому, возникает вопрос о формировании обязательства возмещения убытков. Таким образом, в случае исчерпывающего возмещения должником причиненных им убытков основное обязательство прекращает существование, хотя формально оно может быть и не исполнено в натуральном, оговоренном в исходном обязательстве виде. Гарантия здесь уже не играет свою обеспечительную роль. Также о необоснованности следует вести речь

---

[241] См.: П. 12 Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 № 47-КГ24-3-К6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

в ситуации, когда принципал (должник) в рамках обеспечиваемого договора, не исполнив основное обязательство, оплатил кредитору неустойку (в данном случае не столь важно, по закону либо по договору) или же возместил какую-то часть убытков. В данном случае объем выплат по независимой гарантии следует суммировать с указанными уже произведенными платежами, что в совокупности даст превышение убытков бенефициара. Таким образом, взыскание всей суммы по независимой гарантии следует признать необоснованным.

Практика применения независимой гарантии показывает необходимость уточнения содержания принципа ее автономности как особого способа обеспечения, отличного от акцессорных конструкций. В частности, независимость гарантии следует понимать как отсутствие юридической обусловленности между судьбой обеспечиваемого обязательства и обязанностью гаранта, признание основного обязательства недействительным либо его прекращение само по себе не влечет ни недействительности, ни прекращения обязательства, возникшего из независимой гарантии. Л. Г. Ефимова ставит вопрос о «причинах независимости банковской гарантии от обеспечиваемого обязательства»[242], что представляется не вполне корректным или неточно выраженным, так как независимость не может иметь причин, а лишь юридические и, возможно, фактические, основания.

Рассмотрим вопрос об абстрактном/каузальном характере сделки по предоставлению независимой гарантии, целью которой следует считать планируемый сторонами правовой результат. В рамках такого рода сделок их цели, как правило, ясно прослеживаются по согласованной и зафиксированной в договоре воле сторон. Абстрактная сделка не дает возможность определить цель по ее реквизитам. Иной случай – независимая гарантия, чья цель прослеживается в выраженной и закрепленной воле сторон, а также в п. 1 ст. 368 ГК РФ. Это обеспечение исполнения обязательств принципала. В связи с этим независимую гарантию следует признать каузальной сделкой, где под каузой следует понимать основную причину, движущую волю на заключение сделки. То, что в абстрактных

[242] Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии. С. 11.

сделках нет возможности установить основание, лишь подтверждает то, что специфическая правовая причина сделок не считается их существенным признаком[243].

В доктрине каузальных обязательств наряду с субъектами, объектом и содержанием обычно выделяют еще и основание (каузу) как юридически значимую цель/причину возникновения обязательства. Если такая кауза отсутствует, отпадает либо признается порочной, обязательство утрачивает правовую опору.

Применительно к независимой (банковской) гарантии важно развести два уровня отношений. Само гарантийное обязательство возникает между гарантом и бенефициаром и оформляется как самостоятельная обязанность гаранта произвести платеж при наступлении условий, указанных в гарантии. Экономическая «причина» участия гаранта – вознаграждение (либо иное покрытие), предоставляемое принципалом на основании отдельного договора о выдаче гарантии. Однако эта кауза относится к отношениям «принципал – гарант» и не входит в состав правоотношения «гарант – бенефициар», поскольку его участники иные.

Отсюда следует, что отсутствие встречного предоставления со стороны бенефициара не влияет на существование и исполнимость обязательства гаранта: гарантийный платеж подлежит совершению независимо от того, получал ли гарант какое-либо предоставление от бенефициара. В этом смысле обязательство из независимой гарантии характеризуется как абстрактное, тогда как договор о выдаче гарантии между принципалом и гарантом носит возмездный (каузальный) характер: уплата (или обеспеченное обещание уплаты) вознаграждения выступает встречным предоставлением, обусловливающим выдачу гарантии, и исключает ее понимание как безвозмездного «содействия» участникам основной сделки.

В отношении основного договора независимая гарантия выступает не самостоятельным источником встречного предоставления, а обеспечительным

---

[243] См.: Осипян Б. А. Контракт как добровольный, свободный и ответственный совместный путь договаривающихся сторон, ведущий к реализации идеи права // Гражданское право. 2011. № 3. С. 37.

инструментом, позволяющим кредитору получить денежное удовлетворение при наступлении предусмотренных в гарантии условий. При этом в рамках обеспечиваемого обязательства у бенефициара отсутствует обязанность предоставлять что-либо гаранту, гарант не является стороной основного договора и не вступает в него ни при заключении, ни при исполнении. Субъектный состав обеспечительного отношения (гарант – бенефициар) отличается от состава основного обязательства (должник – кредитор), что и предопределяет автономность обязанности гаранта: она существует обособленно и направлена на обеспечение исполнения, но не сливается с основным долгом.

Обязательство гаранта перед бенефициаром возникает с момента передачи гарантийного документа (или иного надлежащего доведения гарантии до сведения бенефициара), в котором закреплены условия платежа. Внешне такой документ может напоминать оборотный титул на требование к гаранту, что иногда порождает ассоциации с ценными бумагами. Однако подобная трактовка носит исключительно доктринальный характер и не опирается на действующее регулирование: независимая гарантия не относится к ценным бумагам и не образует самостоятельного «бумажного» права в смысле законодательства о ценных бумагах, хотя отдельные элементы ее режима могут быть сопоставимы с механизмами предъявительских инструментов.

Ни сирийское торговое законодательство (ст. 407 ТК САР), ни российский правопорядок не квалифицируют независимую гарантию как оборотоспособный документ, относимый к ценным бумагам. Напротив, российский законодатель исходит из общего запрета на уступку прав по гарантии, передача возможна лишь при наличии прямого разрешения в тексте самой гарантии (ст. 372 ГК РФ). Кроме того, механизм индоссамента в принципе не применим к независимой гарантии, поскольку уступка требования посредством индоссамента допускается только в отношении ордерных ценных бумаг (п. 3 ст. 146 и п. 3 ст. 389 ГК РФ). Сходный вывод следует и из положений сирийского Торгового кодекса (ст. 408 ТК САР), закрепляющих соответствующие правила оборота ценных бумаг, но не распространяющих их на независимую гарантию.

В целом даже широкое толкование действующего гражданского законодательства в РФ не позволяет считать независимую гарантию ценной либо квазиценной бумагой[244].

Здесь обратим внимание на корректировки законодательства в части уточнения независимости банковской гарантии от основного обязательства. Так, в прежней редакции п. 1 ст. 369 ГК РФ для тогда еще чисто банковской гарантии делался акцент на ее функции обеспечения, тогда как в ст. 370 ГК РФ прямо указано на независимость гарантийного обязательства от основного обязательства, пусть даже текст гарантии отсылает к данному обязательству. Что касается судебной практики, то здесь обратим внимание на п. 5 цитируемого выше Информационного письма ВАС РФ № 27, где указано, что гарант исполняет свое обязательство перед бенефициаром по его требованию, не ожидая предварительного выяснения ситуации с принципалом об исполнении основного обязательства.

Кроме того, независимость гарантии от основного обязательства усматривается и при рассмотрении положений п. 2 ст. 376 ГК РФ. Здесь, в соответствии с принципами добросовестности и разумности поведения участников гражданско-правовых отношений, гарант, узнав о том, что основное обязательство, которое он гарантировал, как-то исполнено, недействительно или прекращено, должен предварить удовлетворение требования бенефициара информированием его и принципала об известном ему состоянии исполнения этого основного обязательства. Если после указанного уведомления гарант все же получит повторное требование бенефициара, он обязан его удовлетворить. По сути, вопрос стоит о добросовестном характере поведения бенефициара. В этом смысле ВАС РФ с конца 1990-х гг. стоял на позиции выявления в таких случаях злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) со стороны бенефициара, когда есть тому доказательства в виде прекращения (исполнения) главного обязательства[245].

---

[244] См.: Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии. С. 15.

[245] См.: Курбанов К. Указ. соч. С. 183.

По **итогам второй главы**, посвященной независимой гарантии как способу обеспечения исполнения обязательств по законодательству России и Сирии, можно сделать следующие выводы:

1. Независимая гарантия в российском и сирийском правопорядках выступает персональным (личным) способом обеспечения исполнения обязательств, при котором бенефициар получает самостоятельное денежное требование к гаранту, а возмездность обеспечивается преимущественно в отношениях принципала и гаранта (вознаграждение / покрытие / возмещение расходов).

2. Критерием разграничения независимой (банковской) гарантии и поручительства является характер связи с основным обязательством.

Независимая гарантия – не акцессорное обязательство, обязанность гаранта перед бенефициаром не зависит от действительности, изменения или прекращения обеспечиваемого обязательства и от отношений принципала с гарантом (ст. 370 ГК РФ). Поручительство – акцессорное обязательство, объем и судьба ответственности поручителя следуют судьбе основного обязательства (п. 2 ст. 363 ГК РФ). При этом независимая (банковская) гарантия может обеспечивать несколько взаимосвязанных обязательств/требований в пределах оговоренной суммы, что соответствует ее природе лимитированного обеспечительного платежа.

3. Сравнительный анализ правовой природы показал, что юридическая квалификация независимой (банковской) гарантии как сделки допускает плюралистический подход, в зависимости от закона и условий сторон она может оформляться как односторонняя сделка (общее правило в РФ) либо как договор (при обусловливании вступления в силу акцептом бенефициара либо в силу особенностей сирийской модели). Различие РФ и САР касается прежде всего роли и формы акцепта (техники заключения обеспечительной сделки), а не сущности способа обеспечения.

4. Принцип независимости в российском праве носит ограничительный характер, он исключает возражения гаранта, опирающиеся на основное обязательство и внутренние отношения с принципалом, но не устраняет

документарные и процедурные основания отказа/приостановления. В целях правовой определенности обоснована ориентация на императивную документарную модель: обязанность гаранта возникает только при представлении документов, прямо названных в гарантии и соответствующих ее условиям; проверка носит формальный характер; стороны не должны расширять основания отказа сверх закона. В доктринальном плане допустимо использовать термин «неакцессорная гарантия» как более точный.

5. В сирийской практике независимость банковской гарантии реализуется преимущественно через документарные условия и применение стандартов ICC/URDG, при отсутствии единого кодифицированного перечня оснований отказа / приостановления платежа. Указанное подтверждает необходимость кодификационного усиления процедурных правил и оснований отказа по образцу более определенной российской модели.

6. Неакцессорность банковской гарантии от основного обязательства носит односторонний характер, прекращение/изменение/недействительность основного обязательства само по себе не влияет на обязанность гаранта при соблюдении условий гарантии, однако выплата по гарантии прекращает основное обязательство в соответствующей части (в России – как исполнение, в том числе третьим лицом; в САР – по прямому указанию закона).

7. В механизме реализации гарантии следует различать:

– недобросовестное предъявление требования (мошенничество/ злоупотребление правом) – допускает отказ/приостановление при наличии бесспорных доказательств;

– необоснованность требования при формальном документарном соответствии – гарант платит, сохраняя принцип независимости, а затем возможна ответственность бенефициара (убытки / неосновательное обогащение) при установлении отсутствия материально-правовых оснований получения суммы. Аналогичная логика действует и в сирийской практике (URDG / судебное толкование) с исключением по типу fraud exception.

8. Предел ответственности гаранта суммой гарантии относится к основному

обеспечительному долгу (обязанности выплатить гарантийную сумму), но не распространяется на ответственность гаранта за собственное ненадлежащее исполнение (включая просрочку или неправомерный отказ). Иное толкование противоречит запрету предварительно ограничивать ответственность за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ). В САР при отсутствии специальной нормы вопрос решается на основе общих положений ответственности и банковских обычаев ICC/URDG.

9. Для повышения правовой определенности и снижения злоупотреблений в РФ и САР целесообразны имплементация международных подходов, документарная модель URDG 758, узкое унифицированное исключение fraud exception, стандартизация типовых форм гарантий; для исламских банков – шариат-совместимая модель с разграничением кафалы и независимой гарантии и ограничением вознаграждения рамками фактических административных расходов без элементов риба.

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В СИСТЕМЕ ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ

3.1. Условия независимой гарантии

В российской гражданско-правовой литературе преобладает в целом позитивная оценка реформы независимой гарантии, в том числе закрепления ее условий, что, по мнению большинства авторов, было направлено на стабильность отношений в рамках рассматриваемого субинститута. В то же время признается и необходимость дальнейшего совершенствования новых норм из-за рассогласованности законодательных норм и их судебного толкования. Так, в числе актуальных, но нерешенных называется проблема правовых последствий отсутствия в тексте гарантии условий, приведенных в п. 4 ст. 368 ГК РФ[246]. По сути, речь идет о «существенности» условий, которые указаны в п. 4 ст. 368 ГК РФ, где они таковыми не названы. Часть авторов признают их «существенными»[247], так же их нередко именуют и в судебной практике[248]. В то же время им присваивают и «упрощенное» значение «обязательных реквизитов»[249].

Российская гражданско-правовая доктрина акцентирует внимание на точности обозначения основных позиций, указываемых в независимой гарантии. В этом смысле предлагается использовать для обозначения наиболее важных условий традиционное прилагательное «существенные», заимствованное из договорного права (п. 1 ст. 432 ГК РФ). В данном случае односторонность сделки по

---

[246] См.: Яковлева Д. В. Актуальные проблемы определения существенных условий независимой гарантии в гражданском законодательстве // Теория и практика современной юридической науки : материалы VII всероссийской научно-практической конференции. М., 2020. С. 338.

[247] Челышева Н. Ю. Указ. соч. С. 25.

[248] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.03.2018 № Ф08-1431/2018 по делу № А20-960/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2024 № 11-КГ24-2-К6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

[249] Гринь О. С. Основные новеллы гражданского законодательства о поручительстве и независимой гарантии // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 41.

предоставлению независимой гарантии не помешает использованию терминологии договоров (в части их условий)[250].

Такой подход сформировался с конца 1990-х гг. в судебной практике. В частности, в п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 1998 г. № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии» срок гарантии обозначен как «существенное условие гарантийного обязательства». Там же Президиум ВАС РФ указал на то, что при отсутствии такого условия гарантийное обязательство необходимо полагать невозникавшим (ст. 432 ГК РФ)[251].

Рассматривая существенные условия независимой гарантии, следует обратить внимание на отражение в ней субъектного состава отношений по предоставлению и исполнению. Из понятия независимой гарантии (ст. 368 ГК РФ) следует указание на участников основного и обеспечительного обязательств. Таким образом, существенные условия независимой гарантии перечислены в п. 4 ст. 368 ГК РФ: дата выдачи; принципал; бенефициар; гарант; основное обязательство, исполнение по которому гарантия обеспечивает; сумма, подлежащая выплате, либо порядок ее определения; срок действия гарантии; обстоятельства, наступление которых влечет за собой выплату по гарантии[252].

Отсутствие в тексте независимой гарантии одного из условий, перечисленных в п. 4 ст. 368 ГК РФ, повышает риск признания гарантии дефектной и создает основания для спора о ее действительности; вместе с тем оценка последствий такого дефекта зависит от возможности идентифицировать субъектов, сумму/лимит и обеспечиваемое обязательство, а также от подхода судебной практики, которая в ряде случаев исходит из приоритета сохранения юридической

---

[250] См.: Поваров Ю. С. Существенные и иные условия банковской (независимой) гарантии // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 1. С. 13.

[251] Указанная статья в данном случае может быть применима в порядке аналогии закона, так как она касается договоров, а не независимых гарантий, которые договорами не являются.

[252] См.: Матюшкин О. В. Понятие и условия независимой гарантии / О. В. Матюшкин // Актуальные проблемы российского частного права : материалы III Международной науч.-практ. конф. Саратов, 2018. С. 92.

силы гарантии при устранимости неопределенности. Наличие в самой гарантии ссылки на договор, который порождает обеспечиваемое обязательство, необходимо для исполнения требования об указании основного обязательства. В то же время следует обратить внимание на п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий», где внимание судов было обращено на то, что в ходе разрешения дел об оспаривании банковских гарантий следует принимать во внимание, что в соответствии с ГК РФ предусмотренное гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не образует зависимости в отношениях между ними от основного обязательства, которое она обеспечивает. Это положение действует и в том случае, когда в самой гарантии есть ссылка на данное обязательство (ст. 370 ГК РФ). С учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума ВАС РФ, при рассмотрении споров судам следует исходить из того, что неполнота описания обеспечиваемого обязательства в тексте гарантии сама по себе не является достаточным основанием для признания гарантии недействительной или ее оспаривания.

Указание обеспечиваемого обязательства является достаточным, когда гарантия содержит данные, позволяющие идентифицировать основное правоотношение: реквизиты (или иные указания) базового договора, сведения о лице, обязанном по этому договору, и параметр платежа (сумму либо порядок / предел ее определения); при необходимости в гарантии может быть уточнено, какого рода обязательство обеспечивается.

В сирийской литературе основные требования к гарантии относятся к сторонам и содержанию гарантии. В соответствии с различными типами и характеристиками независимой гарантии каждая такая гарантия может иметь разные условия, соответствующие тому или иному типу гарантии. Однако все гарантии независимо от их типа должны содержать следующий минимум информации: наименование бенефициара; наименование гаранта; наименование принципала; цель гарантии и ее условия; дата вступления в силу; дата начала ответственности гаранта; срок действия гарантии; максимальная гарантированная

сумма; любые положения о сокращении срока гарантии; порядок предъявления требования об оплате; документы, подтверждающие требование оплаты. Здесь можно сказать, что цель определения вышеупомянутых пунктов – избежать любых проблем, которые могут возникнуть между сторонами гарантии в будущем.

Что касается сторон гарантии, то, согласно позиции сирийских ученых, в гарантии обычно есть три стороны, но гарантия может иметь и четыре стороны (косвенная гарантия):

1) *принципал* («Applicant», «Principle», «Account Party», «العميل المكفول») – это сторона, которая обязана выполнить обязательство, указанное в основном договоре, например, подрядчик, поставщик или экспортер;

2) *бенефициар* («Beneficiary», «المُستفيد») – контрагент принципала по основному договору (кредитор), принимающий гарантию и обладающий правом обращения к гаранту с требованием о выплате по ней;

3) *гарант («Guarantor», «الكفيل , ضَّامن») – субъект, предоставляющий независимую гарантию в пользу бенефициара по заявлению принципала;*

4) *инструктирующая сторона* («Instructing Party», المُراسل). Как правило, инструктирующая сторона задействуется в независимой гарантии, если принципал и бенефициар находятся в разных странах. С точки зрения бенефициара, по возможности следует избегать местной (внутригосударственной) гарантии, поскольку трудно будет контролировать необоснованные претензии, подлежащие оплате за границей.

В ситуации, когда бенефициар настаивает на получении независимой гарантии от банка, обслуживающего его в собственной юрисдикции, а принципал не является клиентом данного банка, выдача гарантии обычно осуществляется через банк принципала. Принципал поручает своему банку инициировать выпуск гарантии у банка бенефициара (как правило, находящегося в стране бенефициара) [253] . При этом банк принципала, выступая инструктирующей стороной, направляет банку бенефициара соответствующие инструкции и

[253] См.: See article 2 of the ICC Uniform Rules for Demand Guarantees // ICC Publication. No 758.

предоставляет в его пользу контргарантию; вознаграждение за совершение указанных действий уплачивается принципалом[254].

Подробнее охарактеризуем отдельные условия независимой гарантии.

В целом совокупность условий, к которым в соответствии с ГК РФ относятся: принципал; гарант; главное обязательство; сумма к выплате либо порядок ее определения; срок действия гарантии, а также обстоятельства, наступление которых влечет выплату, – как отмечает Д. В. Яковлева, могут рассматриваться «в качестве существенных условий», что, по осторожной оценке цитируемого автора, «не вызывает противоречий с доктриной или практикой»[255]. Действительно, судебная практика (российская и сирийская), как будет показано ниже, либеральна в отношении обязательности упоминания в независимой гарантии некоторых существенных условий. Это касается упоминания бенефициара, точной суммы и др.

Реформирование института независимой гарантии в России не исчерпало дискуссии об обязательности закрепления в тексте гарантии ряда положений, которые могут быть признаны существенными условиями. Это, например, основное (обеспечиваемое) обязательство[256]. Дело в том, что акцессорный характер гарантии с учетом независимости гарантии от основного обязательства все-таки предполагает отражение в ней таких положений. В то же время точное указание ст. 370 ГК РФ на то, что обязательство гаранта перед бенефициаром независимо от основного обязательства, пусть на него и сделана ссылка гарантии, может стать поводом для ее оспаривания, пусть и по формальным основаниям.

Мы исходим из необходимости не просто указания в гарантии основного (обеспечиваемого) ею обязательства, а его идентификации путем приведения его ключевых характеристик. Заключая договор, стороны достигают соглашения по совокупности его существенных условий, к которым договорное право (п. 1 ст. 432

---

[254] См.: Kelly-Louw M. Op. cit.

[255] Яковлева Д. В. Указ. соч. С. 339.

[256] Так, в договоре залога обязательны условия о размере и сроке исполнения основного обязательства, которое может быть указано упрощенно, со ссылкой на соответствующий договор (ст. 339 ГК РФ).

ГК РФ) относит предмет; условия, следующие из закона; условия, согласованные по заявлению одной из сторон. Также при фиксации основного обязательства для выдачи независимой гарантии важно отразить предмет договора как обязательное условие всякого договора. ГК САР и ГК РФ не содержат обязательного списка реквизитов договора. Как правило, по обычаям делового оборота к нему относятся дата заключения, указание сторон, иная информация, дающая возможность их идентификации. В целом с целью отражения основного обязательства в тексте гарантии в качестве обязательных следует определить предмет и дату договора, а также идентификацию его сторон.

Реформа института независимой (банковской) гарантии 2015 г. в России закрепила постепенно складывавшуюся до этого судебную практику, в которой был реализован гибкий подход. В его рамках положения об основном (обеспечиваемом) обязательстве должны присутствовать в тексте гарантии. В литературе это обосновывалось международной практикой и тем, что упоминание основного соглашения требуется для отражения юридической природы независимой гарантии прежде всего как средства обеспечения исполнения основного обязательства[257].

В правоприменении отсутствие в тексте гарантии полного набора условий обеспечиваемого обязательства само по себе не рассматривается как основание для признания гарантии оспоримой. Для идентификации обеспечиваемого отношения достаточно, чтобы из гарантии вытекали: субъект, являющийся должником по основному обязательству, предел (размер) подлежащего выплате обеспечения и ссылка на договор (или иной юридический источник), из которого возникло

[257] См.: Ерпылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 44.

обязательство принципала перед бенефициаром, либо иное указание, позволяющее определить характер обеспечиваемого обязательства[258].

ГК РФ (ст. 368, 377–378) и ГК САР (ст. 745) предписывают обязательность указания в гарантии суммы, на которую она выдана, так как смысл гарантии состоит в определенном возмещении. В то же время полезным и придающим гибкости представляется новый, дополнительный вариант, «страхующий» на случай отсутствия такого точного указания. Это указание в тексте гарантии порядка определения данной суммы. В данном случае текст гарантии должен давать возможность определить сумму выплаты на момент исполнения гарантийного обязательства (когда она точно не указана).

Следует отметить, что в ГК САР (ст. 746) указано, что гарантированная сумма (сумма гарантии) не может быть больше, чем задолженность принципала, и наоборот, может быть меньше. Это сделано, чтобы защитить принципала от злоупотреблений со стороны бенефициара. Также существенным представляется наличие положения о том, как гарант удовлетворит требования бенефициара. Речь идет о формализованном порядке (механизме), который составляет основу условий гарантии (ст. 368 ГК РФ и ст. 749, 753, 754, 755 ГК САР), включая расширенное понимание прав и обязанностей гаранта и механизм оплаты (п. 2 ст. 375, п. 1 ст. 376, п. 2 ст. 379 ГК РФ).

Ранее, до 2016 г., в ГК РФ отсутствовала их детализация. Сегодня в число существенных условий гарантии (пусть они так прямо и не обозначены) включены обстоятельства, наступление которых влечет исполнения гарантом своих обязательств по выплате. То же относится и к обстоятельствам, с наступлением которых производится гарантийная выплата. Такие обстоятельства следует причислить к существенным условиям гарантии, ибо без их точного и ясного

---

[258] См.: П. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2024 № 305-ЭС23-19797 по делу № А40-301246/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

указания бенефициар не будет иметь правового основания требовать и получить причитающееся ему от гаранта возмещение. Риски отсутствия четких формулировок условий выплаты по гарантии ложатся и на принципала, которому гарант будет предъявлять регресс[259]. Н. В. Остроумов критически подходит к устоявшейся и типичной формулировке «ненадлежащее исполнение». В данном случае, действительно, вероятнее всего потребуется уточнение, какие из обязательств не исполнил принципал по основному соглашению[260]. В связи с этим, исходя из типичности договорных ситуаций и их нарушений, целесообразно в гарантии систематизировать применимые к данному случаю виды ненадлежащего исполнения обязательств по основному договору. Точность указания условий, при наступлении которых следует гарантийная выплата, будет способствовать минимизации спорных ситуаций.

В ранее действовавшей редакции ГК РФ (до 2016 г.) содержалось положение об указании в гарантии документов, которые должны были быть приложены к требованию бенефициара о выплате (п. 1 ст. 374 ГК РФ). Данное условие имело отношение к процедуре реализации права бенефициара на выплату от гаранта и его можно не считать существенным, так как базовым основанием является требование бенефициара. Именно поэтому в ходе реформирования института независимой гарантии данное условие было исключено, что соответствует и международной практике, пусть она и противоречива[261]. Напротив, это условие еще существует в Сирии и большинстве арабских стран.

Что касается срока действия гарантии (см. п. 2 ст. 374, п. 1 ст. 376, подп. 2 п. 1 ст. 378 ГК РФ), то он отнесен к числу существенных условий во многом потому, что так к моменту внесения изменений в ГК РФ в 2016 г. сложилась

---

[259] См.: Останина Е. А. О независимости гарантии и требовании принципала к бенефициару // Закон. 2016. № 3. С. 17.

[260] См.: Остроумов Н. В. Указ. соч. С. 571.

[261] Требования к документам, которые должны быть указаны в платежных гарантиях по Унифицированным правилам ICC для платежных гарантий 1992 г. (№ 458), неоднозначны. Есть гарантии, оплачиваемые лишь по письменному требованию. Они не требуют заявления о неисполнении обязательств, как и иного требования. В то же время применяются и гарантии, для реализации которых требуется решение суда или арбитража.

судебная практика. В частности, Президиум ВАС РФ прямо указывал на то, что без указания срока, на который выдана гарантия, соответствующие отношения не возникают (п. 2 Обзора № 27).

В современной практике данный подход представляется не вполне целесообразным, если принимать во внимание диспозитивность гражданского законодательства. В этом направлении развивается международная практика[262]. В российском праве допускается определять срок действия независимой гарантии таким образом, чтобы момент прекращения обязательства мог быть установлен однозначно (п. 4 ст. 368 ГК РФ). Сходный подход используется и в международных правилах ICC (URDG), предусматривающих возможность определения прекращения гарантии по дате либо по событию истечения срока. Такое положение представляется более гибким и снимающим многие спорные моменты вместо «жесткой» привязки к фиксированному сроку действия гарантии.

Независимая гарантия носит документальный характер, поскольку банк (гарант) интересуется условиями, указанными в гарантии, особенно размером и продолжительностью обязанности по уплате. Поэтому в международной практике согласно UCP 600, ISP 98 и URDG 758 в гарантии должна быть указана дата истечения срока ее действия (в широком смысле), а представление требования бенефициара должно быть сделано не позднее даты истечения срока действия. Следовательно, дата истечения срока в соответствии с UCP 600, ISP 98 и URDG 758 означает период обязательства банка (гаранта)[263].

Из текстов вышеуказанных Правил следует, что в документах, выпущенных в соответствии с такими Правилами, должна быть указана дата истечения срока действия гарантии. Это означает, что гарантия действует до конца этой даты. Более того, согласно URDG 758 и UCP 600 срок действия – это самая поздняя дата для

---

[262] Имеются в виду URDG 458 – Унифицированные правила ICC для гарантий по требованию 2010 г. (публикация МТП J№ 758), по которым срок не признается существенным условием гарантии, он может быть и не указан. В этом случае гарантия перестает действовать через три года с момента выдачи.

[263] См.: Affaki G., Goode R. Op. cit.

представления документов с требованием бенефициара. Тогда по истечении срока действия гарантии бенефициар не имеет права требовать платежа по ней.

При этом URDG 758 предусматривают «резервное» правило на случай отсутствия в тексте гарантии указания на дату окончания ее действия либо на событие, с наступлением которого гарантия прекращается: в такой ситуации гарантия считается прекратившейся по истечении трех лет со дня выдачи. Для контргарантии установлен иной ориентир – она прекращается через 30 календарных дней после прекращения соответствующей гарантии (ст. 25 URDG 758).

Более того, в ст. 14 URDG 758 указывается, что бенефициар должен представить документы не позднее даты истечения срока действия. На основе ст. 2, 14 и 25 можно сказать, что URDG 758 разработаны, чтобы избежать открытой гарантии. Открытая гарантия – это банковская гарантия, в которой не указывается дата истечения срока или событие истечения срока.

Ст. 781 ГК САР предусматривает условие, согласно которому в гарантии должен быть указан срок действия основного договора, который создает обязательство гаранта. В Гражданском кодексе САР нет правила, определяющего дату истечения срока или окончания гарантийного периода. Тем не менее на практике сирийские банки всегда ведут переговоры об указании даты истечения срока действия банковской гарантии, поскольку банк пытается ограничить период своей ответственности. Если нарушение со стороны принципала наступит уже после окончания срока действия гарантии, у банка отсутствуют основания для выплаты и требование бенефициара будет отклонено. Напротив, когда факт неисполнения происходил в пределах периода действия гарантии, обязательство банка сохраняется: оно подлежит исполнению даже при том, что обращение бенефициара с требованием последовало после истечения срока гарантии.

Кроме того, банк практически указывает положение, согласно которому бенефициар должен требовать платежа в течение определенного срока после даты истечения срока, например: «Настоящая гарантия действительна с ... и будет действовать до тех пор, пока ... (далее именуемая «дата истечения срока») и при

условии, что требование будет подано и получено банком не позднее одного месяца со дня истечения срока действия гарантии. После этого ответственность банка по настоящему соглашению автоматически прекращается и данная гарантия становится недействительной»[264]. Однако Кассационный Суд САР постановил, что условие, в котором банк установил срок представления требования об уплате, показывает, что банк пытался сократить срок давности из-за запрета ст. 193/105 Гражданского кодекса САР [265] . Например, такой подход прослеживается в постановлениях Кассационного Суда САР № 16947/2557 и № 2208/2558.

Согласно Постановлению Кассационного Суда САР № 16947/2557 от 13.02.2008, положение гарантии о том, что бенефициар должен представить требование об уплате в течение пятнадцати дней, не является условием, ограничивающим обязательства гаранта, или условием, предусматривающим, что бенефициар должен выполнить в первую очередь. Тем не менее оно определяет продолжительность действий бенефициара для реализации своего права и имеет характеристики и определение давности требования. Срок давности требования по банковской гарантии – десять лет. Любым сторонам не разрешается приостанавливать, продлевать или сокращать этот срок. Следовательно, положение гарантии, предусматривающее сокращение срока действия для бенефициара (короче, чем срок давности права требования по банковской гарантии), противоречит закону и не имеет правовой силы.

Как следует из Постановления Кассационного Суда САР № 2208/2558 от 02.04.2010, текст банковской гарантии гласит, что требование об оплате должно предъявляться в течение пятнадцати дней после истечения срока действия банковской гарантии. Если это происходит позднее, чем через пятнадцать дней, банк больше не несет ответственности или обязательств по банковской гарантии. В соответствии с Гражданским кодексом САР, если срок действия гарантии

---

[264] Форма банковской гарантии/ Банк «Syria and Overseas» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bso.com.sy/ar/About_ar.html (дата обращения: 15.06.2025).

[265] См.: Ст. 193/11 Гражданского кодекса Сирии «Сроки давности, установленные законом, не могут быть продлены или сокращены».

конкретно не указан, срок давности будет составлять десять лет. Любым сторонам не разрешается приостанавливать, продлевать или сокращать этот срок. Следовательно, приведенное положение банковской гарантии рассматривается как сокращение срока давности.

С другой стороны, Кассационный Суд САР также постановил, что банк имеет право указать в гарантии положение о сроке предъявления требования, что не будет рассматриваться как сокращение срока давности в соответствии со ст. 193/11 ГК САР (постановления Кассационного Суда САР № 6622/2546 и № 3739/2551). Согласно Постановлению Кассационного Суда САР № 6622/2546, ограничение гарантийных обязательств и банковская гарантия распространяются только на гаранта. Толкование гарантии должно строго следовать этому правилу. Условие гарантии о том, что бенефициар должен потребовать платеж в течение пятнадцати дней, отличается от срока давности. Бенефициар сможет реализовать право требования, если и только если он заранее соблюдает условия банковской гарантии.

Согласно Постановлению Кассационного Суда САР № 3739/2551, бенефициар может воспользоваться правом требования, как указано в банковской гарантии, только когда он заранее соблюдает условия банковской гарантии (подает требование об оплате в течение пятнадцати дней). В рассматриваемом случае бенефициар не предъявил требования в течение пятнадцати дней, поэтому у банка нет никаких обязательств перед бенефициаром. Несмотря на противоречия в сирийских судебных решениях, можно сказать, что, согласно последним двум решениям, если банк имеет право указать срок требования в банковской гарантии, банк заранее будет знать период своего риска и сможет подготовить средства, которые могут быть востребованы бенефициаром. Более того, бенефициар должен своевременно потребовать предъявления претензии.

По нашему мнению, независимая (банковская) гарантия должна содержать условие о сроке действия гарантии, поскольку оно важно для всех сторон. Для банка это означает период, в течение которого у него есть возможные обязательства, и он должен создавать резерв денежных средств для их выполнения. Для бенефициара он означает период, в течение которого бенефициар может

воспользоваться банковской гарантией. Для принципала это означает период, в течение которого он должен оплачивать банковские комиссии за выдачу гарантии.

Если нарушение обеспеченного обязательства произошло в пределах срока действия банковской гарантии, но окончательный размер потерь подлежит определению уже после истечения этого срока, то обязанность гаранта по выплате по гарантии сохраняется. В одном из дел предметом спора стал вопрос, допустимо ли требовать от бенефициара дополнительные документы либо соблюдение формальностей, не предусмотренных текстом гарантии. Гарант отказал в платеже, сославшись на то, что к требованию была приложена копия платежного поручения об авансе, не удостоверенная самим гарантом. Суд кассационной инстанции отметил, что проверка гарантом осуществляется в пределах формальной (внешней) оценки документов по п. 3 ст. 375 ГК РФ, представленное платежное поручение по своим реквизитам и содержанию соответствовало условиям гарантии, а требование о его заверении в тексте гарантии отсутствовало. Следовательно, бенефициар выполнил установленный гарантией порядок, и отказ в выплате был неправомерен.

В аналогичном деле, исходя из условий гарантии, принципал должен был представить мотивированный расчет убытков, с которым гарант не согласился ввиду несоответствия требованиям. Суд установил, что в гарантии отсутствовали особые требования к расчету, и счел требование бенефициара законным и соответствующим договору. При этом судом было подтверждено, что соответствующий расчет, связанный с заявленным ненадлежащим исполнением основного обязательства, подготовлен и представлен самим бенефициаром. При этом проверка данного расчета на полноту, корректность и обоснованность фактически означала бы рассмотрение материального спора между принципалом и бенефициаром по основному правоотношению, тогда как гарант при рассмотрении требования ограничен формальной (документарной) проверкой представленных документов по их внешнему соответствию условиям гарантии. Такой порядок

не может влиять на принятие решения о выплате по независимой гарантии[266]. В этом смысле бенефициар обязан предоставить документы, а их конкретный вид должен быть определен гарантией.

Сирийская судебная практика пошла на принятие правил Международной торговой палаты в данном контексте (по основным и дополнительным документам), поэтому большинство сирийских банков, особенно частные, перечисляют эти документы в закрытом списке. Правила МТП определяют, что если бенефициар желает потребовать платеж, то он должен представить только определенные документы. Однако аналогичный процесс в Сирии является существенно более сложным. Помимо предоставления определенного документа бенефициар должен проинформировать банк о том, что принципал не выполнил обязательства по основному договору. Кроме того, банк должен подтвердить, что принципал действительно не выполняет обязательства, как утверждает бенефициар.

В практике применения независимой гарантии спор о ее условиях нередко возникает тогда, когда у гаранта появляются сомнения в допустимости выплаты при представлении не оригинала, а копии гарантийного документа. Так, в одном из дел государственный заказчик, действуя в статусе бенефициара, направил гаранту требование о платеже, приложив копию независимой гарантии. Гарант отказал в исполнении, мотивируя позицию отсутствием оригинала. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали отказ и в иске бенефициара не удовлетворили. Однако Верховный Суд РФ отменил принятые судебные акты, указав, что бенефициар представил предусмотренный законом комплект документов и что действующее регулирование не устанавливает требования о предоставлении именно оригинала гарантии (в том числе в составе документов

[266] См.: Пункт 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2024 № 305-ЭС23-19797 по делу № А40-301246/2022 Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

к требованию). Следовательно, требование бенефициара подлежало удовлетворению [267]. В сфере государственных / муниципальных закупок бенефициар, обращаясь за выплатой, в числе необходимых документов вправе направить лишь копию независимой гарантии.

Длительное время в литературе дискутировался вопрос правомерности предоставления гарантии на более короткий, чем обеспечиваемое обязательство, срок. Очевидно, что данную гарантию (также на это указывал Пленум ВАС РФ, п. 2 Постановления № 14) нельзя считать недействительной по данному основанию, так как она способна обеспечить другие обязательства, потенциально возникающие в рамках отношений принципала и бенефициара в пределах срока исполнения основного обязательства. Сирийский Кассационный Суд в своем решении № 2234 от 2013 г. пришел к такому же выводу. Данное Постановление Суда САР осталось единственным в судебной практике, и этот вопрос в дальнейшем больше не обсуждался.

В ходе реформирования института независимой гарантии в РФ были расширены диспозитивные нормы ГК РФ. Так, независимая гарантия может содержать условие об изменении в любую сторону ее суммы в случае наступления оговоренного срока либо события (п. 4 ст. 368 ГК РФ). Также бенефициар теперь вправе предъявлять к зачету требование, уступленное гаранту принципалом (п. 3 ст. 370 ГК РФ). Гарант получил право отозвать либо изменить выданную гарантию или ее форму в пределах, установленных законом (ст. 371 ГК РФ). Также предусмотрена возможность (если текст гарантии позволяет) передачи бенефициаром права требования к гаранту без его согласия (п. 2 ст. 372). В целом сделанные в 2016 г. уточнения дали возможность предотвращать ранее возникавшие на практике проблемы. В общей сложности для гражданско-

[267] См.: П. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.07.2025 № Ф10-989/2025 по делу № А84-130/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

правового подхода характерно, что регулирование существенных условий гарантии реализуется через разрешение пересмотра диспозитивных положений ГК РФ. Так, «факультативно» в тексте независимой гарантии дозволяется предусмотреть право гаранта на отзыв гарантии. Если в тексте гарантии прямо допускаются ее отзыв или корректировка, соответствующие действия должны совершаться с соблюдением той же формы, в которой гарантия была выдана, если сама гарантия не устанавливает иной порядок. Реализация такого полномочия предполагает согласованное волеизъявление гаранта и бенефициара; с момента получения гарантом согласия бенефициара гарантийное обязательство считается прекращенным либо измененным. При этом изменение условий уже выданной гарантии не влияет на права и обязанности принципала, пока он явно не выразит согласие с соответствующими изменениями[268].

Также в плане диспозитивности следует отметить, что бенефициар вправе передать свое право требования к гаранту иному лицу в «обход» общего правила невозможности передачи прав по гарантии (ст. 372 ГК РФ). Бенефициар может передать свои права по предоставленной ему гарантии иному лицу, лишь когда этому же лицу уступлены права и по основному обязательству. При этом необходимо согласие гаранта (п. 2 ст. 372 ГК РФ)[269]. По сирийскому гражданскому кодексу (ст. 303 ГК САР) бенефициар тоже может передать свои права по предоставленной ему гарантии иному лицу. Здесь сирийский ГК – в отличие от российского – требует согласия гаранта или просто получения уведомления от бенефициара о передаче (ст. 372 ГК САР).

Обратим внимание на то, что ГК РФ и ГК САР не исчерпывается регулирование условий гарантии. Соответствующие нормы имеются и в других актах. В частности, в Сирии это нормы Закона № 51 от 24.11.2004 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

---

[268] См.: Новикова А. Д. К вопросу о форме и существенных условиях независимой гарантии // Научный поиск. 2017. № 1.2. С. 31.

[269] См.: Поваров Ю. С. Существенные и иные условия банковской (независимой) гарантии. С. 13.

нужд». Эти условия касаются в первую очередь предоставления отчета о выполнении основного договора. В России это Дополнительные требования к гарантии, применимые для достижения целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005. Документ предусматривает присутствие в банковской (наименование не изменено на независимую) гарантии некоторых положений и запретов, в частности включение в текст гарантии требования о предоставлении гаранту отчета об исполнении основного договора (контракта).

Также в РФ в указанном Законе не допускается указание в гарантии на представление бенефициарами не предусмотренных Законом «Об акционерных обществах» документов (гл. XI.I). Также в корпоративном законодательстве не дозволяется определять срок продолжительности гарантии меньший, чем шесть месяцев с момента окончания приведенного в предложении срока оплаты покупаемых ценных бумаг.

3.2. Правоотношения между принципалом и бенефициаром

Договорное обязательство по своей природе предполагает наличие как минимум двух участников – лица, управомоченного требовать исполнения, и лица, обязанного его предоставить. В литературе (в том числе сирийской и зарубежной) встречается подход, согласно которому независимая гарантия рассматривается как соглашение, возникающее между гарантом и бенефициаром. Вместе с тем гарантийная конструкция не исчерпывается указанной парой субъектов, ей предшествует и сопутствует договорное взаимодействие гаранта с принципалом по поводу выдачи гарантии, а также сохраняется базовое правоотношение между

принципалом и бенефициаром, из которого вытекает обеспечиваемое (основное) обязательство[270].

С учетом самого названия правового института независимой гарантии основным субъектом следует признавать гаранта, однако с экономических позиций таким главным действующим лицом в системе экономико-правовых отношений в рассматриваемой сфере следует признать бенефициара, так как, договариваясь с принципалом, именно он требует гарантий обеспечения и инициирует предоставление независимой гарантии. Стремясь к надежности гарантии, бенефициар тщательно оценивает и отбирает гаранта, формулирует требования к гарантии. Именно бенефициару закон предоставляет выбор реализации его права, равно как и если такое требование неосновательно, бенефициар принимает на себя все риски и ответственность. В период зарождения современного российского института банковской гарантии договоры принципала и бенефициара нередко включали формулировку: «Принципал предоставляет банковскую гарантию в обеспечение своей обязанности...», – что на практике означало заботу принципала о выдаче гарантии гарантом. Это вытекало из положений ст. 368 ГК РФ, в соответствии с которой банковская гарантия выдавалась по инициативе (просьбе) принципала[271].

Договариваясь об обеспечении основного обязательства, стороны приходят к консенсусу о самом гаранте и о существенных условиях гарантии, которые принципал передает гаранту, чтобы включить в текст гарантии[272].

При этом, когда возникновение либо исполнение основного обязательства производно от наличия гарантии, необходимо точно знать момент возникновения обеспечения. Традиционно основное обязательство принято считать обеспеченным с момента выдачи (передачи) гарантии гарантом, если иное не предусмотрено ее условиями (ст. 373 ГК РФ); в сирийском праве – с момента, определенного в тексте

---

[270] См.: Мухаммад С. А., Ал-Тас Х. Указ. соч. С. 32.

[271] См.: Олейник О. М. Банковская гарантия и проблемы ее применения // Хозяйство и право. 1996. № 1. С. 61.

[272] См.: Трофимов К. Использование банковских гарантий в международных и отечественных контрактах // Хозяйство и право. 1999. № 11. С. 45.

гарантии либо с момента доведения ее до сведения бенефициара при отсутствии отказа (ст. 741 ГК САР). Несмотря на то что реализация прав по гарантии не привязана к обладанию ею (в виде физического носителя), бенефициар чаще всего предпочитает иметь бумажный подлинник, о котором он вправе договориться с принципалом, считая обеспечение предоставленным с момента получения бенефициаром такого подлинника. По гарантии как таковой права бенефициара возникают в соответствии со ст. 373 ГК РФ и ст. 600 ГК САР.

В отношениях по гарантии положение бенефициара двойственно, так как он участник двух правоотношений, которые фактически тесно связаны, но юридически независимы. Одни и те же фактические обстоятельства могут по-разному «срабатывать» для бенефициара в зависимости от того, в рамках какого правоотношения они оцениваются – в связи с требованием к гаранту либо в споре с принципалом; на это обращалось внимание в российской литературе еще на ранних этапах осмысления банковской гарантии[273]. При этом, если соответствующее условие не оформлено в тексте гарантии как отлагательное, его несоблюдение само по себе не влияет на возникновение и объем обязанности гаранта перед бенефициаром. Соглашение принципала и бенефициара включает точное указание на гарантируемое обязательство, что формирует полную определенность в части того, что гарантия дается бенефициару не вообще в его интересах, а лишь на конкретный случай, если принципал не исполнит взятое на себя точно известное и содержащееся в основном договоре обязательство.

Взаимодействие принципала и бенефициара в рамках конструкции независимой гарантии опосредуется положениями пункта 1 статьи 369 ГК РФ, которые ориентированы на сохранение неакцессорного характера данного обеспечительного обязательства и применяются во взаимосвязи с правилами статьи 370 ГК РФ. Для выяснения сути отношений принципала и бенефициара следует соотнести независимое обеспечение в виде соответствующей гарантии с зависимыми (акцессорными) видами обеспечения, а именно поручительством и

[273] См.: Ефимова Л. Г. Банковская гарантия: понятие и практическая применимость // Хозяйство и право. 1996. № 3. С.16.

залогом. Первое имеет целью обеспечить обязательство, за чем следит поручитель. При этом кредитор не вправе пользоваться поручительством для погашений какого-либо абстрактного долга на свой выбор (п. 1 ст. 363, ст. 364 ГК РФ). Залогодержатель получает право на обращение взыскания на предмет залога лишь при подтвержденном неисполнении обеспеченного обязательства (ст. 348, 349 ГК РФ). Акцессорный характер обеспечения, в свою очередь, обеспечивает его «привязку» к конкретному долгу и препятствует использованию обеспечительных средств вне согласованной цели.

Независимая гарантия неакцессорна. Ее использование, «привязку» к основному договору гарант юридически не контролирует. При этом действия бенефициара могут быть оценены (как и вообще подвергаться анализу) только в рамках его правоотношений с принципалом. Выплата по независимой гарантии производится за счет принципала, которому в отношениях с бенефициаром необходимы правовые средства защиты своих интересов. Их договор об обеспечении исполнения обязанности принципала независимой гарантией обязывает бенефициара законным образом и в оговоренных пределах использовать право, вытекающее из гарантии. В этом смысле в рассматриваемых отношениях ненадлежащее поведение бенефициара, не соответствующее цели использование независимой гарантии следует считать правонарушением, которое должно иметь негативные последствия для бенефициара.

Так, ООО «А» (принципал) и ООО «Ф» (бенефициар) договорились о поставке товаров, обеспечив ее независимой гарантией СКБ банка (гарант), в договоре о которой бенефициар получал право воспользоваться гарантией лишь при предъявлении принципалу претензии о допущенном нарушении. На деле бенефициар ее не предъявил. Формально требование о выплате не противоречило условиям гарантии, поступило в пределах срока, поэтому у гаранта не было причин отказать в удовлетворении, получив соответствующее возмещение от принципала.

В данном случае в рамках отношений с гарантом бенефициар вел себя правомерно, однако в отношениях с принципалом он не выполнил условия. Таким образом, принципал получил право и возможность взыскать убытки и неустойку,

которые были причинены из-за поведения бенефициара, нарушившего условия договора[274].

Обратим внимание на необходимость разграничения двух ситуаций: 1) недобросовестное предъявление требования (мошенничество / злоупотребление правом) и 2) необоснованность требования в материальном смысле при формальном документарном соответствии. В первом случае при наличии бесспорных данных о злоупотреблении правом возможны исключения из принципа независимости: гарант вправе отказать в платеже либо приостановить его для проверки в пределах предусмотренного срока (ст. 376 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 10 ГК РФ). Во втором случае, когда документы формально соответствуют условиям гарантии, но по основному обязательству существует спор, гарант обязан произвести платеж (ст. 375 ГК РФ), а перераспределение рисков переносится на последующую стадию, бенефициар может быть обязан возместить причиненные убытки (в том числе по ст. 375.1 ГК РФ) и вернуть полученное при отсутствии правового основания по правилам о неосновательном обогащении. В сирийской практике применяется сходная логика документарной независимости: банк платит при документарном соответствии и соблюдении условий гарантии (URDG и судебная практика), а последующая необоснованность требования компенсируется по общим нормам гражданско-правовой ответственности и неосновательного обогащения при доказанности соответствующих обстоятельств.

В целом предметом исследования настоящего параграфа является определенный дуализм правового положения бенефициара, в котором, очевидно, нет равновесия прав и обязанностей бенефициара относительно гаранта и относительно принципала. Правоотношение гаранта и принципала никак не связано с основным обязательством. Таким образом, требование по гарантии, при его формальном соответствии, вполне обосновано и правомерно. В то же время в отношениях с принципалом такое же внешне правомерное действие может и не быть таковым.

---

[274] См.: Еремычева И., Ермаков С. Банковская гарантия как способ обеспечения обязательств // Право и экономика. 2003. № 10. С. 56.

Наличие у принципала правовых возможностей для осуществления контроля за использованием бенефициаром независимой гарантии может стать предметом отдельного исследования, выразим лишь основные моменты. Так, при формировании совокупности документов, прилагаемых бенефициаром к требованию по гарантии, принципал имеет возможность соотнести использование гарантии с обстоятельствами, которые непосредственно затрагивали бы основное обязательство.

Речь идет о документах, которые подтверждали бы факты и детали отношений принципала и бенефициара. Чем таких документов больше, тем больше ясность в отношениях и тем меньше вероятность ненадлежащего использования независимой гарантии. Так, в соглашении между принципалом и бенефициаром возможно закрепить претензионную «ступень» как предварительное условие обращения за выплатой по гарантии: бенефициар вправе заявлять требование к гаранту лишь после направления принципалу претензии по основному обязательству. Дополнительно интересы принципала могут быть усилены включением в текст гарантии требования о том, чтобы обращение бенефициара к гаранту сопровождалось документальным подтверждением ранее направленной и полученной принципалом претензии (ст. 759 ГК САР).

Кроме того, в соглашение принципала и бенефициара допустимо включить обязательство последнего в случае прекращения основного обязательства отказаться от прав по независимой гарантии, как это указано в ст. 378 ГК РФ и ст. 745 ГК САР. Прекращение обязательства, следующего из основного договора, включая его исполнение, как таковое не влияет на право бенефициара, базирующееся на независимой гарантии (ст. 379 ГК РФ). В то же время, следуя договору, заключенному с принципалом, бенефициар не использует имеющееся у него право из независимой гарантии, когда прекратится основное обязательство. Отсюда следует, что обеспечительная функция независимой гарантии реализуется в рамках отношений «бенефициар – принципал», а не «бенефициар – гарант»[275].

[275] См.: Рассказова Н. Ю. Указ. соч. С. 105.

Прекращение (исполнение) основного обязательства прямо никак не влияет на независимую гарантию, тогда как ее исполнение в соответствующей части прекращает основное обязательство (ст. 322 ГК САР). Таким образом, денежные средства, выданные гарантом, имеют определенное назначение – исполнить главное обязательство. Отсюда – исправный платеж по гарантии влечет за собой прекращение основного обязательства.

Указанное соотношение позволяет обосновать вывод об «односторонней» неакцессорности банковской гарантии, т. е. судьба основного обязательства не предопределяет судьбу гарантии, однако исполнение гарантии влияет на основное обязательство. В российском праве выплата по независимой (банковской) гарантии прекращает основное обязательство в соответствующей части как исполнение, в том числе исполнение третьим лицом (ст. 313, 408 ГК РФ). В сирийском праве такой эффект прямо закреплен законодателем (ст. 322 ГК САР), что подчеркивает функциональную направленность гарантийного платежа на погашение долга принципала перед бенефициаром.

Если после исполнения независимой гарантии выясняется, что у бенефициара отсутствовали материально-правовые основания требовать соответствующее удовлетворение по обеспеченному обязательству, возникает риск неосновательного обогащения. Типовая ситуация выглядит так, что бенефициар получает выплату от гаранта, затем гарант реализует регресс и компенсирует понесенные расходы за счет принципала, однако впоследствии суд устанавливает, что по основному обязательству бенефициар не имел права на получение спорной суммы. В этих условиях принципал вправе требовать возврата полученного бенефициаром по правилам о неосновательном обогащении, включая применение ст. 1107 ГК РФ (кондикционное требование).

Таким образом, следует констатировать дуализм положения бенефициара, который, имея независимое от главного обязательства право из независимой гарантии, все-таки гарантирует бенефициару получение лишь того, что причитается ему по данному обязательству. Данная зависимость прослеживается лишь в его отношениях с принципалом. В российской судебной практике

возможны ситуации, когда бенефициар и принципал оказываются заинтересованными или даже взаимосвязанными лицами, что дает повод гаранту сомневаться в правомерности выплаты по гарантии.

В конкретном деле, рассмотренном в нескольких инстанциях, заимодавец заключил с заемщиком договор займа. Для обеспечения исполнения обязательства гарант предоставил свою независимую гарантию. Заем не был возвращен, бенефициар потребовал от гаранта выплату, но получил отказ со ссылкой на то, что менеджеры гаранта, действуя недобросовестно, заключили сделку, преследуя цель извлечения личной выгоды. Суть недобросовестности состояла в принятии решения о предоставлении гарантии в обеспечение исполнения обязательства подконтрольного им Общества. Суд первой инстанции удовлетворил иск о взыскании по гарантии. Решение не устояло в апелляционной инстанции, которая сослалась на то, что лицо, действующее от имени юридического лица, обязано действовать разумно и добросовестно (п. 1, 2 ст. 53.1. ГК РФ), однако в данном случае лица, ответственные за сделку, имели личную заинтересованность. Также суд первой инстанции упустил, что независимая гарантия была предоставлена безвозмездно, что очевидно противоречит назначению предпринимательства (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Суд апелляционной инстанции указал на то, что бенефициар был в курсе того, что менеджеры на самом деле обеспечили гарантией личный корыстный интерес, действуя вопреки интересам гаранта. В результате, ссылаясь на п. 4 ст. 1 ГК РФ, суд указал на то, что иск бенефициара не подлежат удовлетворению[276]. На основе вышесказанного лишь добросовестный бенефициар может настаивать на выплате.

[276] См.: П. 8 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.07.2025 № Ф10-1185/2025 по делу № А14-15284/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

3.3. Правоотношения между принципалом и гарантом

В контексте исследования отношений между принципалом и гарантом сирийские авторы исследуют два типа гарантий.

Прямая гарантия (Direct Guarantee – الكفالة المُباشرة)

Как упоминалось выше, трехсторонняя гарантия обычно называется прямой гарантией, потому что банк принципала (заявителя) прямо выдает гарантию.

Например, компания A находится в Сирии и заключила договор купли-продажи товаров с компанией B, которая находится в другой стране. В одном из условий контракта между компаниями A и B указано, что компания A должна предоставить банковскую гарантию для обеспечения исполнения обязательств перед компанией B. Следовательно, компания A (заявитель-принципал) просит банк G (гарант), которым является Сирийский банк, предоставить гарантию в пользу компании B (бенефициара). Банк G не обязан выполнять эту инструкцию, если он не дал на это согласия, и ему потребуется зарезервировать средства или создать другие условия для покрытия своих предполагаемых обязательств по гарантии.

В гарантии будут указаны стороны, основной договор, период действия гарантии, сумма или максимальная сумма гарантии и документы, которые должна представить компания B, когда предъявит требование по гарантии. Гарантия может быть предоставлена банком G прямо компании B или через банк-корреспондент банка G. Когда компания B сочтет, что компания A нарушила основной договор, она будет предъявлять требование о выплате по гарантии в банк G. Банк G должен заплатить компании B, а затем потребовать возмещение от компании A в соответствии с договором о выдаче гарантии. Структура правоотношений по прямой гарантии выглядит следующим образом:

1) основной договор между компаниями A и B, который должен быть обеспечен прямой гарантией;

2) заявление и договор о выдаче прямой гарантии – независимое обязательство между компанией A и банком G;

3) гарантия, выданная банком G в пользу компании B.

Согласно этой структуре, если компании A и B находятся в разных странах, банк G может принять решение о том, чтобы банк C выдал уведомление о выдаче гарантии и отправил уведомление компании B через банк C вместо передачи самой гарантии. Банк C может называться авизующим банком (advising bank)[277]. Это не меняет структуру гарантии. Гарантия в описанной ситуации по-прежнему является прямой гарантией, поскольку функция банка C ограничивается только проверкой подписей бенефициара на гарантии и передачей гарантии, выданной банком G компании B. Характерной чертой взаимоотношений между гарантом (банком G) и принципалом (компанией A), клиентом банка, является то, что банк выдает гарантию на риск и за счет принципала (заявителя). Следовательно, необходимо, чтобы банк имел право на возмещение платежа, уплаченного бенефициару, от принципала (заявителя) в соответствии с условиями, указанными в заявлении, которое отделено от договора между принципалом и бенефициаром (основной договор).

Встречная гарантия (контргарантия) (Indirect Guarantee, Counter-Guarantee, الكفالة غير المُباشرة)

Если требуется, чтобы гарантия была оформлена банком, находящимся в государстве бенефициара, а принципал не обслуживается в этом банке, принципал обращается в свой обслуживающий банк с поручением организовать выпуск такой гарантии через кредитную организацию в юрисдикции бенефициара. Иными словами, собственный банк принципала взаимодействует с банком (или иным уполномоченным институтом) в стране бенефициара, который и оформляет гарантию в пользу последнего. Затем банк принципала (заявителя) (инструктирующая сторона) дает инструкции местному банку бенефициара о выдаче гарантии против контргарантии от инструктирующей стороны, которая, в

[277] Это название было первоначально взято от института документарного аккредитива. Авизующий банк (advising bank) – это банк, который по запросу банка-эмитента уведомляет бенефициара о выдаче кредита (в нашей ситуации – «независимая гарантия») и любых изменений в нем.

свою очередь, имеет право на возмещение убытков от принципала (в случае невыполнения первоначального обязательства). В этой ситуации банк бенефициара (контргарант) является эмитентом гарантии и гарантом.

Таким образом, принципал (компания А) принимает меры к тому, чтобы его банк, инструктирующая сторона (ИС-банк) обратился к другому банку (банку G), находящемуся в стране бенефициара (компании В), о выдаче гарантии компании В против встречной гарантии от ИС-банка. Следовательно, в структуре отношений по встречной гарантии существует дополнительный договор между инструктирующей стороной и гарантом, которым является банк в стране бенефициара.

Когда компания В считает, что компания А нарушила основной договор, компания В представляет свое требование по гарантии банку G, который несет ответственность за ее оплату, банк G предъявляет требование ИС-банку по контргарантии. Если все документы надлежащие, ИС-банк должен осуществить выплату. ИС-банк получает возмещение от своего клиента (компании А) в соответствии со встречным возмещением, соглашением о возмещении или заявлением между ними.

В соответствии с условиями любой независимой гарантии в ней должно содержаться наименование принципала (лица, обратившегося за предоставлением независимой гарантии). В то же время в ГК САР и ГК РФ не конкретизирована форма документа, в которой эта просьба выражается. В частности, п. 2 ст. 370 ГК РФ содержит лишь упоминание о соглашении по предоставлению независимой гарантии, его правовая природа и форма не фиксируются. Данный вопрос важен с точки зрения того, что, как установил по материалам судебной практики Л. А. Вахрушев, должник по главному обязательству может не быть принципалом и таким образом не являться стороной соглашения о независимой гарантии[278]. В такой ситуации отсутствие письменного обращения от принципала о выдаче гарантии способно усложнить процесс предъявления гарантом регресса к

[278] См.: Вахрушев Л. А. Указ. соч. С. 16.

принципалу. В этом смысле следует согласиться с предложениями о фиксации письменной формы обращения принципала за гарантией в п. 1 ст. 368 ГК РФ[279].

Отношения гаранта и принципала построены на основе договора, так как перед предоставлением независимой гарантии гарант должен принять соответствующее предложение принципала, надлежаще оформив это. Договорную форму анализируемых отношений гаранта и принципала предписывает и закон (п. 1 ст. 379, п. 2 ст. 369 и ст. 368 ГК РФ). В центре рассматриваемых отношений стоит вопрос возмещения гаранту средств, потраченных им на выплату бенефициару по независимой гарантии. Выплата по независимой (банковской) гарантии, будучи исполнением денежного обязательства гаранта перед бенефициаром, функционально направлена на погашение основного долга принципала и прекращает основное обязательство в соответствующей части: в российском праве – как исполнение, в том числе третьим лицом (ст. 313, 408 ГК РФ), в сирийском праве – в силу прямого указания ст. 322 ГК САР. При этом обратная зависимость отсутствует: прекращение (исполнение / изменение / недействительность) основного обязательства само по себе не прекращает обязательство гаранта по гарантии, если соблюдены ее условия, что и позволяет характеризовать неакцессорность как одностороннюю. В соответствии с п. 1 ст. 379 ГК РФ на принципала возложена обязанность по возмещению гаранту указанных средств, если иное не было предусмотрено в самой гарантии. Гарант не может требовать от принципала возмещения средств, переданных бенефициару помимо условий независимой гарантии либо за нарушение обязательств гаранта перед бенефициаром, кроме ситуаций, когда иное указано в соглашении гаранта и принципала или когда принципал согласен на выплату по гарантии.

Рассмотрим ст. 368 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 369, 370, 373, 379 ГК РФ. Совокупность указанных норм предполагает, что независимая гарантия возникает в процессе сложных отношений и действий. Прежде всего принципал просит гаранта принять обязательство перед бенефициаром, т. е. предоставить свою

[279] См.: Климов И. В. Договорное возмещение потерь по праву Англии и Уэльса и праву России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 27.

независимую гарантию. Затем гарант может согласиться с заявленной просьбой принципала и принять на себя обязательство предоставить независимую гарантию. Далее гарант исполняет взятое на себя в рамках договора с принципалом обязательство, предоставляя гарантию. Все перечисленные действия производны от достигнутых и исполняемых сторонами соглашений. При этом обязанности гаранта в таких соглашениях представляют собой договор (ст. 738 ГК САР, ст. 432 ГК РФ), который порождает соответствующие обязательства – предоставить независимую гарантию в пользу бенефициара. В свою очередь принципал обязывается внести гаранту предусмотренное договором вознаграждение, а также возместить его расходы.

Обратим внимание на инициативу (просьбу, обращение) принципала, которая схожим образом упомянута в ГК РФ в п. 3 ст. 160 как просьба к рукоприкладчику; в п. 2 ст. 350 ГК РФ – как просьба об отсрочке продажи предмета залога с торгов; в п. 2 ст. 869 ГК РФ – как просьба подтвердить безотзывный аккредитив, а также в иных случаях. При этом указание на просьбу всегда значит, что могущие возникнуть правовые последствия возможны лишь при волеизъявлении определенного лица, тогда как значение данного волеизъявления, представляемого как юридический факт, решается по-разному в зависимости от существа отношений. Просьба принципала в то же время означает, что отношения по предоставлению независимой гарантии возникают исключительно по его инициативе, однако правовое значение такой инициативы оценивается для конкретного случая и зависит от договора о предоставлении независимой гарантии[280].

Так как независимая гарантия предоставляется исключительно по обращению принципала, его отношения с гарантом производны от договора между ними и не могут возникнуть в силу закона (ст. 92 и 93 ГК САР). Сопоставим ст. 379 ГК РФ (отношения гаранта и принципала) и ст. 365 ГК РФ (отношения поручителя и должника) по основному обязательству. Такое сопоставление представляется

[280] См.: Ефимова Л. Г. Банковская гарантия: понятие и практическая применимость // Хозяйство и право. 1996. № 3. С.14.

обоснованным, в силу того что отношения первой и второй пар имеют одну природу как отношения между тем, кто оплатил чужой долг, и тем, чей долг оплачен.

Обратим внимание на то, что в ст. 379 ГК РФ присутствует соглашение сторон, тогда как в ст. 365 ГК РФ оно отсутствует. Это объясняется тем, что в первом случае обязательства сторон возникают исключительно из договора, тогда как во втором, кроме договора, также и из самого факта исполнения поручителем обязательства должника. ГК РФ, в отличие от ГК САР, не связывает договор поручительства с инициативой должника, хотя на практике именно так и происходит. Поручитель вправе стать обязанным перед кредитором должника и тогда, когда он об этом с должником не договаривался. Здесь применима ст. 365 ГК РФ, в соответствии с которой возникают обязанности должника перед поручителем[281].

Обратимся к особенностям договора гаранта и принципала. Исполнение обязанности первого состоит в новом обязательстве, где бенефициар выступает кредитором. Обязательства, которые следуют из договора гаранта и принципала, не уникальны, хотя и имеют свои особенности. В частности, можно отметить несколько видов договоров, в которых сторона обязывается вступить в сделку с третьим лицом, например, как в агентском договоре (ст. 665 ГК САР), а также договоре комиссии (ст. 628 ГК САР), договоре лизинга и пр. Договор о предоставлении независимой гарантии составляется в письменной форме (ст. 739 ГК САР), однако, согласно банковскому обычаю, при ее отсутствии факт заключения и наличия условий договора подтверждается допустимыми доказательствами, за исключением свидетельских показаний. Это может быть деловая корреспонденция, которой обменивались стороны, договор кредита принципала и гаранта, где содержалось бы условие использовать сумму кредита, чтобы возместить расходы гаранта по оплате независимой гарантии. Здесь же

[281] См.: Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Независимая гарантия. Правовая природа и гражданско-правовые последствия // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1а. С. 42.

могут быть предоставлены финансовые и бухгалтерские документы. Можно сказать, что такие случаи на сирийском банковском рынке, где письменная форма договора считается наиболее надежным доказательством в судебных спорах, очень редки[282].

Принципал и гарант могут договориться любым законным способом, например, подписать совместный документ, обменяться документами (п. 3 ст. 434 ГК РФ). Также возможно предоставление независимой гарантии в ответ на обращение (оферту) принципала (п. 3 ст. 438 ГК РФ).

Как таковой договор о предоставлении независимой гарантии не был указан в ГК САР и ГК РФ, поэтому к его существенным условиям следует отнести условие о предмете, а также условия[283], соглашение по которым требуется из сути сложившихся отношений (ст. 432 ГК РФ). В любом случае предмет договора – это предоставление гарантом независимой гарантии[284]. В связи с этим важно сослаться на решение Министерства финансов Сирии № 1693 от 12.03.1998 «О типовом договоре о предоставлении банковских гарантий». В п. 22 решения указано, что данный договор не является обязательным и носит рекомендательный характер. Таким образом, мы считаем, что договор о предоставлении банковских гарантий является предметом переговоров между сторонами.

Если в договоре не конкретизировано обеспечиваемое обязательство (в частности, не определено, какую именно обязанность должника предполагается обеспечить), условие о предмете нельзя считать согласованным. Следовательно, для надлежащего оформления договора он должен фиксировать ключевые параметры выдаваемой независимой гарантии, включая размер обеспечительного лимита и период ее действия.

Цена договора в соответствии со ст. 369 ГК РФ выражена в том вознаграждении, которое получает гарант за исполнение своей обязанности. Так

---

[282] См.: Сирийские банки отказываются предоставить какую-либо гарантию до того, как обе стороны подпишут договор о предоставлении гарантии и заверят его у нотариуса.

[283] См.: Аль-Салех В. Сирийское гражданское право. Дамаск : Б. и., 2012. С. 43.

[284] См.: Поваров Ю. С. Волевые основания возникновения обеспечительного обязательства между гарантом и бенефициаром // Вестник арбитражной практики. 2025. № 1. С. 32.

как цена не относится к существенным условиям договора о предоставлении независимой гарантии (ст. 424 ГК РФ, ст. 391 и ст. 392 ГК САР), ее указание не влияет на факт заключения договора, хотя именно на это условие гаранты обращают свое внимание[285].

Срок исполнения договора является типичным условием[286], отсутствие особого упоминания (соглашения) о котором не становится препятствием, так как стороны в этом случае, действуя разумно и добросовестно, исполняют свои обязанности в разумный срок. В гарантийных отношениях участники стремятся к точности указания сроков. В интересах принципала точно указать в тексте договора срок предоставления гарантии, так как, с одной стороны, без предоставления гарантии бенефициар не исполнит основное обязательство, с другой – время действия гарантии добавляет расходов принципалу. Интерес гаранта также состоит в точности указания срока внесения его вознаграждения. Этот вопрос находит отражение в договорах сирийских банков. Гарант принимает на себя обязательство письменно обязаться перед принципалом в форме независимой гарантии, по которой уплатить кредитору принципала (бенефициару) определенную сумму, когда бенефициар письменно представит свое требование об уплате.

Так, в данном соглашении стороны фиксируют не саму независимую гарантию как уже предоставленное обеспечение, а обязательство гаранта перед принципалом выдать (принять на себя) гарантийное обязательство в пользу бенефициара. Возникновение этой обязанности нередко ставится в зависимость от уплаты принципалом вознаграждения. Как правило, договор также включает положения о порядке возмещения гаранту произведенных им расходов, способах обеспечения такого возмещения, а также о пределах и объеме ответственности сторон за нарушение принятых на себя обязанностей.

Обратим внимание на российскую судебную практику. В конкретном деле

---

[285] См.: Усанова В. А. О типологии обычаев в нормативном регулировании и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2025. № 2. С. 49.

[286] См.: П. 8 решения Министерства финансов Сирии № 1693 от 12.03.1998 «О типовом договоре о предоставлении банковских гарантий» [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

бенефициар направил гаранту требование о выплате, ссылаясь на ненадлежащее исполнение обязательств подрядчиком. Гарант выполнил свои обязательства, затем безакцептно списал (в соответствии с условиями гарантии) соответствующую сумму со счета подрядчика (принципала), который, не согласившись с такими действиями, оспорил их в суде, который удовлетворил иск принципала. Суд сослался на то, что в судебном споре бенефициара и подрядчика гарант был привлечен к участию в деле, что позволяло ему определить объемы и соотношение взаимных обязательств, установить, что подрядчик не должен по данному договору и не был обязан исполнять необоснованное требование бенефициара.

Отменив решение суда первой инстанции, апелляционный суд отказал в иске принципалу, указав на то, что гарант списывает деньги по соглашению, тогда как суть независимой гарантии состоит в гарантии для бенефициара получить быстрое удовлетворение за счет гаранта и, таким образом, не вовлекаться в спор с принципалом по поводу исполнения главного обязательства. В данном случае суд первой инстанции ошибочно проверял требования бенефициара на соответствие основному договору, что явно вступает в противоречие с самой независимой природой гарантии (п. 1 ст. 370 ГК РФ). В описанном казусе, когда гарант сделал законную выплату бенефициару, принципал уже не был вправе признавать эти средства неосновательным обогащением[287]. В данном случае принципал должен был обращаться с иском прямо к бенефициару, а не к гаранту.

3.4. Правоотношения между гарантом и бенефициаром

В отношениях, возникающих по поводу обеспечения основного обязательства путем предоставления независимой гарантии, гарант по инициативе

[287] П. 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.07.2025 № Ф10-3966/2024 по делу № А62-2843/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

принципала берет обязательство выплатить бенефициару сумму, оговоренную в условиях своего обязательства, которое не зависит от обеспечиваемого договора (обязательства). В этих рамках развиваются отношения гаранта и бенефициара, которые в идеальной модели урегулированы, но априори конфликтны ввиду противоположности интересов сторон. Так, интерес бенефициара всегда состоит в безусловном получении гарантийного возмещения (платежа по независимой гарантии), тогда как интерес гаранта противоположен – не платить. Указанную противоположность подтверждает и российская, и зарубежная судебная практика, в рамках которой в подавляющем большинстве случаев суды рассматривают иски бенефициара к гаранту, который под разными предлогами отказывается платить.

Отдельного внимания заслуживает предел ответственности гаранта и соотношение основного гарантийного долга с ответственностью за собственные нарушения гаранта. Анализ применения п. 2 ст. 377 ГК РФ позволяет обосновать, что условие об ограничении ответственности суммой гарантии относится к пределу основного обеспечительного долга (обязательства выплатить гарантийную сумму), но не может охватывать ответственность гаранта за собственное ненадлежащее исполнение обязательства перед бенефициаром (в частности, просрочку платежа или умышленный отказ без предусмотренных законом оснований). Иное толкование фактически допускало бы предварительное ограничение ответственности за умышленное нарушение обязательства, что запрещено п. 4 ст. 401 ГК РФ. Следовательно, лимит «суммой гарантии» относится к пределу обеспечительного платежа (основному гарантийному долгу), но не может автоматически переноситься на санкционные последствия собственного нарушения гарантом сроков и порядка исполнения. В этой части ответственность гаранта подлежит определению по общим правилам гражданско-правовой ответственности, если иное допустимо и не противоречит императивным ограничениям (включая запрет п. 4 ст. 401 ГК РФ). В сирийском праве специальной нормы, аналогичной п. 2 ст. 377 ГК РФ, нет; поэтому предел ответственности банка-гаранта и последствия его ненадлежащего исполнения определяются общими началами обязательственного права ГК САР и банковскими обычаями

ICC/URDG, при этом документарная независимость гарантии не освобождает банк от ответственности за нарушение собственных обязанностей по гарантии.

Российская судебная практика

В отношениях гаранта и бенефициара ключевое значение имеет разграничение двух типов требований: 1) недобросовестного (fraud / злоупотребление правом), когда независимость может быть ограничена и допустим отказ/приостановление при наличии бесспорных данных (п. 1, 3–5 ст. 376 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 10 ГК РФ); 2) формально соответствующего документам и условиям гарантии, но «необоснованного» с точки зрения основного обязательства, когда гарант обязан произвести платеж при соблюдении документарных требований (ст. 375 ГК РФ), а последующее перераспределение последствий переносится в плоскость ответственности бенефициара (ст. 375.1 ГК РФ) и/или правил о неосновательном обогащении. Сходная логика действует и в сирийской банковской практике, опирающейся на URDG и судебное толкование, платеж производится при документарном соответствии, а исключение допускается лишь при доказанности мошенничества или злоупотребления правом.

Упомянутый выше Обзор судебной практики Верховного Суда РФ оставил прежним общий подход, базирующийся на действующих нормах ГК РФ и состоящий в том, что отказ от выплаты по независимой гарантии допустим лишь в случае установления недобросовестных или противоправных действий бенефициара, который стремится дважды извлечь выгоду: первый раз от основной сделки, а второй – от выплаты по гарантии. Разбирательство по таким делам начинается с досудебной претензии, которая предшествует подаче иска. Так, в конкретном деле бенефициар, требуя от гаранта уплату по гарантии, обратился в суд, который оставил иск без рассмотрения, так как, по мнению суда, не был соблюден досудебный порядок урегулирования спора[288]. Верховный Суд РФ

[288] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.09.2014 № Ф04-9516/14 по делу № А67-472/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.06.2025 № Ф10-926/2025 по делу № А48-6607/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

указал, что данное правило применимо, когда бенефициар вел себя добросовестно и на момент получения не знал и не мог знать о дефектах договора о предоставлении гарантии. В рассмотренном в нескольких судебных инстанциях деле гарант отказал бенефициару в его требовании произвести выплату по независимой гарантии ввиду ненаправления бенефициаром письменного уведомления об акцепте гарантии. Таким образом, по мнению гаранта, бенефициар не выполнил требования п. 2 ст. 368 ГК РФ, т. е. обязательной в таких случаях письменной формы сделки.

Суд отклонил соответствующие возражения, поскольку гражданское законодательство не устанавливает императивной обязанности оформлять отдельный письменный договор между гарантом и бенефициаром по поводу независимой гарантии. В качестве базового правила была применена ст. 373 ГК РФ, согласно которой для возникновения обязательства достаточно передачи гарантии бенефициару со стороны гаранта. При этом разъяснения судебной практики исходят из того, что указанная конструкция действует лишь при отсутствии в тексте гарантии специальных условий о моменте и порядке вступления ее в силу. Следовательно, по общему правилу юридическое действие гарантии связывается с ее односторонней передачей бенефициару, если иное прямо не предусмотрено самой гарантией.

В рассмотренном в нескольких инстанциях деле гарант отказался от выплаты по гарантии, которую предоставил, ссылаясь на отсутствие каких-либо правоотношений с бенефициаром. Причина состояла в том, что последний не был указан в тексте независимой гарантии. Формально гарант предоставил независимую гарантию без указания бенефициара, т. е. в тексте отсутствовало конкретное лицо, перед которым гарант брал обязательство выплатить денежные средства при неисполнении принципалом своих обязательств.

В этом деле подрядчик (принципал) не выполнил взятые на себя обязательства, но и гарант отказался от выплаты по ней бенефициару на основе его формального отсутствия в тексте, что, как полагал гарант, означает отсутствие самого гарантийного обязательства. Суд установил: во-первых, гарант сам

направил гарантию именно этому бенефициару и, во-вторых, бенефициар обратился именно к этому гаранту с полным пакетом документов в указанный в гарантии срок. Таким образом, вопрос о недействительности договора не может обсуждаться. В данном случае было установлено правоотношение между гарантом и бенефициаром, в соответствии с которым первый не вправе отказывать в выплате второму, ссылаясь на его якобы «неизвестность» ввиду отсутствия в тексте независимой гарантии информации о нем[289].

В одном из споров гарант, ссылаясь на п. 4 ст. 368 ГК РФ, отказал в удовлетворении требования бенефициара, мотивируя это тем, что в тексте гарантии не определен срок ее действия, а значит, отсутствует и само гарантийное обязательство. Однако суды признали требование подлежащим удовлетворению. При разрешении дела они исходили из того, что по общему правилу независимая гарантия начинает действовать с момента ее выдачи гарантом (включая направление, вручение или иную форму передачи), если иное прямо не закреплено в самой гарантии (ст. 373 ГК РФ). Поскольку специальных оговорок о другом моменте начала действия гарантии в спорном документе не содержалось, применению подлежало указанное общее правило. При этом суды подчеркнули, что установленные законом требования к определению срока направлены на устранение неопределенности в отношениях «гарант – бенефициар», и допустили восполнение пробела посредством диспозитивных норм о сроках исполнения обязательств и условиях их наступления (п. 3 ст. 157, ст. 314 ГК РФ), связывающих начало течения соответствующего периода с совершением бенефициаром предусмотренных действий по основному обязательству.

В данном деле бенефициар вносил определенную сумму в определенный срок. Таким образом, независимая гарантия начинала работать в момент внесения определенного платежа, соответственно, никакой неопределенности по сроку ее

---

[289] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2023 № 17АП-7897/2023-АК по делу № А60-8991/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2023 № 09АП-29662/2023 по делу № А40-14780/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

действия не было и не могло быть. В целом в отношениях «гарант – бенефициар» судебная практика исходит из того, что формальное неуказание (отсутствие в тексте) срока действия независимой гарантии не является основанием, достаточным для того, чтобы гарант не исполнял свое обязательство перед бенефициаром.

Еще в одном деле гарант отказал в выплате по своей гарантии, указав на пропуск бенефициаром срока предъявления требования. В частности, гарант указал на право бенефициара требовать выплаты в пределах срока действия гарантии[290]. В данном случае условия о необходимости получения гарантом требования бенефициара до истечения срока действия выданной гарантии не были определены. В связи с этим требование бенефициара следовало считать поданным в надлежащий срок, оно было направлено почтой до истечения суток, которые были определены в тексте гарантии. Следовательно, при отсутствии в тексте гарантии указания срока получения гарантом требования бенефициара о выплате действует общее правило, в соответствии с которым данное требование считается поданным в срок, если оно направлено гаранту не позднее 24 часов даты окончания срока действия гарантии. В этом смысле можно вести речь и о пределах срока длительности отношений «гарант – бенефициар»[291].

В практическом разнообразии этих отношений возможны случаи, когда в выданной гарантом независимой гарантии не указана ее сумма. В конкретном деле подрядчик победил на торгах. По окончании аукциона организация, нанимавшая подрядчика, заключила с ним договор. Гарант предоставил независимую гарантию,

---

[290] См.: Пункт 3 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.04.2025 № Ф10-714/2025 по делу № А83-1969/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

[291] См.: Определение Верховного Суда РФ от 16.06.2020 № 305-ЭС20-8249 по делу № А40-153432/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021 № 09АП-77642/2020 по делу № А40-177610/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

в соответствии с которой организация была бенефициаром, а подрядчик – принципалом.

В гарантию было внесено положение, в соответствии с которым в случае поступления требования бенефициара гарант выплачивает сумму в рамках цены договора подряда, которая была зафиксирована по результатам торгов. Организация-наниматель внесла аванс, который подрядчик не отработал. Организация потребовала от гаранта выплаты по гарантии, на что получила отказ со ссылкой на отсутствие определенности суммы гарантии (ст. 156, п. 1 ст. 432, абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ), что, по мнению гаранта, означало ненаступление юридических последствий.

Суды всех инстанций однозначно удовлетворяли исковые требования бенефициара, указав на наличие в гарантии его наименования, равно как и предполагавшейся сделки. Ввиду этого условия о сумме гарантии не могли вступать в какое-либо противоречие с абз. 10 п. 4 ст. 368 ГК РФ, так как сторонам ничто не препятствовало уточнить сумму гарантии. В связи с этим в отношениях «гарант – бенефициар» необязательно точное указание суммы в тексте гарантии[292]. Эта сумма подлежит выплате, когда представляется возможным определить ее размер[293].

В отношениях гаранта и бенефициара нередко складывается ситуация, когда изменяются условия основного договора[294]. В деле, рассмотренном в нескольких

---

[292] См.: П. 5 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

[293] См.: Суды могут принять решение о возможности внесения изменений в текст гарантии, если это изменение не приводит к ухудшению положения бенефициара и не противоречит Федеральному закону № 44-ФЗ, включая изменение срока действия гарантии или ее размера [см.: Решение Челябинского УФАС России от 09.04.2018 по делу № 182-ж/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.04.2019 № Ф09-982/19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025)].

[294] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2023 № Ф05-340/2023 по делу № А40-125620/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2020 № 09АП-27014/2020 по делу № А40-254451/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

инстанциях, гарант отказался от исполнения своего обязательства по гарантии ввиду изменения (увеличения) уже после ее предоставления объемов и общей стоимости работ по основному договору, что с гарантом не согласовывалось.

Несмотря на занятую гарантом позицию, суды удовлетворили иск бенефициара о взыскании по гарантии, обосновав это тем, что в последней указана фиксированная сумма, которую гарант и обязан выплатить. Цена иска бенефициара соответствовала этой сумме. Суды сослались на независимость обязательства гаранта перед бенефициаром от основного обязательства, на которое гарант не может ссылаться, так как это есть обстоятельства, не прописанные в гарантии (п. 1, 2 ст. 370 ГК РФ)[295].

Динамика рыночной конъюнктуры достаточно часто продуцирует такого рода споры, в которых гарантия может быть определена не в фиксированной сумме, а в проценте от основного обязательства. В данном случае важно, что предусмотрено в тексте гарантии: есть ли там условие об увеличении суммы в связи с ростом объема основного обязательства. Если такое условие в гарантии есть и рост объема произошел, то бенефициар может требовать выплаты соответствующего процента, принимая во внимание увеличенную сумму.

В целом возможная динамика объема и стоимости работ по основному договору не может приниматься как основание отказа в выплате по независимой гарантии. В свою очередь бенефициар, если на то нет указания в самой гарантии, не может требовать увеличения суммы. Таким образом, изменение суммы основного договора при наличии гарантии не прекращает ее действия, как и отношений «гарант – бенефициар». В условиях кризисного развития российской экономики последнего десятилетия участились случаи признания сделок недействительными. По части таких сделок выдавались независимые гарантии, и в ряде случаев гаранты отказывались исполнять свои обязательства, ссылаясь на признание основной сделки недействительной. Так поступил гарант в конкретном

[295] См.: Пункт 7 обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

деле, сославшись на признанную судом недействительность соглашения. Суд признал приведенные доводы необоснованными и обязал гаранта произвести платеж. Мотивировка сводилась к тому, что самостоятельное обязательство по независимой гарантии возникает вследствие одностороннего волеизъявления гаранта и доведения соответствующего документа до бенефициара. В силу п. 1 ст. 370 ГК РФ такое обязательство существует автономно и не обусловливается содержанием и судьбой отношений между гарантом и принципалом. Кроме того, исходя из п. 2 ст. 370 ГК РФ, гарант не вправе противопоставлять требованию бенефициара возражения, вытекающие из договорных связей с принципалом (в том числе из соглашения о предоставлении гарантии).

По общему правилу установление недействительности сделки между принципалом и гарантом само по себе не освобождает гаранта от обязанности произвести платеж бенефициару по независимой гарантии и, соответственно, не оправдывает отказ в выплате. Исключение возможно лишь в тех случаях, когда доказано, что принципал действовал недобросовестно, осознавая ничтожность (или иные основания недействительности) соответствующей сделки и целенаправленно допуская ее совершение.

Рассмотрим правоотношения, складывающиеся между гарантом и бенефициаром при банкротстве первого. В конкретном деле гарант обратился к принципалу за взысканием задолженности по соглашению о предоставлении независимой гарантии, которая ранее давалась для обеспечения исполнения государственных контрактов. Суды первой и апелляционной инстанций отказали гаранту в иске, мотивируя это тем, что гарант, будучи признанным банкротом, не в состоянии исполнять свои гарантийные функции, равно как и не может требовать вознаграждения за соответствующие услуги. Эта позиция не была поддержана Верховным Судом РФ, так как банкротство гаранта не может прекращать обязательства перед бенефициаром. Верховный Суд РФ указал на то, что не отказавшийся от своих прав кредитор вправе требовать исполнения обязательств. Применительно к данной ситуации это могло быть конкурсное производство.

Верховный Суд РФ не мог не отметить очевидное снижение действенности гарантии, полученной от банкрота, пусть даже обязательства по ней не были формально прекращены. Таким образом, следовало исходить из стоимости реального исполнения, которое предоставил гарант, принимая во внимание срок, в течение которого гарантия была реальным обеспечением, а также вероятность получения возмещения в результате конкурсного производства[296]. Все эти вопросы требовали специальной судебной бухгалтерской экспертизы. Проблема компенсации банковских услуг банкрота-гаранта решается с учетом периода, в течение которого гарантия реально действовала, учитывая вероятность удовлетворения требований бенефициара.

Сирийская правовая теория

В сирийской доктрине подчеркивается, что ключевым элементом конструкции независимой (банковской) гарантии выступают правоотношения между банком-гарантом и бенефициаром, поскольку именно в них реализуется основное содержание гарантийного обязательства [297] . Далее рассматриваются наиболее существенные аспекты указанного взаимодействия.

Принцип независимости (*مبدأ الإستقلال*). В отношениях между гарантом и бенефициаром принцип независимости состоит из двух аспектов. Во-первых, на эти отношения не влияют отношения между банком и принципалом; во-вторых, платежные обязательства банка и право бенефициара требовать платежа сильно отличаются от исходных отношений. В отношении первого аспекта независимость означает, что гарант не имеет права ссылаться на нарушение договора между ним и принципалом, чтобы отказать в выплате бенефициару. В результате такие обстоятельства, как расторжение договора или неплатежеспособность принципала,

[296] См.: П. 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

[297] См.: Аль-Шамат М. Ф. А. Сирийское коммерческое право. Дамаск : Сирийский виртуальный университет, 2007. С. 90.

а также предварительное уведомление об отказе в выплате банку не имеют никакого отношения к обязательству банка по выплате бенефициару[298].

Действительно, обязательство банка по оплате является абсолютным обязательством, следовательно, он должен выполнять свои обязательства независимо от состояния его отношений с принципалом. Таким же образом банк не может ссылаться на какие-либо возражения, вытекающие из основного договора, чтобы отказаться от выполнения своих обязательств по гарантии[299]. Этот аспект является одним из самых важных в соответствии с принципом независимости. Действительно, хотя в гарантии могут быть ссылки на основной договор, банк не проверяет, нарушает ли бенефициар свои договорные обязательства с принципалом. После выполнения условий гарантии банк обязан произвести оплату, если не будет доказано мошенничество (недобросовестность действий).

Что касается принципа независимости между сторонами основного договора, здесь понятие независимости находит применение в правиле «Pay first, argue later» – «Сначала плати, аргументируй позже», т. е. их согласие с тем, что оплата в виде компенсации должна быть произведена, если все согласованные условия гарантии будут соблюдены, например, простое требование платежа с заявлением о невыполнении обязательств или без него или с представлением третьей стороной определенных документов, подтверждающих невыполнение обязательств.

Принцип независимости играет очень важную роль для сирийских банков в отношениях с бенефициаром. Действительно, в соответствии с этим принципом обязанность банка сводится к проверке соблюдения условий гарантии. Таким образом, ожидается, что банк просто сравнит документы, представленные ему бенефициаром, с документами, указанными в гарантии[300]. Тем не менее были сделаны некоторые исключения для защиты сторон, особенно гаранта. Таким

---

[298] См.: Решение Сирийского Кассационного суда № 2001 от 30.01.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[299] Там же.

[300] См.: Решение Сирийского Кассационного суда № 1220 от 15.03.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

образом, в настоящее время широко признано, что принцип независимости может быть нарушен в определенных исключительных обстоятельствах с целью реализации других важных соображений, таких как необходимость борьбы с мошенничеством (недобросовестными действиями со стороны бенефициара).

Механизм оплаты (آلَيَّة الدَّفع). Механизм оплаты составляет основу гарантии. Он определяет фактические выгоды для бенефициара и подверженность риску принципала. Существует три механизма оплаты: 1) оплата по первому требованию, которая не требует каких-либо доказательств невыполнения обязательств; 2) оплата по представлению арбитражного или судебного решения; 3) оплата при подаче стороннего документа, занимающего промежуточное положение между двумя первыми. Хотя эти механизмы различаются по степени доказанности неисполнения обязательств, все они носят документальный характер.

Следовательно, обязанность банка ограничивается выплатой, если ему представлены верные документы. Действительно, общее правило заключается в том, что банки обязаны производить оплату при представлении соответствующих документов бенефициаром. Если документы не соответствуют условиям гарантии и банк, тем не менее, производит платеж, он не имеет права на возмещение от принципала (ст. 750 ГК САР). Однако если документы соответствуют гарантии, необходимо произвести оплату. Этот принцип широко известен как «*The doctrine of strict compliance*» (доктрина строгого соблюдения).

Доктрина строгого соблюдения закреплена в ст. 9 URDG. В то же время формулировка ст. 9 URDG очень похожа на формулировку ст. 15 UCP 500[301]. Очевидно, что намерение состоит в том, чтобы стандарт соответствия в отношении гарантии был таким же, как и для документарного аккредитива. Соответственно, все, что должен сделать банк, – это определить на основе только документов, являются ли они соответствующими условиями гарантии или нет, без какого-либо учета условий основного договора.

Что касается оплаты по первому требованию «*Payment in first demand*», то эта

[301] См.: Sellman P. Law of international trade / 4th ed. L.: Old Bailey Press, 2003. At. 148.

форма оплаты наиболее часто используется в международной торговле, поскольку дает бенефициару значительные преимущества. Многие называют ее «suicide» – «самоубийственная» форма оплаты. В соответствии с этой формой обязательство банка произвести платеж не подлежит никаким формам доказательства или другим условиям. Преимущество такой гарантии очевидно, так как бенефициар может потребовать ее без каких-либо доказательств или подтверждений, касающихся невыполнения обязательств принципалом. Все, что нужно сделать бенефициару, – предъявить письменное требование платежа.

Существует два вида гарантии по первому требованию: первый требует только простого письменного требования без каких-либо других дополнительных документов от бенефициара «*simple demand guarantee* – الضمان المَصرفي البَسيط », второй требует заявления о невыполнении обязательств принципалом.

URDG и сирийские банки занимаются вторым видом гарантии по первому требованию. Идея состоит в том, чтобы установить баланс между ликвидностью платежа, который делает гарантию привлекательной, и необходимостью защитить принципала от несправедливых требований со стороны бенефициара. Следовательно, ст. 20 (a) URDG гласит, что письменное требование бенефициара должно сопровождаться односторонним заявлением о неисполнении обязательств принципалом с указанием характера неисполнения обязательств.

Обязанности банка. Важно отметить, что нет отдельных правовых норм, которые регулируют эти обязанности в Сирии. В этом отношении сирийские банки соблюдают правила, установленные Международной торговой палатой.

Обязанность проверки соблюдения бенефициаром условий гарантии. При анализе документов, представленных по гарантии (в том числе в рамках международных банковских гарантий), в практике применяется общепризнанная доктрина строгого соответствия (strict compliance). Ее содержание сводится к тому, что обязанность банка произвести платеж возникает лишь при документарном совпадении: предоставленные документы должны соответствовать перечню и требованиям, закрепленным в тексте гарантии. В ходе формальной проверки банк оценивает надлежащее оформление требования и полномочия заявителя, а также

наличие заявления о неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательства принципалом, если такое заявление предусмотрено условиями гарантии. Дополнительно проверяется соблюдение срока предъявления: требование должно быть заявлено до истечения срока действия гарантии (ст. 19 URDG). Несоблюдение банком этих требований лишает его права на возмещение в рамках регресса к принципалу и может повлечь за собой требование о возмещении ущерба от принципала. Однако простого визуального осмотра документов банком будет достаточно, чтобы определить, соответствуют ли они требованиям гарантии. Банк не обязан изучать содержание и условия документов или предпринимать какие-либо дополнительные процедуры для подтверждения их подлинности (ст. 11 URDG). При определении соответствия документов банк не обращает внимания на торговые обычаи.

Однако в настоящее время принцип строгого соблюдения несколько смягчен. Следовательно, банку не нужно настаивать на неукоснительном и скрупулезном выполнении формулировок. Дословное соблюдение необходимо только в том случае, если это указано в гарантии. Следовательно, ошибка в одну цифру в номере кредита не оправдывает несоблюдение требования, если ошибка является очевидной типографской или канцелярской ошибкой[302].

Обязанность банка проверить документы в разумные сроки. Банки должны изучить документы в разумные сроки. Продолжительность разумного времени зависит, например, от срочности или сложности и языка документов[303]. Обычно на рассмотрение документов, представленных по гарантии, уходит два-три банковских дня. Превышение этого временного лимита не создает для банка никаких неудобств, так как он не несет ответственности, поскольку нет фиксированной даты для платежа по гарантии. Однако отсутствие каких-либо санкций при превышении стандартного срока проверки не дает банку права

[302] См.: Решение Сирийского Кассационного суда № 1102 от 23.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

[303] В отличие от UCP, URDG не устанавливает ограничения по времени для проверки документов. Действительно, согласно ст. 13 (b) UCP, разумный срок для изучения документов не должен превышать семи банковских дней, следующих за днем получения документов.

отложить отказ в оплате при наличии неточностей в документе до дня истечения срока.

Обычной практикой в банковской сфере является незамедлительное уведомление бенефициара со стороны банка, с тем чтобы он мог принять дальнейшие меры. Следовательно, бездействие банка в разумные сроки подорвет его репутацию.

Обязанность банка уведомить о требовании платежа. Основная цель уведомления – сообщение банком принципалу о том, что бенефициар предъявил требование по гарантии и, следовательно, требование о возмещении по гарантии теперь подлежит оплате. Однако в случае недобросовестных действий важность уведомления имеет решающее значение. Общеизвестно, что единственная возможность для принципала получить предварительное распоряжение о прекращении платежа – это его способность выявить факт мошенничества со стороны принципала. Важно отметить, что вопрос о том, есть ли у банка правовая обязанность уведомлять своего клиента (принципала), давно обсуждается, но до сих пор единого мнения по этому поводу нет. У сирийских судов нет четкой позиции по этому вопросу.

Ст. 17 URDG требует, чтобы банк незамедлительно уведомил принципала о требовании платежа; однако при этом не требуется от банка уведомления принципала перед оплатой. Соответственно, банк не несет ответственности, если он получает требование об оплате и исполняет его в тот же день, но в то же время он уведомляет принципала о том, что он получил и удовлетворил требование об оплате. Такие процедуры необходимы и справедливы, поскольку позволяют принципалу подготовить свои возражения, если таковые имеются.

По **итогам третьей главы**, посвященной правоотношениям, которые возникают в области использования независимой гарантии, можно сделать следующие выводы:

1. Система независимой гарантии представляет собой совокупность юридически самостоятельных, но функционально связанных правоотношений: а) основное обязательство между принципалом и бенефициаром; б) договор

(соглашение) принципала и гаранта о выдаче гарантии; в) самостоятельное обязательство гаранта перед бенефициаром. В трансграничных сделках конструкция усложняется через косвенную гарантию / контргарантию и участие инструктирующих / авизующих банков.

2. Для практической устойчивости гарантии решающим является не формальное деление условий на «существенные/факультативные», а определенность: идентификация гаранта, принципала и бенефициара; указание обеспечиваемого обязательства (в объеме, достаточном для идентификации); лимит (сумма) либо порядок определения суммы; срок действия; обстоятельства (условия) платежа и документарные требования. В Российской Федерации п. 4 ст. 368 ГК РФ задает стандарт, но отсутствие отдельного реквизита не всегда влечет недействительность, если неопределенность устранима и бенефициар / обязательство / лимит поддаются идентификации.

3. Срок действия гарантии и момент предъявления требования должны быть сформулированы так, чтобы исключить неопределенность. Предпочтительна модель прекращения по дате или событию, позволяющему однозначно установить истечение (URDG-подход). Сирийская практика демонстрирует противоречия при оценке условий о «сроке предъявления требования после истечения», что подтверждает необходимость различать срок действия гарантии и срок исковой давности.

4. Реализация гарантии строится на документарной модели (strict compliance), гарант проверяет требование и документы только на внешнее соответствие условиям гарантии и не должен требовать дополнительных формальностей, не предусмотренных текстом гарантии. Спор по основному обязательству не переносится на стадию документарной проверки.

5. В отношениях «принципал – бенефициар» подлежат разграничению:

– недобросовестное предъявление требования (мошенничество / злоупотребление правом), которое может ограничивать действие принципа независимости;

– предъявление требования при формальном документарном соответствии на

фоне спора по основному обязательству – в этом случае гарантия исполняется по документам, а дальнейшие последствия разрешаются через ответственность и возврат полученного при отсутствии материально-правового основания.

6. В отношениях «принципал – гарант» ключевое значение имеет договорный режим выдачи гарантии и регресса (возмещения). Гарант вправе требовать от принципала возмещения выплаченного в пределах условий гарантии и соглашения с принципалом; выплаты вне условий гарантии либо последствия собственных нарушений гаранта не должны автоматически перекладываться на принципала без прямого основания. Для снижения рисков важно фиксировать обращение принципала и параметры гарантии (лимит, срок, документы, покрытие/ вознаграждение).

7. Конструкция может усложняться ситуацией, когда принципал не тождествен должнику по основному обязательству (дополнительный субъект в структуре отношений). В этом случае распределение рисков и обязанностей между принципалом и должником должно быть оформлено отдельным договорным основанием, иначе возникают пробелы в регрессе и в обеспечительном эффекте гарантии.

8. В отношениях «гарант – бенефициар» автономность гарантии означает отсутствие возражений из основного обязательства, но не «абсолютность»: сохраняются документарные/процедурные основания отказа и исключение при злоупотреблении. При этом лимит «суммой гарантии» (п. 2 ст. 377 ГК РФ) следует понимать как предел основного гарантийного долга (обязанности выплатить гарантийную сумму), но не как ограничение ответственности гаранта за собственное ненадлежащее исполнение (например, просрочку / неправомерный отказ); в сирийском праве аналогичный результат обеспечивается общими началами ответственности и банковскими обычаями ICC/URDG.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях повышения правовой определенности и снижения злоупотреблений при использовании независимых (банковских) гарантий в России и Сирии целесообразно опираться на проверенные международные стандарты ICC, прежде всего на документарную модель URDG 758, предполагающую приоритет формальной проверки документов и исчерпывающий перечень оснований для отказа или приостановления платежа. Для России это означает необходимость последовательно поддерживать императивный характер документарной модели, закрепленной ст. 376 ГК РФ, и ограничивать попытки договорного расширения оснований отказа; для Сирии – целесообразность кодифицировать аналогичный перечень оснований отказа и процедурных правил, поскольку действующее регулирование фрагментарно и складывается из совокупности источников. Отдельно следует выделить узкое исключение из принципа независимости (fraud exception), допускающее судебное вмешательство лишь при доказанности мошенничества или очевидного злоупотребления правом при высоком стандарте доказывания. Наконец, практическим направлением унификации является развитие типовых форм гарантий (тендерная, исполнения, возврата аванса и др.) как стандарта делового оборота. Для исламских банков и отношений, основанных на кафале, требуется шариат-совместимая модель, предполагающая четкое разграничение акцессорного поручительства и независимой гарантии, допустимость возмещения лишь фактически понесенных административных расходов без элементов риба, а также прозрачность комиссий, депозитного покрытия и контргарантий.

Подводя итоги настоящего исследования, целесообразно сделать следующие выводы.

В современном виде институт независимой гарантии сформировался сравнительно недавно, однако за короткий срок прошел интенсивную стадию становления и распространения, во многом обусловленную расширением и усложнением трансграничного оборота. Запрос участников международной

торговли на эффективные правовые механизмы обеспечения сделок стал ключевым фактором развития данного инструмента в плоскости «мягкого» международного регулирования. Показательно, что при подготовке соответствующих унифицированных актов опора делается преимущественно не на модели отдельных национальных правопорядков, а на накопленную практику международного оборота: выявляются устойчивые решения, которые затем фиксируются как стандарты. В результате независимая гарантия приобрела комплексную природу, интегрировав элементы нескольких смежных конструкций, которые ранее рассматривались автономно. При этом генезис отдельных компонентов современного обеспечительного механизма неоднороден: резервный аккредитив сформировался в американской правовой среде, тогда как «классическая» банковская гарантия по требованию восходит к европейской трансформации традиционного поручительства.

Судя по результату эволюции указанных исторических институтов, следует ожидать, что постепенно в практике коммерческого оборота граница между ними исчезнет совсем уже в обозримом будущем, а в области механизма правового регулирования ее уже фактически не существует. Все это подтверждает, что в международной практике резервный аккредитив и гарантия по требованию неизбежно сольются в единый институт права – независимую гарантию с едиными нормами регулирования. Полагаем, что в настоящее время задачу нельзя считать вполне решенной, так как, несмотря на наличие разработанных, принятых и максимально адаптированных международных правил URDG, практически все мировое сообщество, за редким исключением, отказывается от их формальной ратификации.

Нормативное оформление независимого гарантийного обеспечения в российском праве (включая банковскую гарантию) в значительной степени связано не с эволюционным «внутренним» развитием соответствующих общественных отношений на протяжении дореволюционного, советского и постсоветского периодов. При ином сценарии прослеживалась бы более последовательная траектория, а именно возникновение практики, ее укоренение и последующее

обособление от конструкций поручительства. Формирование же независимых гарантий в России стало в том числе следствием изменения модели правового регулирования, при которой подобные обеспечительные механизмы получили возможность функционировать в реальном обороте. Существенную роль сыграл и внешний фактор, законодательное закрепление банковской гарантии во многом опиралось на распространение и признание соответствующих инструментов в международной коммерческой практике.

Историческое развитие института гарантии в Сирии не привело к разработке специального закона или комплекса связанных норм, регулирующих банковские гарантии, как в России. В настоящее время в Сирии существует комплекс нескольких источников, который включает в себя нормы о договоре гарантии, которые закреплены в Гражданском кодексе САР (ст. 737–767); положения договора кафалы в исламском праве; указы Президента Республики о создании государственных банков (для клиентов этих банков); судебную практику сирийских судов; деловые обычаи ICC. Иными словами, в отличие от российского законодательства, в сирийском нет целостного механизма правового регулирования института независимой гарантии.

Для надлежащего разграничения независимой (банковской) гарантии и поручительства объект обязательства гаранта и поручителя должен определяться по-разному в зависимости от правовой природы указанных способов обеспечения исполнения обязательств. С учетом, что независимая гарантия является обязательством неакцессорным, т. е. независимым от основного (обеспечиваемого) обязательства, объект обязательства гаранта всегда составляет действие по уплате указанной в ней суммы. Это действие должно быть направлено на исполнение собственной обязанности гаранта по выданной им гарантии. В свою очередь поручительство является акцессорным обязательством, поэтому объект обязательства поручителя может пересекаться с объектом обязательства основного должника. Следовательно, в зависимости от условий договора поручительства и с учетом диспозитивности п. 2 ст. 363 ГК РФ и принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) объект обязательства поручителя может включать действие либо по уплате

неустойки и возмещению убытков за должника (нести ответственность за должника – монетарное поручительство), либо в пределах ответственности, определяемой основным обязательством и условиями поручительства, путем уплаты денежных средств (основного долга и связанных платежей).

В диссертации уточняется, что условия независимой гарантии должны быть детально определены и согласованы сторонами договора о выдаче независимой гарантии, в особенности на сирийском банковском рынке, который считается довольно молодым. При этом большее значение имеют точность формулировок и исчерпывающий характер условий, чем отнесение каких-то из них к существенным и, соответственно, факультативным, так как такое деление субъективно.

Также в диссертации предпринята попытка классификации независимых гарантий по следующим основаниям с учетом российской и сирийской практики:

1) по величине ресурсов гаранта (банковские гарантии на участие в тендерах, гарантии «время – деньги», беззалоговые гарантии, экспресс-гарантии, гарантии на индивидуальных условиях);

2) по специализации гарантии как инструмента в коммерческой практике (гарантия авансового платежа, гарантия исполнения, кредитная гарантия, гарантия отсрочки платежа, гарантия доставки, гарантия торгового кредита);

3) по срочности (открытая и закрытая гарантии).

В рамках доктринального анализа нецелесообразно считать все условия, поименованные в ГК РФ, обязательными, однозначно полагая их существенными, т. е. особо значимыми, условиями независимой гарантии, так как отсутствие части из них прямо не ведет к признанию гарантии недействительной. Дифференцируя существенные и факультативные условия, отнесем к первым: указание принципала; гаранта; обеспечиваемые обязательства; сумму обеспечения либо порядок (критерии) ее определения; точный перечень обстоятельств, наступление которых безусловно влечет гарантийную выплату; срок действия независимой гарантии. Также, принимая во внимание п. 4 ст. 368 ГК РФ, основными надо считать следующие условия: дату предоставления независимой гарантии; указание бенефициара, возможность коррекции суммы гарантии, а также временные и/или

событийные рамки такой возможности коррекции. Важно предусмотреть разнообразие форм обращения принципала к гаранту о выдаче независимой гарантии, а также идентифицирующие характеристики обеспечиваемого обязательства. В данном случае речь идет о предмете основного договора, дате его совершения, полном указании сторон и их реквизитов.

Исполнение основного обязательства, которое осуществляется гарантом путем исполнения собственной обязанности по банковской гарантии, может произойти в результате возложения на гаранта исполнения чужой обязанности по договору о предоставлении банковской гарантии, заключенному с инструктирующей стороной (в том числе с принципалом) (ст. 313 ГК РФ). Однако обязательство гаранта по независимой (банковской) гарантии по общему правилу носит денежный характер, тогда как объект основного обязательства может быть любым. В связи с этим диссертантом обоснован вывод, что когда бенефициар (кредитор по основному обязательству) принимает банковскую гарантию в качестве обеспечения исполнения обязательства принципала, то он автоматически соглашается на замену исполнения по основному обязательству, которое становится факультативным.

На основе анализа арбитражной практики сделан вывод о том, что норма п. 2 ст. 377 ГК РФ о возможном ограничении ответственности гаранта суммой, на которую выдана гарантия, если в гарантии прямо предусмотрено подобное ограничение, не относится к ответственности гаранта за его умышленное ненадлежащие исполнение своих обязательств перед бенефициаром по выплате денежных сумм по гарантии, а распространяется только на иные случаи неисполнения обязательства гаранта по выплате гарантийных сумм за принципала. Данный вывод основан прежде всего на категоричном запрете на заключение предварительного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства, установленного в п. 4 ст. 401 ГК РФ. С учетом изложенного и в целях исключения возможности для злоупотребления со стороны гаранта условием об ограничении своей ответственности предлагается изложить п. 2 ст. 377 ГК РФ в следующей редакции: «2. Ответственность гаранта

перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии не ограничена суммой, на которую выдана гарантия, если в гарантии не предусмотрено иное. Содержащееся в гарантии условие об освобождении гаранта от ответственности за нарушение своих обязательств (в том числе за несвоевременную оплату) вследствие его умышленной вины считается недействительным.».

В рамках настоящего диссертационного исследования раскрываются особенности независимой гарантии как инструмента обеспечения исполнения обязательств; систематизируются и переоцениваются ранее обозначенные в литературе и практике проблемные вопросы с учетом действующего нормативного массива и правоприменительных подходов; формулируются дополнительные исследовательские задачи и предлагаются возможные пути их разрешения. Аргументация предлагаемых выводов и рекомендаций опирается на сопоставление российской и сирийской правовых традиций и учитывает подходы, выработанные в международной практике регулирования аналогичных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; – 2025. – № 31. – Ст. 5777.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410; – 2025. – № 25. – Ст. 4398.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; – 2025. – № 31. – Ст. 5788.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5496; – 2025. – № 27. – Ст. 4594.

6. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

7. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.

8. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

9. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 512-ФЗ «О внесении изменений в статью 665 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.

10. Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 14. – Ст. 1909.

11. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ст. 4808; – 2025. – № 27. – Ст. 5115.

12. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.

13. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и статью 16.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 30. – Ст. 4128.

14. Постановление Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005 «О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 46. – Ст. 5947.

15. Положение Банка России от 24 февраля 2016 г. № 534-П «О допуске ценных бумаг к организованным торгам» // Вестник Банка России. – 2016. – № 45.

Нормативные правовые акты Сирийской Арабской Республики

16. Закон САР № 28 от 16.04.2001 «О создании частных банков» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

17. Закон САР № 23 от 03.17.2003 «О Центральном банке Сирии» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

18. Закон САР № 51 от 24.11.2004 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

19. Закон САР № 34 от 18.12.2008 «Регистрация предприятий, учреждений и организаций со штаб-квартирой, находящейся за пределами Сирийской Арабской Республики» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

20. Закон САР № 30 от 04.15.2010 «О банковской тайне» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

21. Закон САР № 29 от 14.02.2011 «О компаниях» [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

Законодательство иных зарубежных государств

22. Закон КНР о гарантиях : утвержден Приказом Председателя КНР Цзян Цзэмина № 50 от 30 июня 1995 г. на XIV сессии Постоянного комитета

Всекитайского собрания народных представителей VIII созыва [Электронный ресурс] // Бизнес в Китае : Гонконгский информационно-аналитический портал. – [Гонконг] : Мега Пауэр Гонконг Груп Лимитед, [2025]. – Режим доступа: https://asia-business.ru/law/law2/insurance/guarantee/ (дата обращения: 15.06.2025).

23. Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 // Официальный портал законодательства Соединенного Королевства. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk /ukpga/1999/31/contents (дата обращения: 15.06.2025).

24. Form of Demand Guarantee under URDG 758 // ICC: Digital library. – Режим доступа: https://library.iccwbo.org/content/tfb/pdf/Model%20forms% 20758.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

Документы международных организаций

25. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (Публикация Международной торговой палаты № 400) (ред. 1983 г., вступила в силу с 01.10.1984) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iccbooks.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

26. Унифицированные правила ICC для платежных гарантий (URDG 458). Редакция 1993 года // Публикация МТП № 458 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iccbooks.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

27. Конвенция о независимых гарантиях и резервных аккредитивах : Принята на 87-м пленарном заседании ГА ООН. (Резолюция ГА ООН от 11 декабря 1995 г. № 50/48 г. вступила в силу с 1 января 2000 г.) // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions/ credit.shtml (дата обращения: 15.06.2025).

28. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP 600). Редакция 2007 года // Публикация Международной торговой палаты № 600 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iccbooks.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

29. Унифицированные правила для гарантий по требованию, включая типовые формы (URDG 758). Редакция 2010 года // Публикация Международной торговой палаты № 758 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iccbooks.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

Иные акты, не носящие нормативного характера

30. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 (документ утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. № 26. Ст. 733.

Материалы судебной практики

Материалы судебной практики Российской Федерации

31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71778312/ (дата обращения: 15.06.2025).

32. Определение Верховного Суда РФ от 16.06.2020 № 305-ЭС20-8249 по делу № А40-153432/2019 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

33. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

34. Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2024 № 305-ЭС23-19797 по делу № А40-301246/2022 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime /doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

35. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2024 № 305-ЭС23-19797 по делу № А40-301246/2022 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2024 № 11-КГ24-2-К6 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2024 № 306-ЭС24-1144 по делу № А65-19059/2022 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products /ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

38. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2025 № 18-КГ24-346-К4 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

39. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 № 47-КГ24-3-К6 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

40. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.2025 № 74-КГ25-3-К9 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ:

информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru /products/ipo/prime/doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

41. Определение ВАС РФ от 23.08.2007 № 9722/07 по делу № А37-2336/06-13 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

42. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

43. Постановление Пленума ВАС от 23.03.2012 № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

44. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.09.2014 № Ф04-9516/14 по делу № А67-472/2014 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

45. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.03.2018 № Ф08-1431/2018 по делу № А20-960/2016 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

46. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.04.2019 № Ф09-982/19 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

47. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2020 № 09АП-27014/2020 по делу № А40-254451/2019 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

48. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021 № 09АП-77642/2020 по делу № А40-177610/2020 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

49. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2023 № Ф05-340/2023 по делу № А40-125620/2022 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

50. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2023 № 09АП-29662/2023 по делу № А40-14780/2023 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

51. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2023 № 17АП-7897/2023-АК по делу № А60-8991/2023 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

52. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.04.2025 № Ф10-714/2025 по делу № А83-1969/2024 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

53. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.06.2025 № Ф10-926/2025 по делу № А48-6607/2023 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

54. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.07.2025 № Ф10-3966/2024 по делу № А62-2843/2024 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

55. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.07.2025 № Ф10-989/2025 по делу № А84-130/2024 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ:

информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ products/ipo/prime/ doc/72160336/ (дата обращения: 15.06.2025).

56. Решение Челябинского УФАС России от 09.04.2018 по делу № 182-ж/2018 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 15.06.2025).

Материалы судебной практики Сирийской Арабской Республики

57. Постановление Сирийского кассационного суда № 645 от 12.04.2008 // Журнал «Юристы» / Сирийская коллегия адвокатов. – Дамаск, 2008. – Вып. 8.

58. Решение Сирийского Кассационного суда № 1102 от 23.05.2012 [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

59. Решение Сирийского Кассационного суда № 1220 от 15.03.2013 [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

60. Решение Сирийского Кассационного суда № 2001 от 30.01.2014 [Электронный ресурс] // Центральный банк Сирии : официальный сайт. – Режим доступа: http://cb.gov.sy (дата обращения: 15.06.2025).

Материалы судебной практики иных зарубежных государств

61. Постановление Апелляционного суда Иордании № 482/1992 от 14.04.1992 // Иорданский судебный журнал. – 1999. – Вып. 4. – С. 199.

62. Решение Верховного Суда Алжира от 08.07.2010 г., Торгово-морская палата, дело № 627056 // Вестник Верховного Суда Алжира. – 2012. – № 1. – С. 251–261.

63. Appeal in Darlington Borough Council v Wiltshier Northern Ltd [Electronic resource] // Court of Appeal. – 1995. – Режим доступа:

https://ipsaloquitur.com/contract-law/cases/darlington-borough-council-v-wiltshier-northern/ (дата обращения: 15.06.2025).

64. Edward Owen engineering Ltd v Barclays Bank International ltd: CA 1978 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://simplestudying.com/owen-edward-engineering-ltd-v-barclays-bank-international-ltd-1978-1-all-e-r-976/ (дата обращения: 15.06.2025).

65. Eng. Rep. 1035 Pillans and Rose vs Van Mierop and Hopkins. 30th April 1765 [Electronic resource] // Harvard Law school. – Режим доступа: https://h2o.law.harvard.edu/cases/2380 (дата обращения: 15.06.2025).

66. Lep Air Services v Rolloswin Investments Ltd; Moschi v LEP Air Services HL ([1972] 2 All ER 393, [1973] AC 331) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://vlex.co.uk/vid/moschi-v-lep-services-794019325.

67. McMeel G. Pillan v. van Mierop and Hopkins // Mitchell C., Mitchell P. Landmark Cases in the Law of Contract. – London, 2008. – Ch. 2.

68. Norwich and Peterborough Building Society v McGuinness [2010] EWCA Civ 1286 [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/1286.html.

Научная и учебная литература

Научная и учебная литература на русском языке

Диссертации и авторефераты диссертаций

69. Аль-Зуби, М. А. Правовое положение иностранных лиц в странах Ближнего Востока : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Аль-Зуби Мухаммед Ахмед. – Москва, 1999. 178 с.

70. Байгушева, Ю. В. Банковская гарантия : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Байгушева Юлия Валериевна. – Ярославль, 2008. – 162 с.

71. Вахрушев, Л. А. Независимая гарантия : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Вахрушев Леонид Александрович. – Екатеринбург, 2018. – 220 с.

72. Вележев, С. И. Нормативность и казуальность права (теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Вележев Сергей Иванович. – Санкт-Петербург, 2005. – 189 с.

73. Волошина, М. В. Банковская гарантия : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Волошина Мария Викторовна. – Санкт-Петербург, 2003. – 177 с.

74. Ерпылева, Н. Ю. Международное банковское право: генезис, природа, основные категории и механизмы регулирования операций банков : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ерпылева Наталия Юрьевна. – Москва, 2004. – 504 с.

75. Карашев, К. В. Аккредитивное правоотношение: понятие, сущность, сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Карашев Казбек Владимирович. – Москва, 2005. – 220 с.

76. Климов, И. В. Договорное возмещение потерь по праву Англии и Уэльса и праву России : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3 / Климов Игорь Викторович. – Москва, 2024. – 276 с.

77. Княжевская, А. Б. Правовое регулирование банковских гарантий и резервных аккредитивов: российская, зарубежная и международная практика : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Княжевская Анастасия Борисовна. – Москва, 2004. – 163 с.

78. Резго, П. Г. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по банковской гарантии в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Резго Павел Георгиевич. – Москва, 2003. – 170 с.

79. Хаддад, М. Р. М. Ответственность членов совета директоров акционерного общества: сравнительный анализ законодательств Сирии и России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Хаддад, Мажд Рияд Махамад. – Москва, 2015. – 146 с.

Научные статьи, монографии, книги, комментарии,
учебники и учебные пособия

80. Абд ар-Раззак, С. Комментарий к гражданскому праву. Часть 1, раздел 682 / Санхури. Абд ар-Раззак. – Бейрут : Дар Ихйа ат-турас ал-арабий, 1971. – 314 с.

81. Абу аль-Шамат, М. Ф. Сирийское коммерческое право / Мухаммад Фарук Абу аль-Шамат. – Дамаск : Сирийский виртуальный университет, 2007. – 211 с.

82. Авад, А. А. Правовое регулирование банковских операций / А. А. Авад. – Каир : Арабский дом, 1993. – 310 с.

83. Аванесова, Г. Применение банковской гарантии и договора поручительства в банковской практике / Г. Аванесова // Хозяйство и право. – 1996. – № 7. – С. 30–39.

84. Александров, П. Подстраховка по-банковски. Гарантии кредитных учреждений набирают популярность / П. Александров // Коммерсантъ. – 2013. – 21 марта.

85. Алексеев, С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1998. – 645 с.

86. Аликперова, Н. В. Доверие населения – фундамент стабильности функционирования финансовых институтов / Н. В. Аликперова, А. В. Ярашева // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2015. – № 8 (80). – С. 1–8.

87. Аль-Атраш, М. Независимые банковские гарантии в международных торговых контрактах / Мухаммад аль-Атраш. – Марракеш : Б. и., 1996. – 136 с.

88. Аль-Джарба, М. Правовая природа независимых гарантий и гарантийных аккредитивов согласно Конвенции ООН и правил Международной торговой палаты / Маан Аль-Джарба. – Каир : Б. и., 2014. – 178 с.

89. Аль-Мидани, М. А. Э. Эффективность деятельности частных банков в сирийской банковской системе, Сирийская ассоциация экономических наук / Мухаммад Айман Эзат Аль-Мидани. – Дамаск : Б. и., 2009. – 55 с.

90. Аль-Нувайри, М. Гарантия по первому требованию / Майссам Аль-Нувайри // Журнал Riyada. – 2009. – № 9. – С. 5–11.

91. Аль-Салех, В. Сирийское гражданское право / В. Аль-Салех. – Дамаск : Б. и., 2012. – 107 с.

92. Аль-Таррад, И. И. А. Х. Управление внутренними и международными банковскими операциями / Исмаил Ибрагим Абдулла Халед аль-Таррад. – Амман : Б. и., 2006. – 545 с.

93. Аль-Хаким, Ж. Ю. Коммерческие права / Ж. Ю. Аль-Хаким ; 4-е изд. – Дамаск : Публикации Дамасского университета, 2007–2008. – 169 с.

94. Аль-Хафез аль-Сайед, А. М. А. Гарантия и ее современные приложения в исламской юриспруденции / Али Мухаммед Абд аль-Хафез аль-Сайед. – Бейрут : Дар аль-Фикр аль-Джамии, 2008. – 114 с.

95. Антропцева, И. О. Банковская гарантия как банковская операция и способ обеспечения исполнения обязательств / И. О. Антропцева // Банковское право. – 2010. – № 1. – С. 30– 32.

96. Баранов, В. М. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании / В. М. Баранов, В. Б. Першин, М. В. Баранова // Философия права. – 2007. – № 3 (22). – С. 7–12.

97. Бевзенко, Р. С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия) / Р. С. Бевзенко. – Москва : Статут, 2015. – 117 с.

98. Бекленищева, И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции / И. В. Бекленищева. – Москва : Статут, 2006. – 347 с.

99. Берг, А. И. Кибернетические вопросы биологии / А. И. Берг, А. А. Ляпунов. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1968. – 226 с.

100. Бертрамс, Р. Ф. Банковские гарантии в международной торговле / Р. Ф. Бертрамс. – Москва : Эдди, 2001. – 291 с.

101. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Стаут, 1998. – 681 с.

102. Брежнев, В. Э. Судебный прецедент в России: полемика и предложения / В. Э. Брежнев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 9. – С. 249–253.

103. Буркова, А. Ю. Акцессорность в гражданском праве / А. Ю. Буркова // Нотариус. – 2009. – № 3. – С. 32–36.

104. Бычков, А. Независимая гарантия. Ключевые аспекты, на которые нужно обращать внимание / А. Бычков // Юридический справочник руководителя. –2019. –№ 8. – С. 17–26.

105. Витрянский, В. В. Банковская гарантия / В. В. Витрянский // Хозяйство и право. – 1998. –№ 10. – С. 3–4.

106. Волошина, М. Банковская гарантия: понятие и правовая природа / М. Волошина // Юрист и бухгалтер. – 2003. – № 2. – С. 43–51.

107. Волчанский М. А. Сепаратная уступка требований кредитора к поручителю: текущая позиция отечественного правопорядка и ее осмысление / М. А. Волчанский // Закон. – 2024. – № 11. – С. 174–186.

108. Гавричков, С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения / С. В. Гавричков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 10. – С. 70–80.

109. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ, пер. с фр. И. Б. Новицкого // Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. Ученые труды. – Вып. 13. – Москва : Юрид. изд-во, 1948. – 510, [1] с.

110. Голышев, В. Г. Банковская гарантия: некоторые вопросы правовой природы / В. Г. Голышев // Банковское право. – 2003. – № 2. – С. 14–16.

111. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б. М. Гонгало. – Москва : Статут, 2004. – 450 с.

112. Гречишникова, Е. В. Некоторые вопросы иммунитета и индемнитета депутатов Европейского Парламента: сравнительно-правовой анализ / Е. В. Гречишникова // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 1 (30). – С. 47–52.

113. Гринь, О. С. Основные новеллы гражданского законодательства о поручительстве и независимой гарантии / О. С. Гринь // Адвокатская практика. – 2016. – № 3. – С. 41–51.

114. Гурин, О. Затраты на предоставление независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения контракта на выполнение строительных работ / О. Гурин // Прогосзаказ.рф. – 2024. – № 3. – С. 38–42.

115. Долгушина, Ю. Б. К вопросу о понятии контргарантии и правовом регулировании данного вида банковской операции в РФ / Ю. Б. Долгушина // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 715–720.

116. Евдокимов, А. В. Гарантия как независимый способ обеспечения исполнения обязательств / А. В. Евдокимов // Судебная практика в Западной Сибири. – 2014. – № 4. – С. 52–58.

117. Еремеев, А. А. Сравнение банковской гарантии в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки / А. А. Еремеев // Право и современные государства. – 2014. – № 6. – С. 17–22.

118. Еремычева, И. Банковская гарантия как способ обеспечения обязательств / И. Еремычева, С. Ермаков // Право и экономика. – 2003. – № 10. – С. 56–63.

119. Ерпылева, Н. Ю. Банковские гарантии в коммерческом обороте / Н. Ю. Ерпылева // Законодательство и экономика. – 1994. – № 5/6. – С. 17–26.

120. Ерпылева, Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве / Н. Ю. Ерпылева // Банковское право. – 2011. – № 2. – С. 44–52.

121. Ефимова, Л. Г. Банковская гарантия: понятие и практическая применимость / Л. Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 1996. – № 3. – С. 10–16.

122. Ефимова, Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии / Л. Г. Ефимова // Legal Concept. – 2018. – Вып. 17, № 4. – С. 85–92.

123. Жугов, А. А. К вопросу о правовой природе банковской гарантии / А. А. Жугов // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2014. – Т. 4, № 4. – С. 111–112.

124. Замотаева, Т. Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии / Т. Б. Замотаева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 21–24.

125. Калиуби, С. Правовые основы банковских операций / Самиха Калиуби // Библиотека Айн Шамс. – Каир, 1992. – 210 с.

126. Кива-Хамзина, Ю. Л. Судебный прецедент – самостоятельный источник права в России / Ю. Л. Кива-Хамзина // Экономика и политика. – 2014. – № 1 (2). – С. 124–125.

127. Климентьев, В. А. Некоторые вопросы истории банковской гарантии / В. А. Климентьев // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 119–124.

128. Коваленко, Е. П. Правовая природа банковской гарантии в таможенной сфере / Е. П. Коваленко // Право и экономика. – 2007. – № 11. – С. 109–114.

129. Комарова, Н. В. Правовое регулирование независимой гарантии / Н. В. Комарова // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Вып. 5, № 11. – С. 305–308.

130. Комиссарова, Е. Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» / Е. Г. Комиссарова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 23–29.

131. Коцоев, Т. Т. О некоторых вопросах использования независимой гарантии / Т. Т. Коцоев // СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – 155 с.

132. Красавчиков, О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды : в 2 т. – 2-е изд. – Москва : Статут, 2017. – Т. 1. – 518 с.

133. Кулагин, М. И. Избранные труды / М. И. Кулагин. – Москва : Статут, 1997. – 415 с.

134. Кулаков, В. В. Акцессорность как признак способов обеспечения исполнения обязательств / В. В. Кулаков // Российский судья. – 2006. – № 6. – С. 21–26.

135. Курбанов, К. Правовые особенности независимой гарантии / К. Курбанов // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 2 (18). – С. 181–191.

136. Курильченко, И. Г. Формы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в США / И. Г. Курильченко, А. В. Ахмедова // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 2. – С. 110–114.

137. Матвеев, И. В. Правовая природа недействительных сделок / И. В. Матвеев. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 410 с.

138. Матюшкин, О. В. Понятие и условия независимой гарантии / О. В. Матюшкин // Актуальные проблемы российского частного права : материалы III Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2018. – С. 91–94.

139. Мельниченко, С. В. Субъекты правоотношения, возникающего из банковской гарантии в контрактной системе / С. В. Мельниченко // Финансы и управление. – 2020. – № 1. – С. 81–90.

140. Международная практика по аккредитивам стенд-бай (International Standby Practices) (ISP 98) // Публикация Международной торговой палаты. – 1998. – № 590. – 15 с.

141. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : в 2 частях / Д. И. Мейер ; по изд. 1869 г. – Москва : Статут, 1997. – Часть 2. – 369 с.

142. Мирзоева, Э. Р. Независимая гарантия как один из способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве / Э. Р. Мирзоева // Свобода и право : сборник статей XV Международной научной конференции. – Кемерово : Плутон, 2017. – С. 13–16.

143. Митри, М. Типовые контракты в банковских гарантиях / М. Митри, М. Маяла // Журнал экономических и юридических наук Дамасского университета. – 2010. – Вып. 1, т. 13. – С. 13.

144. Михеева, И. Е. Контргарантия: правовые особенности определения должника перед контргарантом с целью оценки рисков / И. Е. Михеева // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2016. – № 2. – С. 67–74.

145. Мудараба: шариат, стандарт № 13: [пер. с англ.] / Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений ; [редсовет: Р. И. Баишев и др.]. – Москва : Исламская книга, 2011. – 28 с.

146. Мухаммад, С. А. Банки и банковское законодательство, публикации сирийского виртуального университета / С. А. Мухаммад, Х. Ал-Тас. – Дамаск : Б. и., 2018. – 350 с.

147. Нестерова, Э. Э. Независимая гарантия vs. поручительство: вытеснит ли независимая гарантия поручительство из гражданского оборота России? / Э. Э. Нестерова // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 143–148.

148. Новиков, А. В. Независимая гарантия. Правовая природа и гражданско-правовые последствия / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1а. – С. 42–47.

149. Новикова, А. Д. К вопросу о форме и существенных условиях независимой гарантии / А. Д. Новикова // Научный поиск. – 2017. – № 1.2. – С. 31–38.

150. Олейник, О. М. Банковская гарантия и проблемы ее применения / О. М. Олейник // Хозяйство и право. – 1996. – № 1. – С. 61–71.

151. Олейник, О. М. Требование платежа по банковской гарантии: тенденции российской и международной судебной практики / О. М. Олейник // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 75–89.

152. Осипян, Б. А. Контракт как добровольный, свободный и ответственный совместный путь договаривающихся сторон, ведущий к реализации идеи права / Б. А. Осипян // Гражданское право. – 2011. – № 3. – С. 37–51.

153. Останина, Е. А. О независимости гарантии и требовании принципала к бенефициару / Е. А. Останина // Закон. – 2016. – № 3. – С. 17–23.

154. Остроумов, Н. В. Риск недобросовестного поведения сторон обязательства, исполнение которого обеспечено независимой гарантией / Н. В. Остроумов // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 567–571.

155. Оськина, И. Правовая природа гарантии / И. Оськина, А. Лупу // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 31. – С. 3–14.

156. Поваров, Ю. С. Волевые основания возникновения обеспечительного обязательства между гарантом и бенефициаром / Ю. С. Поваров // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 1. – С. 32–39.

157. Поваров, Ю. С. Проблема «плюрализма» юридических фактов, опосредующих возникновение обеспечительного обязательства между гарантом и бенефициаром / Ю. С. Поваров // Гражданское право. – 2025. – № 2. – С. 10–13.

158. Поваров, Ю. С. Существенные и иные условия банковской (независимой) гарантии / Ю. С. Поваров // Юридический вестник Самарского университета. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

159. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский ; по изд.: Пг., 1917. – Москва : Статут, 1998. – 641 с.

160. Провалинский, Д. И. Правовые иммунитеты в теории российского права / Д. И. Провалинский // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 127–133.

161. Прончатов, Е. А. Банковская гарантия и смежные институты права в деятельности кредитных и страховых организаций / Е. А. Прончатов, Д. Д. Тренина // Страховое право. – 2006. – № 1. – С. 25–29.

162. Ранжарауи М. Банковская система Сирии – состояние и проблемы / М. Ранжарауи // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2008. – № 2 (26). – С. 18–27.

163. Рассказова, Н. Ю. Банковская гарантия по российскому законодательству / Н. Ю. Рассказова. – Москва : Статут, 2005. – 336 с.

164. Рождественская, Т. Э. Частное банковское право : учебник / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова. – Москва : Проспект, 2020. – 455 с.

165. Руденко, Е. Ю. Обеспечение исполнения обязательства посредством гарантии: от банковской к независимой / Е. Ю. Руденко, А. М. Каунов //

Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 118. – С. 658–674.

166. Рузанова, В. Д. Дуализм частного права как проявление дифференциации правового регулирования / В. Д. Рузанова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 2 (51). – С. 54–66.

167. Руководство к унифицированным правилам для гарантий по требованию. Публикация № 510. Серия: «Издания Международной Торговой Палаты». – Москва : Издательство АО «Консалтбанкир», 1999. – 210 с.

168. Салам. Шариатский стандарт № 10 / пер. с англ., под ред. А. Ю. Журавлева [и др.] ; Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI). – Москва : Исламская книга, 2014. – 24 с.

169. Сачков, Ю. В. Независимость / Ю. В. Сачков // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – Москва : Мысль, 2001. – Т. 3. – 364 с.

170. Силаева, О. С. Судебный прецедент как источник права в России / О. С. Силаева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 19 (234). – С. 13–18.

171. Сирийская банковская система: реальность и проблемы. – Дамаск : Б. и., 2007. – 114 с.

172. Смирнова, П. В. О принципе независимости обязательства гаранта в банковской гарантии / П. В. Смирнова // Банковское право. – 2003. – № 2. – С. 16–19.

173. Сошникова, М. П. От акцессорности к независимости / М. П. Сошникова // Гражданское право. – 2013. – № 5. – С. 44–59.

174. Тимофеев, И. А. Принятие обязанности по возмещению имущественных потерь лицом, не являющимся стороной основного обязательства / И. А. Тимофеев // Гражданское право. – 2025. – № 3. – С. 17–19.

175. Типовые формы ICC для выдачи гарантий по требованию (Model Forms for Issuing Demand Guarantees) // Публикация МТП. – 1994. – № 503.

176. Ткаченко, В. Г. Атрибуты власти и депутатский индемнитет / В. Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2017. – № 2 (13). – С. 79–99.

177. Трофимов, К. Использование банковских гарантий в международных и отечественных контрактах / К. Трофимов // Хозяйство и право. – 1999. – № 11. – С. 45–54.

178. Трубецкой, Е. И. Труды по философии права / Е. И. Трубецкой ; вступ. сл., сост. и примеч. И. И. Евлампиева. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2001. – С. 519–520.

179. Усанова, В. А. О типологии обычаев в нормативном регулировании и правоприменительной практике / В. А. Усанова // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 2. – С. 49–55.

180. Филоненко, В. И. К вопросу о сопоставлении независимой гарантии и поручительства / В. И. Филоненко // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2015. – № 5-2. – С. 204–206.

181. Фирстова, А. М. Правовая природа независимой гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств / А. М. Фирстова, М. Д. Беляев // Научные исследования, открытия и развитие технологий в современной науке : сборник материалов XX международной научно-практической конференции. – Москва : Научно-издательский центр «Империя», 2019. – Т. 1. – С. 150–152.

182. Хани Двидар, А.-Б. Сборник законов о коммерческих контрактах и банковских операция / Аль-Бриф Хани Двидар. – Дар Аль-Джадида ; Александрия : Б. и., 2003. – 289 с.

183. Хремкина, Е. В. Независимая гарантия на смену банковской гарантии: изменения в обеспечении обязательств / Е. В. Хремкина // Актуальные проблемы современного законодательства : материалы IV всероссийской научно-практической конференции : в 2 томах / МФЮА; отв. ред. А. Г. Забелин. – Москва, 2016. – Т. 2. – С. 177–183.

184. Челышева, Н. Ю. Правовая природа независимой гарантии и ее место в системе гражданско-правовых обязательств / Н. Ю. Челышева // Гражданское право. – 2018. – № 2. – С. 23–26.

185. Черданцев, А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

186. Шарика (мушарака) и современные корпорации. Шариатский стандарт № 12 / пер. с англ., под ред. Р. И. Баишева [и др.] ; Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI). – Москва : Исламская книга, 2011. – 40 с.

187. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич ; по изд. 1907 г. – Москва : СПАРК, 1995. – 890 с.

188. Юсупов, Д. Д. Правовая природа независимой (банковской) гарантии / Д. Д. Юсупов // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 11-1. – С. 178–185.

189. Яковлева, Д. В. Актуальные проблемы определения существенных условий независимой гарантии в гражданском законодательстве / Д. В. Яковлева // Теория и практика современной юридической науки : материалы VII всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 338–356.

190. Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 67–81.

Научная и учебная литература на иностранном языке

191. Affaki, G. Guide to ICC Uniform rules for demand guarantees URDG 758. Paris : International Chamber of Commerce, 2011 / G. Affaki, R. M. Goode. – Режим доступа : https://www.studocu.com/row/document/universite-mhamed-bouguerra-de-boumerdes/kly%D8%A9-alhkok/702-icc-guide-to-icc-uniform-rules-for-demand-guarantees-urdg-758/87364786.

192. Bank Guarantees in International Trade. Nordea Trade Finance, 2010. – 150 p. – Режим доступа: https://www.nordea.no/Images/152-67647/bank-guarantees-in-international-trade.pdf.

193. Bank Islam Malaysia Berhad (BIMB) Islamic Banking Practice from the Practitioner's Perspective. – Kuala Lumpur : BIMB, 1994. – 78 p.

194. Benjamin, J. Financial law / J. Benjamin. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 654 p.

195. Bertrams, R. Bank Guarantees in international trade / R. Bertrams ; 3rd ed. – Hague : Kluwer law international, 2004. – At 1. – 562 p.

196. Bertrams, R. I. V. F. Bank Guarantees in International Trade / R. I. V. F. Bertrams. – Hague : ICC Pub., 1996. – 123 p.

197. Bogan, C. E. Bench marking for Best Practices: Winning Through Innovative Adaptation / C. E. Bogan, M. J. English. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 312 p.

198. Day, D. The Law of International Trade / D. Day, B. Griffin. – London : LexisNexis Butterworths, 1993. – P. 146–149.

199. Errera, J.-M. Le pilotage Bancaire et Contrôle Interne / J.-M. Errera, Ch. Jiménez. – Paris : Éd. Eska, 1999. – 208 p.

200. Examining issues on Islamic shipping guarantee / S. F. S. Alwi, I. Osman, U. Ibrahim, M. F. Sawari // Procedia – Social and Behavioral Science. – 2016. – Vol. 219. – P. 63–68.

201. Flannigan, R. Privity – the end of an era / R. Flannigan // Law Quarterly Review. – 1987. – October. – № 103 (4). – P. 564–593.

202. Furmston, M. Law of Contract / M. Furmston ; 15th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 828 p.

203. Gallagher, E. G. The Law of Suretyship / E. G. Gallagher / American Bar Association. – London, 2000. – 556 p.

204. Gavalda, Ch. Droit de la Banque / Ch. Gavalda, J. Stoufflet. – Paris : Ed. PUF, sans date de publication. – 863 p.

205. Harris, Ch. Bonds and Guarantees / Ch. Harris, J. Davies Evans [Electronic resource] // Global Arbitration Review. – Режим доступа: https://globalarbitrationreview.com/chapter/1145208/bonds-and-guarantees (дата обращения: 15.06.2025).

206. Hassan, R. Islamic Banking and Takaful / R. Hassan // Pearson Custom Publishing. – Kuala Lumpur, 2011. – P. 10.

207. History of the Lehman Brothers [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.library.hbs.edu/special-collections-and-archives/exhibits/lehman.

208. Horn, N. Bank Guarantees, Standby Letters of Credit and Performance Bonds in International Trade / N. Horn, E. Wymeersch // The Law of International Trade Finance. – Boston : Ed. N. Horn, 1989. – Vol. 6. – P. 459–460.

209. International Bank and Other Guarantees Handbook: Europe / Ed.: Y. Aubin, L. de Longeaux, J.-C. Vecchiatto. – Hague : Kluwer Law International B.V., 2011. – 732 p.

210. Jacobs, E. Judicial reform of privity and consideration / E. Jacobs // Journal of Business Law. – 1986. – № 6. – P. 466–473.

211. Kelly-Louw, M. Selective Legal Aspects of Bank Demand Guarantee / M. Kelly-Louw // University of South Africa. – 2008. – № 2. – At. 17.

212. Klein-Cornede, J. La pratique des garanties Bancaire dans les contrat internationaux / J. Klein-Cornede // Collection techniques de la Banque AFB Diffusion. – 1999. – Juin. – P. 30.

213. Khan, M. A. Islamic Economics and Finance: A Glossary / Muhammad Akram Khan. – New York : Routledge, 2003. – 208 p.

214. Kurkela, M. Letters of Credit and Bank Guarantees under International Trade Law / M. Kurkela. – Oxford, 2007. – 520 p.

215. Mulcahy, L. Contract Law in Perspective / L. Mulcahy ; 5th ed. – London : Routledge, 2008. – 238 p.

216. Mustafa, M. Shariah-compliant deposit insurance scheme: a proposed additional modality / M. Mustafa, S. F. Najeeb // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. – 2018. – Vol. 11, № 3. – P. 488–506.

217. Nash, J. Code Green: Business Adopts Voluntary Environmental Standards / J. Nash, J. Ehrenfeld // Environment: Science and Policy for Sustainable Development. – 2010. – № 38. – P. 16–45.

218. Nyquist, C. A Contract Tale from the Crypt. 30 Hous / C. Nyquist // Law Rev. – 1993. – № 1205. – P. 1233.

219. Pierce, A. Demand guarantees in international trade / A. Pierce. – London : Sweet & Maxwell, 1993. – 108 p.

220. Privity of contract: contracts for the benefit of third parties. Item 1 of the Sixth Program of Law Reform: The Law of Contract. Presented to Parliament by the Lord High Chancellor by Command of Her Majesty. The Law Commission (LAW COM No 242). July 1996 [Электронный ресурс] // Официальный портал законодательства Соединенного Королевства. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/31/contents (дата обращения: 15.06.2025).

221. Reason, J. Managing the Risks of Organizational Accidents / J. Reason. – New York : Ashgate Publishing Ltd, 1997. – 252 p.

222. SBA Announces Decrease in Surety Bond Guarantee Fees [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.sba.gov/article/2018/sep/06/sba-announces-decrease-surety-bond-guarantee-fees (дата обращения: 15.06.2025).

223. Sellman, P. Law of international trade / P. Sellman ; 4th ed. – London : Old Bailey Press, 2003. – At. 148.

224. SIO : Off. Web-site / National Association of Surety Bond Producers (NASBP) and Surety and Fidelity Association of America (SFAA) – SIO Sitemap. 2025. – Режим доступа: http://suretyinfo.org/?page_id=573 (дата обращения: 15.06.2025).

225. Surety Bonds Timeline [Electronic resource]. URL: https://www.suretybonds.com/edu/history.html (дата обращения: 15.06.2025).

226. Syed Alwi, F. S. A few methods in charging fees for kafalah bank guarantee-i among Islamic banks in Malaysia / F. S. Syed Alwi, U. Ibrahim, M. F. Sawari // ISRA International Journal of Islamic Finance. – 2014. – Vol. 6, № 1. – P. 51.

227. Titcomb, J. Barings: the collapse that erased 232 years of history / J. Titcomb // The Daily Telegraph. – 2015. – 23 February.

228. Treitel, G. H. An Outline of the Law of Contract / G. H. Treitel ; 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 520 p.

229. Trumbull, M. Lehman Bros. used accounting trick amid financial crisis – and earlier / M. Trumbull // The Christian Science Monitor. – 2010. – 12 March.

230. Turner, C. Unlocking Contract Law / C. Turner ; 2nd ed. – London : Hodder Arnold, 2007. – 529 p.

Ресурсы сети Интернет

231. Банк «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bspb.ru/business/guarantee/small/ (дата обращения: 15.06.2025).

232. Банковские гарантии [Электронный ресурс] // ВТБ : официальный сайт. – Режим доступа: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/deleted/kredity-i-garantii-del/garantii-del/ (дата обращения: 15.06.2025).

233. В России появится система гарантий при страховании жизни [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1775912/ (дата обращения: 15.06.2025).

234. ВЦИОМ. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/most-serious-problems/article/biznes-v-rossii-vzgljad-iznutri.html (дата обращения: 15.06.2025).

235. Вырос уровень доверия россиян к банкам [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2008. – 24 марта. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/870796 (дата обращения: 15.06.2025).

236. Гарантии участникам закупок № 44-ФЗ, 223-ФЗ, 615-ПП [Электронный ресурс] // ВТБ : официальный сайт. – Режим доступа: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/kredity-i-garantii/ekspress-garantii-uchastnikam-zakupok-44-fz-223-fz-615-pp/ (дата обращения: 15.06.2025).

237. Годовые отчеты Коммерческого банка Сирии // Официальный сайт Коммерческого банка Сирии. – Режим доступа: https://www.cbs-bank.sy/ar/home-ar (дата обращения: 15.06.2025).

238. Госзакупки: порядок выдачи независимых гарантий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--04-vlciihi2j.xn--p1ai/press-center/news/ novosti-organizatsii/goszakupki-poryadok-vydachi-nezavisimykh-garantiy/ (дата обращения: 15.06.2025).

239. Корпорация МСП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://corpmsp.ru/finansovaya-podderzhka/garantiynaya-podderzhka-subektov-msp-ngs/bankovskie-garantii-msp-banka/ (дата обращения: 15.06.2025).

240. Лисаченко, А. Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств после 1 июня 2015 года [Электронный ресурс] / А. Лисаченко // Regforum.ru. Информационный ресурс о регистрации юридических лиц и ИП в России. - Москва : ООО «Регфорум.ру», 2007–2025. – Режим доступа: https://regforum.ru/posts/1674_ot_bankovskoy__k_nezavisimoy/ (дата обращения: 15.06.2025).

241. Отношение россиян к банкам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journal.uralsib.ru/analytics/attitude-of-russians-towards-banks (дата обращения: 15.06.2025).

242. Потребительские тренды на рынке банковских услуг – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/doverie-rossiyan-k-bankam-v-2019-godu-snizilos-do-58percent-mfo-doveryayut-lish-4percent-opros-nafi-1028568206 (дата обращения: 15.06.2025).

243. Прекратившие существование кредитные организации вследствие ликвидации или отзыва лицензии Банком России в период с 1991 по 2021 г. [Электронный ресурс] // Банки.ру: [сайт]. – Москва : ООО ИА «Банки.ру», 2005–2025. – Режим доступа: https://www.banki.ru/banks/memory/?PAGEN_1=4 (дата обращения: 15.06.2025).

244. РБК. Финансы : сайт. – Москва : ООО «БИЗНЕСПРЕСС», АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ», 1995–2025. – 2020. – 24 апреля. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/24/04/2020/5ea19aff9a7947282c785981 (дата обращения: 15.06.2025).

245. Совкомбанк [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: https://msb.sovcombank.ru/fintender/ (дата обращения: 15.06.2025).

246. Форма банковской гарантии [Электронный ресурс] // Банк «Syria and Overseas». – Режим доступа: http://www.bso.com.sy/ar/About_ar.html (дата обращения: 15.06.2025).

247. ЦБ сообщил о ликвидации девяти банков [Электронный ресурс] // Банки.ру / [Москва] : ООО ИА «Банки.ру», 2005–2025. – Режим доступа: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11013869 (дата обращения: 15.06.2025).

248. Я б в предприниматели пошел! [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости : официальный сайт. – 2025. – 28 мая. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-predprinimateli-poshel (дата обращения: 15.06.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Банки, входящие в банковскою систему САР*

Банк	Капитал в SY
1. Commercial bank of Syria	70.000.000.000
2. Industrial Bank	13.600.000.000
3. Agricultural Bank	20.000.00.000
4. Popular Credit Band	10.000.000.000
5. Real estate bank	10.000.000.000
6. Saving bank	10.000.000.000
7. Banque Bemo Saudi Fransi	20.000.000.000
8. Bank of Syria and overseas	10.000.000.000
9. The international bank for trade and Finance	21.000.000.000
10. Arab Bank – Syria	10.000.000.000
11. Shahba Bank	10.000.000.000
12. Syria Gulf Bank	10.000.000.000
13. Cham bank	15.000.000.000
14. Syria international Islamic bank	15.000.000.000
15. Bank of Jordan – Syria	15.000.000.000
16. Fransa bank – Syria	10.000.000.000
17.Bank al Sharq	25.800.000.000
18. Qatar international Bank – Syria	43.600.000.000
19. Al Baraka bank – Syria	15.000.000.000
20.National Islamic Bank	25.000.000.000
21.National Credit Bank (ATB)	16.000.000.000

* Центральный банк Сирии. URL: https://www.cb.gov.sy/.

Приложение Б

Объем портфеля банковских гарантий, реализованных Коммерческим банком Сирии (CBS) в период с 2007 по 2020 г.*

Год	Общая сумма выполненных гарантий, в сирийских валютах	Темпы роста относительно предыдущего года, %
2000	9.180.000	–
2001	9.683.000	5,48
2002	10.905.000	12,62
2003	43.145.000	295,71
2004	46.479.000	7,71
2005	49.464.000	6,42
2006	52.705.000	6,55
2007	58.194.000	10,42
2008	56.611.000	-2,72
2009	53.864.000	4,85
2010	63.778.000	18,41
2011	55.166.000	-13,50
2012	71.137.000	28,95
2013	74.879.000	5,26
2014	83.350.000	11,31
2015	82.488.000	1,03
2016	72.678.000	11,89
2017	72.242.000	0,60
2018	67.707.000	6,28
2019	63.153.000	6,63
2020	64.720.000	1,46

*Годовые отчеты Коммерческого банка Сирии. URL: https://www.cbs-bank.sy/ar/home-ar.